

W $\frac{306}{104}$

ЭБ

У 306
104

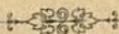
О. С. Коршъ.

О РУССКОМЪ НАРОДНОМЪ СТИХОСЛОЖЕНІИ.

І. БЫЛИНЫ.

ПРИЛОЖЕНІЕ: І. УДАРЕНІЯ ВЪ ЯЗЫКЪ РУССКОЙ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ. Существительныя. Отдѣльныя слова. Существительныя СЪ ПОДВИЖНЫМЪ УДАРЕНІЕМЪ. Женскій родъ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лин., № 12).

1897.

2482

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Май 1897 г.

Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

14139-45

2007110870

Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, тома I-го (1896 г.) кн. 1-ой, стран. 1—45 и тома II-го (1897 г.), кн. 2-ой, стран. 429—504*.

О РУССКОМЪ НАРОДНОМЪ СТИХОСЛОЖЕНІИ.

І. Былины ¹⁾.

Русское народное стихосложение, равно какъ и искусственное, относится къ типу тоническому, т. е. ритмическое ударение въ немъ совпадаетъ съ прозаическимъ или, во всякомъ случаѣ, связано съ послѣднимъ органически ²⁾. Отличается наша народная метрика отъ искусственной тѣмъ, что въ то время, какъ въ послѣднемъ родѣ стихосложения каждой основной, т. е. мельчайшей части ритма (*χρονος πρωτος*, тогда), соотвѣтствуетъ слогъ (за исключеніемъ конца стиха, гдѣ это условіе не необходимо), въ первомъ слогъ иногда приходится на двѣ такія части ритма, — иначе говоря, растягивается вдвое, что возможно, конечно, только при пѣніи. Потому: для правильнаго пониманія всякаго

1) Что слово «былина» примѣнено къ нашимъ народнымъ эпическимъ сказаніямъ впервые Сахаровымъ, и притомъ по недоразумѣнію, недавно показано профессоромъ Вс. О. Миллеромъ въ статьѣ «Русская былина, ея слагатели и исполнители» (Русская Мысль 1895 г. Октябрь и Ноябрь). Но самъ проф. Миллеръ не находитъ нужнымъ изгонять изъ научнаго обихода этотъ терминъ, освященный уже многолѣтнимъ употребленіемъ и по своей условной ясности болѣе удобный, чѣмъ народное названіе этихъ стихотвореній — «старина», «старинка» или «старинушка» (послѣднее встрѣчается, можетъ быть, только въ самомъ текстѣ былинь). Кстати замѣтимъ, что разнообразнымъ заключеніямъ былинь, находимымъ у новѣйшихъ Олонецкихъ сказителей, съ почти неизбѣжнымъ употребленіемъ словъ «старинка», «старинушка» или «слава»

народнаго размѣра необходимо знаніе соотвѣтствующаго напѣва. Впрочемъ это слѣдуетъ понимать не такъ, чтобы ритмическій разборъ даннаго народнаго стихотворнаго текста былъ невозможенъ, если намъ неизвѣстенъ въ точности его напѣвъ, тѣмъ болѣе, что есть тексты такого рода, никогда не имѣвшіе при себѣ напѣва, на примѣръ стихотворныя пословицы: для опредѣленія ритма достаточно выяснитъ признаки, на основаніи которыхъ можно отнести разсматриваемый текстъ къ тому или другому типу пѣсеннаго ритма.

Несомнѣнно, что ритмъ выступаетъ съ наибольшею опредѣленностью въ пѣсняхъ плясовыхъ, такъ какъ здѣсь онъ воспроизводится одновременно въ словахъ, въ напѣвѣ и въ движеніи. Ритмъ этихъ пѣсенъ бываетъ или восходящій, начинающійся съ неударяемаго слога, или нисходящій, начинающійся со слога ударяемаго. Представителемъ перваго можетъ служить пѣсня «Ахъ вы сѣни, мои сѣни», второго—«Барыня». Изъ нихъ болѣе древнимъ кажется первый (восходящій), судя какъ по его распространенности, такъ и по многочисленнымъ соприкосновеніямъ съ другими размѣрами, между прочимъ съ былевымъ. Въ наиболѣе правильномъ, съ точки зрѣнія искусственной метрики, видѣ этотъ плясовой размѣръ является въ такихъ стихахъ, въ которыхъ каждой основной части ритма соотвѣтствуетъ особый слогъ (за исключеніемъ конца).

Таковъ стихъ «Ахъ вы сѣни, мои сѣни, сѣни новыя мои».

(напр. Гильферд., столб. 458, 479, 642, 662, 671, 676, 681, 683, особенно часто у Щеголенка, или «Такъ та старинка и покончилась», слышанное нами въ Москвѣ отъ Ивана Трофимовича Рябинина), въ старѣйшей изъ намъ извѣстныхъ записей былинь, связанной съ именемъ Кириши Данилова, соотвѣтствуетъ постоянно одна и та-же формула: «То старина, то и дѣянье», кромѣ былины «Царь Саулъ Леванидовичъ», которой послѣдній стихъ таковъ: «Тѣмъ старина и кончилась» (Калайдовичъ, Древнія Россійскія стихотворенія. Москва 1818 г., стр. 265). Сказанное объ искусственности существительнаго «былина» относится и къ прилагательному «былевой».

2) Ритмъ, какъ всѣмъ извѣстно, состоитъ изъ чередованія сильныхъ и слабыхъ моментовъ времени, слѣдовательно въ метрику—изъ сильныхъ (ритмически ударяемыхъ) и слабыхъ (неударяемыхъ) слоговъ.

Обозначивъ каждую основную часть ритма знакомъ \smile и разставивъ главныя и второстепенныя ритмическія ударенія —

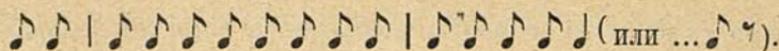
\smile
Ахъ вы сѣни, мой сѣни, сѣни новыя мои,

мы увидимъ, что такой стихъ слогъ въ слогъ равняется метрическому (квантитативному) анапестическому диметру съ разложениемъ всѣхъ долгихъ слоговъ кромѣ послѣдняго, напр.

\smile
Τίς ὄρεα βαθύχομα τὰδ' ἐπέστυτο βροτῶν;

Отличіе такого анапестическаго стиха отъ нашего плясового состоитъ лишь въ одной подробности, не имѣющей ритмическаго значенія, такъ какъ она обусловлена исключительно звуковыми свойствами того и другого языка—русскаго (тоническаго) и греческаго (метрическаго): въ греческомъ стихѣ послѣднія двѣ ритмическія величины представлены сполна однимъ долгимъ слогомъ, тогда какъ въ русскомъ, вслѣдствіе одинаковаго протяженія всѣхъ слоговъ въ рѣчи, слогомъ выражена лишь предпослѣдняя часть ритма, а послѣдней соотвѣтствуетъ пауза. Впрочемъ, такъ какъ послѣдній слогъ въ метрическомъ стихѣ безразличенъ, то и по-гречески возможно совершенно такое-же окончаніе стиха, какъ и по-русски. Во всемъ остальномъ сходство этихъ двухъ стиховъ слѣдуетъ признать полнымъ. Между прочимъ особеннаго вниманія заслуживаетъ здѣсь расположеніе анапестовъ по динодіямъ и при томъ нисходящимъ, т. е. удареніе каждаго изъ первыхъ двухъ анапестовъ сильнѣе, нежели удареніе второго анапеста той-же пары. Съ точки зрѣнія современной музыкальной ритмики тотъ и другой стихъ представляютъ собой восходящую ритмическую величину изъ двухъ тактовъ въ четыре четверти [или $\frac{8}{8}$]³⁾:

3) У Малорусовъ и у Бѣлорусовъ тотъ-же самый стихъ разбивается на такты вдвое меньшіе. Какъ бы то ни было, наличность этого размѣра во всѣхъ трехъ вѣтвяхъ русскаго племени подтверждаетъ, повидимому, высказанное выше предположеніе объ его древности.

При такомъ написаніи послѣдній тактъ оказывается неполнымъ въ томъ случаѣ, если мы возьмемъ каждый стихъ отдѣльно отъ другихъ, но въ пѣснѣ недостающія части послѣдняго такта кромѣ той, которая, какъ мы видѣли, всегда находится въ паузѣ, находятъ себѣ дополненіе въ приступѣ (анакрусисѣ, Auftakt) слѣдующаго стиха. Приведенное выше музыкальное изображеніе, передавая вполне какъ продолжительность отдѣльныхъ частей ритма, такъ и относительную силу ритмическихъ удареній, оставляетъ однако-же въ сторонѣ дѣленіе на ритмическія группы, ясно выступающее при греческомъ обозначеніи и соотвѣтствующей ему терминологіи, а именно: понятіе анапестической диподіи напоминаетъ дѣленіе такого стиха на двѣ группы, выражающееся обыкновенно въ цезурѣ. Подъ этимъ терминомъ не слѣдуетъ разумѣть непременно болѣе или менѣе сильную, напр. логическую, остановку: для показанія различныхъ частей стиха совершенно достаточно постояннаго окончанія слова въ данномъ мѣстѣ, напр.

Ахъ вы сѣни, мои сѣни || .

Впрочемъ, какъ въ греческомъ анапестическомъ диметрѣ, такъ и въ описанномъ русскомъ плясовомъ стихѣ встрѣчаются иногда нарушенія цезуры, однако болѣею частью, а у насъ, кажется, всегда, лишь на одинъ слогъ, и при томъ такимъ образомъ, что послѣдній слогъ послѣдняго слова первой половины стиха переходитъ ко второй половинѣ, напр.

Сѣни новыя, кленовы||я, рѣшетчаты мои ⁴⁾.

Въ подчиненіи такого, оканчивающагося дактилически, слова цезурѣ, а не цезуры слову легко убѣдиться изъ напѣва.

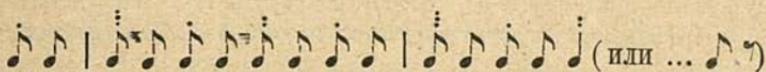
4) Такъ, повидимому, слѣдуетъ читать текстъ, напечатанный Сахаровымъ на стр. 87:

Сѣни новы, кленовы, рѣшетчаты мои.

Чуть-ли не чаще поется такъ, какъ указано ниже.

Что касается ритмическихъ удареній въ вышеприведенномъ стихѣ, то главныя изъ нихъ, т. е. соотвѣтствующія удареніямъ тактовымъ, всегда совпадаютъ съ прозаическими (сѣни, новья), второстепенныя — большею частью также ⁵⁾, за исключеніемъ неударяемыхъ послѣднихъ слоговъ многосложныхъ (болѣе чѣмъ 2-сложныхъ) словъ съ удареніемъ не на предпослѣднемъ слогѣ ⁶⁾. — Впрочемъ эта вольность допускается только въ концѣ метрическаго ряда, иначе говоря, въ концѣ стиха или въ цезурѣ, если въ этомъ мѣстѣ пропущена послѣдняя ритмическая часть полустишія или двѣ послѣднія стянуты въ одну, что, какъ мы увидимъ, встрѣчается часто.

До сихъ поръ мы не могли замѣтить въ распредѣленіи удареній никакого различія между метрикой народной и искусственной; но помимо указанныхъ двухъ родовъ ритмическаго ударенія — первостепеннаго (или главнаго) и второстепеннаго, есть еще третьестепенное, которое падаетъ на ритмическія величины (или слоги), отдѣленныя отъ таковыхъ-же съ главнымъ или второстепеннымъ удареніемъ однимъ слогомъ:

Ахъ вы сѣ-ни, мо-и сѣ-ни, сѣ-ни но-вы-я мо-и.

5) Само собою разумѣется, что къ языку народной поэзіи нельзя безусловно примѣнять наше литературное удареніе, такъ какъ въ немъ часто встрѣчаются ударенія діалектическія и архаическія, напр. правой, соколъ, соколá, мб-лодецъ, дѣвица и т. п.

6) И въ прозаической русской рѣчи второстепенное удареніе при указанномъ въ текстѣ строеніи слова падаетъ именно на послѣдній слогъ, а напри- мѣръ не такъ, какъ по чешски, гдѣ второстепенныя ударенія слышатся черезъ слогъ послѣ главнаго ударенія: *ro-milú-jemè, óbvinitelèvi*, тогда какъ у насъ такъ-же, какъ и у Лужичанъ и у Словенцевъ, второстепенное удареніе лежитъ на послѣднемъ слогѣ: *пятидесяти*, какъ видно изъ шуточного стихотворенія Рылѣва, которое Пушкинъ поставилъ въ видѣ эпиграфа къ Пиковой Дамѣ. Потому и въ искусственной метрицѣ при нарушеніи диподии (восходящей) въ четырехстопномъ ямбѣ ритмически вѣрно построеннымъ стихомъ можетъ быть признанъ лишь тотъ, въ которомъ второстепенное удареніе падаетъ на конецъ слова; потому правиленъ стихъ: «Взлетѣянный въ тѣни дубравной» Пушкинъ. Полт. I, но не: «Причудливыя какъ мечты» Лерм. Мцыри VI.

Уже изъ этого примѣра видно, что совпаденіе удареній прозаическихъ съ третьестепенными необязательно: слово «мой» (первое) считается какъ-бы неимѣющимъ ударенія, а потому съ нимъ и поступлено не какъ съ самостоятельнымъ словомъ, а лишь какъ съ частью слѣдующаго слова. Въ искусственныхъ ямбахъ и хорейхъ (а разбираемый стихъ въ искусственной метрикѣ разсматривался бы какъ трохайческій) эта вольность не допускается, что впрочемъ и понятно въ виду меньшей энергіи главныхъ удареній при рецитациі 7).

Но такіе стихи, которыхъ всѣ ритмическія части были-бы выражены отдѣльными слогами, встрѣчаются въ народныхъ пѣсняхъ довольно рѣдко: большею частью то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ стиха въ соотвѣтствіи двумъ ритмическимъ величи-

7) Исключенія весьма рѣдки, напр. у Пушкина въ Пирѣ во время чумы:

(хотя музыкантъ предпочелъ-бы, конечно, сократить паузу посредствомъ протяженія одного изъ двухъ предшествующихъ слоговъ или обоихъ вмѣстѣ); также въ Анжело, ч. I:

если только Пушкинъ не имѣлъ въ виду ударенія «сложа», которое иногда слышится именно въ этомъ сочетаніи. Въ тоническихъ трохеяхъ и 4-стопныхъ ямбахъ противорѣчіе между ритмическимъ, хотя бы и не главнымъ, и прозаическимъ удареніемъ было бы тѣмъ замѣтнѣе, что касалось бы уже не третьестепеннаго, а второстепеннаго ритмическаго ударенія, потому что ритмъ такихъ стиховъ, — по крайней мѣрѣ, музыкальный, предполагаетъ такты въ $\frac{2}{4}$ съ восходящимъ порядкомъ удареній:

намъ мы находимъ по одному слогу. Это бываетъ во первыхъ, какъ уже выше сказано, въ цезурѣ, гдѣ впрочемъ вторая изъ соответствующихъ слогу ритмическихъ величинъ обыкновенно замѣняется паузою:

Выходила молода || за новыя ворота.

Во-вторыхъ это бываетъ преимущественно подъ главнымъ удареніемъ:

Съни новыя кленовы || я рѣшотчатыя.

Зовутъ Ванюшкою || пивоварушкою.

При нарушеніи этого строя, очень обыкновенномъ въ 4-стопныхъ ямбахъ, является тактъ $\frac{3}{4}$, а съ нимъ и третьестепенное удареніе, напр.

Ко - вши, се - ре - бря - ны - я ча - ши,

или, съ другимъ распредѣленіемъ удареній,

Пре - дань - я ста - ри - ны глу - бо - кой.

Однако и при построеніи въ $\frac{3}{4}$ едва-ли можно найти въ русскихъ стихахъ этого размѣра случаи постановки какого бы то ни было ритмического ударенія на безударный слогъ, стоящій рядомъ съ ударяемымъ, если не считать энклитического употребленія вводнаго «каже» въ малорусскихъ стихахъ Котляревскаго (Энеида I и II, стр. 9 и 50 изд. Катранова):

Ко - лыбь, ка - же, у - мерь я въ Тро - и.

Не - хай, ка - же, тво - я здо - ро - ва

Бу - ла, Неп - ту - не, го - ло - ва.

По-великорусски можно было бы употребить такимъ образомъ, даже въ тактѣ $\frac{2}{4}$, трохаическія «дѣскасть» и «братецъ» (при обращеніи не къ «братцу» въ собственномъ смыслѣ этого слова).

Значительно рѣже встрѣчается такое стяженіе во всѣхъ частяхъ стиха сразу:

Овечушки || косматушки⁸⁾, —

стихъ, вполне равняющійся при пѣніи не только слѣдующему за нимъ

Да и кто же васъ пасеть, || мои матушки,

но и такому, какъ Ахъ вы сѣни мои, сѣни.

Изъ этого сравненія видно, какъ мало значенія имѣютъ слоги съ третьестепеннымъ удареніемъ: при стяженіи они совершенно исчезаютъ и въ стихѣ остаются лишь главные и второстепенныя ударенія. При этомъ напомнимъ то, на что въ общихъ чертахъ было указано и выше, а именно, что второстепенное ритмическое удареніе можетъ падать на послѣдній неударяемый слогъ отдѣльнаго слова, если этому слогу не предшествуетъ непосредственно прозаическое удареніе (овечушки косматушки).

Такимъ образомъ число слоговъ этого народнаго размѣра колеблется между 15 и 8 соотвѣтственно числу ритмическихъ величинъ, изъ которыхъ состоитъ стихъ (16, считая съ послѣдней, падающей на паузу), то сполна выражаемыхъ слогами, то стягиваемыхъ въ текстѣ по двѣ на одинъ слогъ. Сверхъ того уже изъ предыдущаго слѣдуетъ, что между главнымъ и второстепеннымъ удареніемъ не можетъ быть больше трехъ слоговъ и меньше одного, а между двумя главными можетъ быть не больше семи и не меньше трехъ.

✓ Тотъ-же самый плясовой стихъ лежитъ въ основѣ стиха эпическаго или былеваго. Замѣтное отличіе послѣдняго отъ перваго заключается въ томъ, что онъ держится, такъ сказать, средняго типа между двумя крайностями, а именно въ высшей степени рѣдко число его слоговъ доходитъ до 15, даже до 14

8) Ср. у Кольцова «Весною стѣпь || зелѣная» и т. д.

(по крайней мѣрѣ, со стяженіемъ или паузой въ цезурѣ)

А и я къ тебѣ прѣѣхалъ || не по старому служить

(Калайдовичъ, Древнія Росс. стихотвор. стр. 90).

А и солю насолилъ, || его въ Волгу опустилъ

(тамъ-же стр. 266),

но также далеко не часто встрѣчается форма въ 8 слоговъ, напр.

Дружина спитъ, || такъ Волхъ, не спитъ,

и даже, какъ мы увидимъ ниже, бываютъ стихи и въ семь слоговъ. Возможенъ впрочемъ и 16-сложный стихъ, но подь условіемъ рямы (конечно, женской) въ цезурѣ и въ концѣ, напр.

А и старицы черницы, || души красныя дѣвицы

(тамъ-же стр. 384). Но такой стихъ, единственный въ былинахъ сборника Кирши Данилова, находится въ стихотвореніи «Чурилья Игуменья», не древнемъ по происхожденію и отличающемся пѣсеннымъ складомъ согласно съ игривостью своего содержанія. Однако и первый изъ только-что приведенныхъ стиховъ (въ былинѣ «О женидѣбѣ князя Владиміра») стоитъ одиноко. Другое дѣло у олонецкихъ сказителей.

Конецъ стиха въ огромномъ большинствѣ случаевъ является стяженнымъ такимъ образомъ, что двумъ предпоследнимъ ритмическимъ величинамъ стиха (не считая конечной и находящейся въ паузѣ) соотвѣтствуетъ лишь одинъ слогъ, вслѣдствіе чего въ концѣ стиха большею частью оказывается тоническій дактиль, напр.

Отвѣчаетъ Илья Муромецъ || Ивановичъ 9).

9) Для упрощенія схемы въ концѣ стиха или полустипіи вмѣсто знака краткости съ паузой мы будемъ ставить знакъ долготы.

Впрочемъ этотъ конечный дактиль нерѣдко выражается двумя словами, такъ что конечному второстепенному ударенію соотвѣтствуетъ прозаическое удареніе:

Въ чердакъ была бесѣда, || дорожень рыбіи зубъ.

Правда, такое стяженіе въ концѣ стиха отнюдь не обязательно, но за то при выраженіи двухъ предпоследнихъ величинъ стиха особыми слогами обыкновенно является стяженіе впереди:

Чтобы бѣгати, скакати || на добрыхъ на коняхъ.

Очень рѣдко въ концѣ стиха замѣчается явленіе обратное стяженію, а именно разложеніе конечнаго слога (или долготы), т. е. выраженіе послѣдней ритмической величины, находящейся въ паузѣ, отдѣльнымъ слогомъ, какъ въ приведенномъ выше стихѣ изъ «Чурильи», напр.

Товарную пошлину || въ таможиѣ платили.

Не тоя то Камы, || коя въ Волгу пала.

А и Божье то крѣпко, || вражье то лѣпко.

Въ плясовомъ стихѣ такое окончаніе допускается, по видимому, только съ тѣмъ условіемъ, какое мы видѣли въ томъ-же примѣрѣ изъ «Чурильи».

Согласно съ тѣмъ, что было сказано о господствѣ средней нормы въ построеніи былевого стиха, большею частью на стихъ приходится болѣе одного стяженія:

Во стольномъ городѣ || Кіевѣ,

У ласкова князя || Владиміра.

Цезура въ эпическомъ стихѣ соблюдается всегда, но въ немъ она подвижнѣе, нежели въ плясовомъ, а именно она можетъ быть мужская, женская и дактилическая:

У великаго князя || вечеринка была (женская).

А сидѣли на пиру || честны вдовы (мужская).

И сидѣла тутъ Добрынина || матушка (дактилическая).

Рѣзкое отличіе былевого стиха отъ разобранныго выше плясового заключается въ томъ, что первый можетъ терять приступъ, напр.

Было пированье, || почетный пиръ,

или, со стяженіями по всему стиху (въ 7 слоговъ):

Въ вишеньѣ, || въ орѣшеньѣ,

рѣже совсѣмъ безъ стяженій внутри, какъ

Али палачу || мнѣ самому быть сказнену

(Калайд. стр. 331).

Въ этихъ трехъ стихахъ недостаетъ первыхъ двухъ величинъ, которыя и восполняются паузой впереди. Эта форма въ эпосѣ встрѣчается въ перемежку съ болѣе обыкновенной формой восходящаго вида, но въ лирической поэзіи она часто употребляется исключительно на протяженіи всей пѣсни. Сравнительная самостоятельность ея видна изъ того, что именно она предпочитается въ пословицахъ и загадкахъ:

Не было ни гроша, || да вдругъ алтынъ.

Быкъ да теля || —одна родня.

Зато съ другой стороны, хотя довольно рѣдко, во всякомъ случаѣ гораздо рѣже, чѣмъ можно заключить изъ текстовъ, записанныхъ подъ диктовку или по памяти безъ пѣнія, приступъ въ былевомъ стихѣ можетъ простираться до трехъ слоговъ, напр.

Втапоры повары были || догадливы,

я точно такъ-же, но, можетъ быть, чаще, во второй половинѣ

стиха, — разумѣется, съ тѣмъ условіемъ, чтобы непосредственно передъ цезурой стоялъ слогъ со второстепеннымъ удареніемъ, напр.

Приводили его || ко княженецкому столу.

Въ видѣ исключенія попадаются стихи съ приступомъ отъ 4 до 6 слоговъ, т. е. длины, которая вызываетъ уже два ритмическихъ ударенія, одно — третьестепенное, другое — второстепенное, напр.

Пошелъ онъ ко ласкову князю || Владиміру

(Калайд. стр. 4).

Втапоры Алеша подскочилъ, || ему голову срубилъ

(тамъ-же стр. 193).

Такой приступъ нарушаетъ ритмъ въ мѣстѣ соединенія двухъ стиховъ, потому что вводитъ величины свыше мѣры $\frac{4}{4}$ въ тактъ, образуемый концемъ перваго стиха и приступомъ второго, если только первый стихъ полонъ, а не замѣненъ однимъ полуступищемъ (о чемъ ниже), напр.

Ведѣлъ подносить вина || имъ заморскія

И меда сладкіе. ||

Тотчасъ по поступкамъ Соловья || опознывали

(Калайд. стр. 11).

Само собою разумѣется, что далеко не всѣ чрезмѣрно длинные стихи въ нашихъ сборникахъ былинъ можно объяснять такимъ образомъ: распространеніе посредствомъ постороннихъ прибавокъ замѣчается обыкновенно въ серединѣ стиха, а не въ началѣ. Но и многосложный приступъ есть вольность до такой степени незаконная, что на нее надобно смотрѣть, какъ на сильный выходъ пѣвца изъ затрудненія, когда ему измѣнить память или искусство, и нельзя было бы догадаться о подлинномъ, хотя рѣдкомъ, существованіи такого вида стиха въ ка-

чествѣ особой формы, если бы мы не слышали своими ушами такихъ примѣровъ, какъ у знакомаго Петербургу и Москвѣ И. Тр. Рябина въ былицѣ о Вольгѣ и Микулѣ (Этнографическое Обозрѣніе 1894, № 4) ст. 136—147—153 (т. е. даже въ значеніи формулы):

А не могутъ оны сошки съ земельки || powyдернуть.

Выше уже по поводу плясового стиха было сказано, что цезура не требуетъ логической остановки; потому возможно такое распредѣленіе словъ:

Тысяцкѣй—ласковѣй || Владимѣръ князь,

Свашена—княгиня || Апраксѣвна¹⁰).

Если стихъ оканчивается на слово, имѣющее главное удареніе на первомъ слогѣ, а ему предшествуетъ двухсложное слово, имѣющее на себѣ лишь третьестепенное удареніе, то это слово относится ко второй половинѣ стиха, напр.

Вмѣсто очей || было вставлено.

Вообще односложныя и двухсложныя слова, хотя бы и не связанныя по смыслу со вторымъ полустипишемъ, относятся къ послѣднему, по крайней мѣрѣ, въ томъ случаѣ, если въ первомъ полустипиши окажутся оба ритмическія ударенія помимо этого слова. Потому не только

Сталъ себѣ Волхъ || онъ дружину прибирать.

или

Ѣздитъ Дюкъ || подлѣ синя моря,

но, какъ явствуетъ изъ напѣва, также

Потянулъ онъ тугій || лукъ за ухо.

И велѣлъ изымать || его бережно.

10) У Калайдовича стр. 10 «Свашела».

Такое дѣленіе естественно вытекаетъ изъ господствующаго восходящаго движенія стиха, которое осуществляется по возможности въ обѣихъ его половинахъ. Однако отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы смыслъ не имѣлъ никакого значенія въ вопросѣ о мѣстѣ цезуры. Для выясненія доли участія логическаго элемента въ построеніи русскихъ народныхъ стиховъ восходящаго типа вообще и былевого стиха въ частности возвратимся нѣсколько назадъ и посмотримъ къ нѣкоторымъ примѣрамъ отношенія логическаго ударенія къ ритмическому помимо цезуры.

Хотя несомнѣнно, что главное ритмическое удареніе не можетъ падать на слогъ, не имѣющій ударенія прозаическаго, тѣмъ не менѣе сплошь да рядомъ мы находимъ случаи подчиненія логическаго распорядка удареній требованіямъ ритма, иными словами: главное ритмическое удареніе не можетъ проявиться безъ помощи грамматическаго, — того, которое свойственно слову въ отдѣльности, помимо его связи съ другими словами въ предложеніи; но для него отнюдь не обязательно совпаденіе съ тѣмъ изъ грамматическихъ удареній, которое въ данномъ сочетаніи словъ звучитъ сильнѣе ближайшихъ къ нему такихъ-же удареній по причинамъ логическимъ. Такого противорѣчія между ритмикой и логикой прямо слѣдуетъ ожидать при сравненіи восходящаго характера русской рѣчи въ предѣлахъ почти всякаго сочетанія словъ, произносимаго отдѣльно, съ обратнымъ отношеніемъ главнаго и второстепеннаго ритмическихъ удареній въ полустипхи былевого размѣра. Такимъ образомъ мы встрѣчаемъ очень часто ритмическое преобладаніе перваго слова надъ вторымъ или даже вторымъ и третьимъ въ такихъ соединеніяхъ, которыя помимо стиха или особыхъ риторическихъ условій произносятся съ усиленіемъ голоса къ концу, а не наоборотъ, напр. главное ритмическое удареніе на опредѣленіи, поставленномъ впереди опредѣляемаго:

Широко раздолье || по всей земли.

Два остра копыя || мурзаметкя.

Двѣ лисицы || бурнастыя.

Сходни бросали || на круть бережекъ.

Со всѣми гостьми || и со всѣми людьми.

А его дружина || хоробрая.

Ихъ челобитья || не слушаетъ;

на опредѣляемомъ, поставленномъ впереди опредѣленія:

Два медвѣдя бѣлые || заморскіе.

Княгиня Апраксѣвной || на особицу. ¹¹⁾

Только ты дай || мнѣ загона земли.

Гой еси ты, голый Шапъ, || Давидъ Поповъ. ¹²⁾

Зелена вина || въ полтора ведра;

на подлежащемъ передъ сказуемымъ:

Было пированье, || почестный пиръ,

Было столованье, || почестный столъ;

на сказуемомъ передъ подлежащимъ:

Не время спать, || пора вставать;

на первомъ изъ двухъ сопоставленныхъ словъ въ одной и той-же грамматической формѣ:

Носъ, корма || по туриному.

Снимали желѣза || съ рукъ и съ ногъ;

11) У Калайдовича стр. 4 «Апраксѣвной».

12) Едва-ли можно отнести «Шапъ» ко второму полустишію: «голый» связано съ «Шапъ», а не со всѣми именами Давида, какъ видно изъ того, что «голый Шапъ» встрѣчается и безъ нихъ (Калайд. стр. 10). Возможно, что «голый Шапъ» находится въ связи съ фамиліей «Голощановъ» и, подобно Голохвастовымъ (отъ Gallifasto), ведетъ свое происхождение съ Запада.

на предлогѣ, по крайней мѣрѣ, не 1-сложномъ:

Вмѣсто гривы || прибывано.

Среди двора || княженецкаго.

Для ради рожденья || богатырскаго.

Опречь тебя, Волха || Всеславьевича.

Промежу обѣдней || и заутреней.

Она третьягохватила || поперекъ хребта.

Около чебота || зеленъ сафьянъ,

Около чулочика || шелковаго. ¹³⁾

Въ дубову скамью || противъ меня. ¹⁴⁾

Оглянется Тугаринъ || назадъ себя;

такъ-же съ 1-сложнымъ предлогомъ несобственнымъ (изъ предлога съ существительнымъ):

Сверхъ тоя || рѣки Черegi, ¹⁵⁾

и даже, быть можетъ, съ настоящимъ предлогомъ 1-сложнымъ, если за нимъ слѣдуетъ не менѣе двухъ неударяемыхъ въ простой рѣчи слоговъ, вызывающихъ передъ собою и въ прозѣ нѣкоторое удареніе:

Изъ глухоморья || зеленаго (Калайд. стр. 1).

Преобладаніе ритма надъ смысломъ сказывается еще въ томъ, что при повтореніи словъ въ извѣстномъ сочетаніи относительная сила ихъ удареній можетъ измѣняться въ зависимости отъ измѣненія въ строѣ стиха, напр.

13) Калайд. стр. 45 «шелкова».

14) «Противъ» какъ «супротивъ».

15) Если не «Сверху—».

Стать почитать, || стать сказывать.

Оставалася || матера вдова,

Матера вдова Амелоа || Тимошеевна¹⁶⁾.

Такую-же борьбу между ритмомъ и смысломъ мы встрѣчаемъ и при распредѣленіи словъ по полустішіямъ. Въ этомъ случаѣ надлежитъ принимать въ расчетъ слѣдующія три обстоятельства:

1) Важнѣйшимъ признакомъ принадлежности 2-сложнаго слова къ тому или другому полустішію служить, конечно, законъ о наибольшемъ числѣ слоговъ, помѣщающихся въ одномъ тактѣ (не больше 8) и о послѣдовательности ритмическихъ удареній различной силы (и т. д.). Отсюда

Приказаль наливать чару || зелена вина

съ цезурой послѣ «чару», а не послѣ «наливать».

2) Приступъ въ 3 слога вообще нелюбимъ, и уже по этой причинѣ слѣдуетъ дѣлать

А и ты, ласковый сударь || Владиміръ князь

(или «Ай ты—»), а не

А и ты, ласковый || сударь Владиміръ князь,

какъ Александрійскій стихъ, на который этотъ примѣръ при обыкновенномъ чтеніи окажется похожимъ вполне, если мы возьмемъ для сравненія слѣдующій стихъ Баратынскаго изъ стихотворенія «Деревня»:

Тамъ дружба нѣкогда || сокроетъ пѣпель мой.

16) Калайд. стр. 72 «Осталася», и при повтореніи опущено слово «вдова», необходимое въ этой формулѣ (о чемъ будетъ сказано впоследствии). Что касается вида глагола, то онъ составляетъ принадлежность формулы; ср. тамъ же «Оставалоса его жите бытѣ» и ниже «И оставалоса чадо милое».

Понятно, что 3-сложный приступъ допускается охотнѣе въ томъ случаѣ, если приходящееся на его середній слогъ третьестепенное ритмическое удареніе совпадаетъ съ прозаическимъ или, по крайней мѣрѣ, не противорѣчитъ ему, напр.

Отдавала пѣтью || учить церковному.

Честна вдова || многоразумная.

Но и противорѣчіе между этими двумя различными удареніями встрѣчается въ такомъ приступѣ сравнительно часто, большею частию при такомъ сочетаніи слоговъ, когда приступъ состоитъ изъ анапестическаго слова, такъ какъ передъ непосредственно слѣдующимъ за нимъ главнымъ ритмическимъ удареніемъ такое слово превращается въ проклятику, напр.

А въ иномъ кругу || въ кулаки битися.

Ставьте корабль || поперекъ Ильменя ¹⁷⁾.

Впрочемъ на мѣстѣ анапестическаго слова попадаетъ и дактилическое:

А й ручки бѣленьки, || пальчики тоненьки.

Тѣмъ не менѣе, такъ какъ 3-сложный приступъ употребляется рѣдко, нельзя не признать, что онъ не нравился народнымъ поэтамъ самъ по себѣ, — вѣроятно, вслѣдствіе своей тяжести.

3) Односложное или трохаическое слово, имѣющее болѣе сильное логическое удареніе, чѣмъ предшествующее ему слово, можетъ терять или ослаблять свое удареніе до третьей степени только непосредственно послѣ главнаго ритмическаго ударенія вслѣдствіе энклизы (о которой будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ),

17) Такъ-же у Крылова въ баснѣ «Троюженецъ», но смѣлѣе, потому что здѣсь неударяемый слогъ поставленъ не подъ третьестепенное, а подъ второстепенное ритмическое удареніе:

Но не прошло четырехъ дней.

а помимо этого условія должно имѣть, по малой мѣрѣ, второстепенное удареніе, почему и остается въ первомъ полустипіи, напр.

А скажите вы мнѣ || прямого путя

почти съ такой-же ритмизаціей мѣстоименій, какъ въ стихѣ

А и будь ты мнѣ || названный братъ,

а не такъ:

А скажите вы || мнѣ прямого путя.

Такъ-же

Прибито уже много || до смерти,

гдѣ стѣбитъ только сократить «уже» въ «ужь», — и тогда будетъ безусловно невозможно отнести «много» ко второму полустипію.

Такимъ-же образомъ

А и вѣрую въ свой || червленый вязъ,

потому что иначе слова «въ свой» окажутся болѣе слабыми по ударенію, нежели грамматически неударяемый послѣдній слогъ дактилическаго «вѣрую», который въ случаѣ переноса словъ «въ свой» во второе полустипіе получилъ бы второстепенное ритмическое удареніе. Изъ этого правила исключаются трохаическія существительныя передъ опредѣляющими ихъ прилагательными съ удареніемъ на первомъ слогѣ и такія-же прилагательныя передъ опредѣляемыми ими существительными съ указаннымъ удареніемъ, напр.

Онъ обернется || яснымъ соколомъ.

Душечки || красны дѣвицы.

Послѣ его || вѣку долгаго.

Уими ты свое || чадо милое,

съ чѣмъ сравни послѣдній примѣръ въ примѣч. 16. Той-же про-
клизѣ передъ удареніемъ подвергаются вообще трохаяческія
слова, тѣсно соединенныя по смыслу со слѣдующими за ними, какъ

Гой еси ты, сударь ласковѣй || Владиміръ князь,

а потому и могутъ переходить во второе полустишіе, если сто-
ятъ около середины стиха, напр.

Отдай ты мнѣ || дани-выходы.

Что касается сравнительнаго вѣса отдѣльныхъ словъ, то вопросъ
о томъ, которое изъ двухъ рядомъ стоящихъ словъ должно зву-
чать сильнѣе другого, рѣшается иногда только при помощи зна-
нія особыхъ правилъ, точнаго опредѣленія которыхъ слѣдуетъ
ждать отъ пристальнаго изученія текстовъ въ связи съ напѣ-
вомъ. Понятно напр. само по себѣ, что служебныя части рѣчи,
какъ мѣстоименія, произносятся слабѣе, чѣмъ знаменательныя.
Потому

А по имени вамъ мочно || мѣсто дать,

а не такъ:

А по имени вамъ || мочно мѣсто дать,

что до нѣкоторой степени подтверждается сравненіемъ со сти-
хомъ, непосредственно слѣдующимъ за только-что выписаннымъ
(Калайд. стр. 187):

По изотчеству можно || пожаловати.

Такъ-же

Котораго возьметъ || онъ за руку,

Изъ плеча тому руку || выдернетъ,

съ чѣмъ сравни ближайшіе за этими стихи (тамъ-же стр. 73):

Котораго задѣнетъ || за ногу,

То изъ брюха ногу || выломить¹⁸⁾.

Съ такой-же цезурой

А и только онъ слово || выговорилъ,

а не послѣ мѣстоименія, и т. п. Но нельзя сказать, чтобы разумѣлась сама собою невозможность такой-же энклизы, какъ «спнѣ морѣ», если находящееся въ этомъ положеніи трохаическое слово есть собственное имя; напр. было бы невѣрно

Молода Анна || Ивановна;

слѣдуетъ читать:

Молода Анна || Ивановна.

Но подъ условіемъ согласія ритмическаго ударенія съ прозаическимъ первый слогъ такого имени можетъ быть подведенъ не только подъ второстепенное, но и подъ третьестепенное удареніе, почему напр. въ превышающемъ мѣру стихѣ (Калайд. стр. 351)

Для другой сестрицы || родимья, | Марьи Дивовны¹⁹⁾

придатокъ можно считать правильнымъ полустипишемъ, а если онъ образовался путемъ пропуска чего-нибудь неважнаго для смысла при передачѣ разговорной рѣчью, то пропускъ мы имѣемъ право пополнить не только при помощи стиха:

Тоё-то Марью || Дивовну²⁰⁾

со второстепеннымъ удареніемъ на имени, но также (какъ сей-

18) У Калайдовича здѣсь и на стр. 254 «неприличное» слово замѣнено пятью точками, какъ и на стр. 411 въ подобной связи: «Самъ и локоть на окно, ноги подъ. . . .», т. е. вѣроятно, «подъ брюхѣ». Въ приведенномъ выше стихѣ, можетъ быть, слѣдуетъ читать «Тому изъ брюха».

19) Если не «другой», о чемъ будетъ сказано въ особомъ приложеніи.

20) У Калайдовича стр. 349. «Тоя-то», какъ слѣдовало-бы сказать въ занимающемъ насъ теперь стихѣ.

часъ увидимъ) посредствомъ повторенія изъ предшествующаго стиха:

Родимыя сестрицы, || Марьи Дивовны,

тѣмъ болѣе, что отношеніе между именемъ и отчествомъ таковоже, какъ между существительнымъ и прилагательнымъ, замѣчанія о которыхъ остается дополнить тѣмъ, что трохаическое существительное вслѣдствіе слабости своего логическаго ударенія въ тѣсномъ сочетаніи съ послѣдующимъ прилагательнымъ можетъ подвергаться полной проклізіѣ даже не непосредственно передъ удареніемъ, напр.

Лука и Моисей, || дѣти боярскіе ²¹⁾.

Ямбическія слова, связанныя смысломъ съ послѣдующими, испытываютъ полную проклізу гораздо чаще, особенно непосредственно передъ удареніемъ. Такъ напр. слово «душа» въ видѣ приложенія, всегда предшествующаго опредѣляемому, употребляется съ третьестепеннымъ ритмическимъ удареніемъ не только на послѣднемъ слогѣ, какъ

Казарянинъ, || душа Петровичъ младъ,

а не

Казарянинъ, душа || Петровичъ младъ,

хотя при такомъ распорядкѣ ритма былъ бы удаленъ 3-сложный приступъ, но нерѣдко и на первомъ слогѣ, напр.

Душа Дмитревна || запоручена.

Молода душа Анна || Романовна.

Со второстепеннымъ удареніемъ (конечно, на мѣстѣ прозаическаго)

21) Калайд. стр. 73. Въ интересахъ не стиха, но языка позволительно спросить: не «Моисей»-ли?

Гой еси, душа || красна дѣвица

въ той-же ритмической обстановкѣ, какъ

А по имени тебѣ || можно мѣсто дать,

гдѣ, наперекоръ сказанному выше, служебная часть рѣчи перевѣшиваетъ знаменательную на основаніи общаго ритмическаго закона, состоящаго въ томъ, что конечное удареніе, какъ бы слабо оно ни было само по себѣ, пріобрѣтаетъ тѣмъ болѣе силы, чѣмъ больше ему предшествуетъ безударныхъ слоговъ²²⁾. Склонность ямбическихъ словъ къ проклізіѣ доказывается между прочимъ наблюденіемъ надъ собственными именами. Въ былевомъ стихѣ имя, даже односложное, обыкновенно отдѣляется отъ отчества цезурою,—очевидно, для того, чтобы на имени лежало хотъ второстепенное удареніе, напр.

То оттеля Дюкъ || Степановичъ.

Какъ бы молодой Волхъ || Всеславьевичъ.

22) Напр. въ «пятидесяти» послѣдній слогъ звучитъ сильнѣе, нежели напр. въ «вѣнести», почему первое изъ этихъ словъ Рыбѣвъ въ стихотвореніи, упомянутомъ въ примѣч. 6, нашелъ возможнымъ поставить въ риму съ «протій», котораго удареніе, правда, значительно ослаблено предшествующимъ сильно ударяемымъ трошеемъ «Богъ ихъ». Тамъ-же римаютъ слова «выигрывали» и «отписывали», — очевидно, только послѣднимъ слогомъ, а для римы нужно удареніе. Съ болѣе сильнымъ удареніемъ на концѣ произносится

«слѣдующими» ($\frac{4}{4}$), съ еще сильнѣйшимъ — «преизбыточествующими» (или почти такъ, т. е. приблизительно $\frac{3}{4}$ съ хоріамбическимъ удареніемъ; ср.

«слѣдующими словами»). То-же наблюдается и обратно, считая отъ конечнаго ударяемаго слога къ началу слова: «переписатьъ» (части 2 тактовъ $\frac{6}{8}$),

«переночевать» (части 2 тактовъ $\frac{3}{4}$ или $\frac{4}{4}$), «перебороновать» (почти такъ т. е. какъ-бы части 2 тактовъ $\frac{5}{8}$); но въ этомъ случаѣ второстепенное удареніе часто слышится на второмъ слогѣ отъ начала: «переписатьъ», «переночевать»,

«перебороновать». Этимологическій составъ слова здѣсь ни при чемъ: ср.

Ямбическія имена ставятся такъ по необходимости передъ отчествомъ, начинающимся двумя неударяемыми слогами, напр.

Царь Сауль || Леванидовичъ.

По имени Ермакъ || Тимоѣевичъ.

Передъ отчествомъ, имѣющимъ удареніе прямо на первомъ слогѣ, повидимому, должно вставляться послѣ ямбическаго имени слово «сынъ»,—которымъ и начинается второе полустіііе:

И завидѣль Горденъ || сынъ Блудовичъ (Кал. стр. 150).

Молодой Горденъ || сынъ Блудовичъ (151),

почему лучше вставить это слово и на стр. 152, гдѣ его нѣтъ, чѣмъ читать

Что молодой || Горденъ Блудовичъ

съ необычнымъ отдѣленіемъ такъ называемаго украшающаго эпитета отъ опредѣляемаго имъ существительнаго. При отче-

«избороздить», или «избороздить», «располосовать» или «располосовать», что доказывается возможностью употребленія такихъ словъ отчасти въ ямбическихъ стихахъ, отчасти въ анапестическихъ и дактилическихъ, впрочемъ не безъ натяжки, какъ напр. въ гексаметрахъ Фета, весьма поучительныхъ при изученіи вопроса о второстепенныхъ удареніяхъ русскаго языка, такъ какъ для образованія сильной части стопъ этого чуждаго намъ размѣра покойный поэтъ пользовался всякимъ слогомъ, допускающимъ хоть нѣкоторое усиленіе голоса. Правда, въ словѣ изъ 6 или 7 слоговъ съ удареніемъ на концѣ второстепенное удареніе находится неизмѣнно на первомъ слогѣ и звучитъ такъ-же сильно, какъ конечное, но за примѣрами такихъ «многоэтажныхъ» словъ сложныхъ съ нѣсколькими предлогами, пришлось бы обратиться къ источникамъ «непечатнымъ». На возможность ударенія «Изъ глухомѣрья» было уже указано выше. Въ лирическихъ пѣсняхъ такіе стихи, какъ

Изъ огорода || во зеленый садъ гулять,

очень обыкновенны. Можетъ быть, и въ эпосѣ можно признать стихомъ такое соединеніе словъ, какъ

ствѣ, имѣющемъ въ началѣ одинъ неударяемый слогъ, замѣчается колебаніе:

^{о о 2 о о о о 2 2 2 2}
Пригодился тутъ Иванъ || Годиновичъ (135).

^{о о о о 2 2 2 2}
Гой еси Иванъ || Годиновичъ (138).

^{о о о о 2 2 2 2}
Молодой Иванъ || Годиновичъ (143).

^{о о о о 2 2 2 2}
Втапоры Иванъ || Годиновичъ (146),

но съ другой стороны:

^{о о о о 2 о о 2 2 2}
Гой еси Иванъ || ты Годиновичъ (135).

^{о о о о 2 о о 2 2 2}
Гой еси Иванъ || сынъ Годиновичъ (тамъ-же),

и сверхъ того 6 разъ «Иванушка Годиновичъ» — всѣ на стр. 140—145, словно авторъ обрадовался этой формѣ имени, когда она пришла ему въ голову. Тверже въ былинѣ «О женидьбѣ князя Владиміра» имена Дуная и Екима, передъ общимъ отчествомъ которыхъ «Ивановичъ» постоянно находится слово «сынъ» тотчасъ послѣ цезуры (Дунай стр. 87, 89, 90 дважды, 91, 92 дважды, 93, 95, 96, 98 дважды, 99, 100, 101, Екимъ 91 и 94) кромѣ

^{о о о о 2 2 2 2}
Гой еси Дунай || Ивановичъ (92).

^{о о 2 о о 2 2 2 2}
Гой еси ты, Дунай || Ивановичъ,

^{2 о о 2 о о 2 2 2}
Онъ обернулся || гнѣдымъ туромъ (Кал. стр. 49).

Во всякомъ случаѣ только второстепеннымъ удареніемъ, вызываемымъ послѣдующими безударными слогами, можно оправдать главное ритмическое удареніе на относительномъ (а не вопросительномъ) мѣстоименіи въ стихахъ на стр. 48—49:

^{2 о о о о 2 о о 2 о о 2}
А есть-ли у васъ, братцы, || таковъ человекъ,

^{2 о о о о 2 о о 2 2 2}
Кто-бы обернулся || гнѣдымъ туромъ — ?

(у Калайдовича «А если, братцы, у васъ — »).

гдѣ «сынѣ», судя по большинству примѣровъ, опущено едва-ли правильно. Въ былинѣ «Алеша Поповичъ» имя того-же Екима помѣщается въ стихѣ двояко:

1) Молодой Екимъ || сынъ Ивановичъ (182).

2) А и ты, братецъ || Екимъ Ивановичъ (181).

Говориль тутъ || Екимъ Ивановичъ (тамъ-же).

Обернется || Екимъ Ивановичъ (183),

какъ слѣдуетъ читать на основаніи стиховъ

Онъ обернется || сѣрымъ волкомъ (48).

Онъ обернется || яснымъ соколомъ (тамъ-же и 49);

сравни

Обертываться || яснымъ соколомъ (47).

Обертываться || сѣрымъ волкомъ (тамъ-же).

Обертываться || гнѣдымъ туромъ (тамъ-же).

А если «Екимъ» передъ отчествомъ звучитъ такъ слабо, что уступаетъ чисто ритмическому (не соединенному съ грамматическимъ) ударенію, отсюда слѣдуетъ, что оно могло разсматриваться въ ритмическомъ отношеніи лишь какъ часть цѣлаго, другая часть котораго состоитъ изъ отчества. Потому, кажется, мы имѣемъ полное право прочесть остальные примѣры этого соединенія такъ:

Втапоры увидѣли || Екимъ Ивановичъ (185)²³.

Втапоры || Екимъ Ивановичъ (186).

Подхватилъ чингалище || Екимъ Ивановичъ (190).

23) Слѣдуетъ недостаточный стихъ, который можно пополнить такъ:

И (тая) калика || переходящая.

Остается еще одинъ стихъ съ этимъ именемъ, который, очевидно, надобно пополнить напр. такъ:

Приходи́ль (тогда) || Екимъ Ива́новичъ (192).

Точно такъ-же

А гро́зный ца́рь || Ива́нъ Васи́льевичъ (326, 327, 328, 333, 334, 335),

Или «Ты, гро́зный —» (333 и 334), съ чѣмъ сравни о томъ-же ца́рь:

А гро́зный ца́рь, || онъ и кру́тъ до́брѣ (333)

съ цезурой на томъ-же мѣстѣ.

Едва-ли нужно напоминать, что всѣ эти замѣчания относятся къ ямбическимъ словамъ только въ тѣхъ формахъ, въ которыхъ они образуютъ ямбъ, а не амфибрахій, какъ

Со ду́шею кня́гиней || Апраксѣвной.

А со́ молодомъ Екимомъ || Ивановичемъ.

Въ концѣ концовъ нельзя однако-же не сознаться, что попадаются такіе стихи, въ которыхъ нашъ братъ «образованный» не знаетъ, куда отнести 1-сложное или 2-сложное слово, а потому колеблется и относительно ритма.

Заканчивая этотъ бѣглый очеркъ нашего былевого стиха, считаемъ необходимымъ замѣтить, что въ печатныхъ текстахъ нашихъ былинъ найдется не мало стиховъ, не подчиняющихся этимъ правиламъ. Происходитъ это преимущественно отъ того, что пѣсни записываются обыкновенно не съ напѣва, а съ пересказа, при чемъ пѣвецъ, при необычномъ для него условіи разговорной передачи того, что онъ привыкъ представлять себѣ не иначе, какъ вмѣстѣ съ напѣвомъ, часто уклоняется отъ той формы текста, которой онъ несомнѣнно держался бы при пѣніи.

Въ виду этого обстоятельства при чтеніи пѣсенъ въ нашихъ изданіяхъ необходимъ постоянный контроль посредствомъ правилъ ритмики. Къ счастью, языкъ нашихъ пѣсенъ заключаетъ въ себѣ столько формулъ и стереотипныхъ выраженій, что, при болѣе или менѣе основательномъ знакомствѣ съ нашей народной поэзіей, можно иногда возстановить подлинный текстъ съ полной увѣренностью въ успѣхѣ. Въ другихъ случаяхъ, гдѣ искаженіе текста сводится къ пропуску какихъ-либо не особенно важныхъ для смысла словечекъ, какъ частицъ, междометій и т. п., потерпѣвшіе отъ пересказа стихи могутъ быть исправлены, по малой мѣрѣ, со значительной вѣроятностью, особенно въ виду того, что сами пѣвцы именно по отношенію къ словамъ этого рода обнаруживаютъ колебаніе при исполненіи одной и той-же пѣсни въ разное время. Попытки такого возстановленія пѣсеннаго текста читатель найдетъ ниже, причемъ будутъ указаны и нѣкоторыя, такъ сказать, постоянныя категоріи искаженія. Здѣсь же упомянемъ лишь одну неправильность, и то потому, что устраненіе ея не всегда совпадало бы съ практикой пѣвцовъ, по крайней мѣрѣ, современныхъ. Мы разумѣемъ неожиданное употребленіе полустишій (по строенію — вторыхъ) на ряду съ цѣлыми стихами:

Во бѣломъ платьѣ || сорокъ каликъ
со каликою.

Велѣлъ подносить вина || заморскія
и меда сладкіе.

Привязалъ коня || ко дубову столбу,
къ кольцу булатному.

Приказалъ наливать чару || зелена вина
въ полтора ведра.

^{о о ъ ъ ъ ъ ъ ъ ъ ъ ъ ъ}
 Посади́ль его || за еди́ный сто́ль
^{о о ъ ъ ъ ъ ъ ъ ъ ъ ъ ъ}
 хлѣ́ба куша́ти.

Несомнѣнно, что нѣкоторые изъ этихъ случаевъ произошли отъ пропуска перваго полустишія слѣдующаго стиха, которое было тождественно со вторымъ полустишіемъ предшествующаго, напр.

^{о о ъ ъ ъ ъ ъ ъ ъ ъ ъ ъ}
 Посади́ль его || за еди́ный сто́ль,
^{о о ъ ъ ъ ъ ъ ъ ъ ъ ъ ъ}
 За еди́ный сто́ль || хлѣ́ба куша́ти,

какъ то мы видимъ напр. въ стихахъ

^{о о ъ ъ ъ ъ ъ ъ ъ ъ ъ ъ}
 А то-то, сударь, дѣвушка || станомъ статна,

^{о о ъ ъ ъ ъ ъ ъ ъ ъ ъ ъ}
 Станомъ статна || и умомъ свершна (87).

^{о о о ъ ъ ъ ъ ъ ъ ъ ъ ъ ъ}
 Чтобы она на то больше || не кручинилася,

^{о о о ъ ъ ъ ъ ъ ъ ъ ъ ъ ъ}
 Не кручинилася || и не гнѣбалася (154).

Иногда при повтореніи прибавляется какое-нибудь слово, большею частію союзъ, часто не безъ вліянія перваго полустишія, напр.

^{о о ъ ъ ъ ъ ъ ъ ъ ъ ъ ъ}
 А втапоры княгиня || понось понесла,

^{о о ъ ъ ъ ъ ъ ъ ъ ъ ъ ъ}
 А понось понесла || и дитя родила (45).

^{о о ъ ъ ъ ъ ъ ъ ъ ъ ъ ъ}
 Какъ бы та была дѣвица || станомъ статна,

^{о о ъ ъ ъ ъ ъ ъ ъ ъ ъ ъ}
 Станомъ бы статна || и умомъ свершна (86).

Весьма поучительны для вопроса о значеніи самостоятельныхъ полустишій такія формулы, въ которыхъ полустишіе то стоитъ одиноко, то вводится въ общую систему стиховъ посредствомъ повторенія, напр. на стр. 25:

Привязалъ коня || къ дубову столбу, къ кольцу булатному,
а на стр. 205 «къ кольцу булатному» повторено, тогда какъ на
стр. 89, 136, 140, 187 (стихъ испорченъ), 277 и 356 оно вы-
пущено, на стр. 200 — развито въ цѣлый стихъ:

Ко тому кольцу || булатному ²⁴).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ такой или подобный пропускъ не
подлежитъ никакому сомнѣнiю особенно въ тѣхъ, впрочемъ очень
рѣдкихъ, стихахъ, гдѣ прибавка превышаетъ размѣры одного
полустишiя, напр.

Походили они || ко честной вдовѣ

Амелѣ || Тимоѣевнѣ,

что, по всей вѣроятности, произошло изъ:

Походили они || ко честной вдовѣ,

Ко честной вдовѣ Амелѣ || Тимоѣевнѣ.

Однако современные сказители даже при пѣнii часто не
вставляютъ недостающаго полустишiя. Такъ И. Тр. Рябининъ

24) Впрочемъ при перенесенiи части одного стиха въ другой нѣтъ нужды
въ повторенiи цѣлаго полустишiя или только полустишiя, какъ и въ сохране-
нii того-же порядка словъ, напр.

До своей его палицы || тяжкiя,

А и тяжкiя палицы || мѣдныя (91).

У Константинушки умокъ || молодешенекъ,

Молодешенекъ умокъ, || зеленешенекъ (360).

Напускается онъ || на стараго,

На стара козака || Илью Муромца (362).

Такое повторенiе относится въ сущности не къ метричкѣ, а къ реторичкѣ: это
есть ἐπανάληψις, — фигура, состоящая въ повторенiи одного или нѣсколькихъ

въ былинѣ о Вольгѣ и Микулѣ, по свидѣтельству записывавшаго его пѣсни въ Москвѣ Е. А. Ляцкаго, пѣлъ стихи

Жаловаль ёво || трема городама,

Трема городама || всё крестьяновскими

иногда безъ повторенія полустушия «трема городама», но что любопытно, — въ качествѣ части не перваго стиха, а второго, какъ видно изъ удареній (Этнографическое Обзорѣнне 1894 г. № 4, стр. 136). Напѣвъ, записанный А. Ст. Аренскимъ, даетъ первый стихъ съ паузой такта въ полтора на мѣстѣ второго полустушия (тамъ-же ноты при стр. 152).

Кромѣ описанной формы былевого стиха встрѣчается въ былинахъ, преимущественно позднѣйшихъ (т. е. относящихся къ событіямъ 16-го и 17-го вв.), форма сокращенная на одинъ слогъ въ концѣ, однако безъ нарушенія законнаго числа ритмическихъ величинъ, такъ какъ предпоследній слогъ заключаетъ ихъ въ себѣ четыре или недостатокъ восполняется соотвѣтствующей паузой, напр.

Среди было Казанскаго || царства,

Что стояли бѣлокаменны || палаты.

словъ, но въ повтореніи распространенномъ, напр. во 2-й пѣсни Иліады ст. 671 слѣд. (рѣдкій примѣръ двойного примѣненія этой фигуры):

Νιρεύς αὖ Σύμηθεν ἄγε τρεῖς νῆας εἰσας,
 Νιρεύς, Ἀγλαίης υἱὸς Χαρόποιο τ' ἀνακτος,
 Νιρεύς, ὃς κέλλιστος ἀνὴρ ὑπὸ Ἴλιον ἦλθεν
 Τῶν ἄλλων Δαναῶν μετ' ἀμύμονα Πηλεΐωνα.

Форма повторенія у Грековъ такъ-же свободна, какъ у насъ, напр. тамъ-же ст. 837 слѣд.

Τῶν αὖθ' Ὑρταχίδης ἦρχ' Ἀσιος, ὄρχαμος ἀνδρῶν,
 Ἀσιος Ὑρταχίδης, ὃν Ἀρίσβηθεν φέρον ἵπποι
 Αἰθῶνες μεγάλοι ποταμοῦ ἀπο Σελλήεντος

и т. п. (см. мои *Observationes criticae* въ *Nordisk Tidskrift for filologi*. Ny raekke VI, стр. 268 слѣд.).

Къ этой формѣ прилагаются все тѣ правила, по которымъ строится полная форма за исключеніемъ, конечно, относящихся къ концу стиха. Сверхъ того эта форма стиха въ былинахъ, по видимому, не встрѣчается безъ приступа, который большею частью бываетъ двусложный. Вообще стяженій въ ней меньше, рѣдко три, какъ

$\overset{\circ}{\text{И}} \overset{\circ}{\text{сѣ}} \overset{\circ}{\text{тѣхъ}} \overset{\circ}{\text{порѣ}} \overset{\circ}{\text{великая}} \parallel \overset{\circ}{\text{слава}},$

но почти только около середины. Никогда не стягиваются 3-ій съ 4-ымъ слогомъ отъ конца. Между стихами этого вида въ былинахъ иногда встрѣчаются обыкновенные былевые ²⁵⁾.

25) Къ сокращенной формѣ былевого стиха, по видимому, восходитъ отчасти тотъ размѣръ, которымъ Пушкинъ написалъ «Сказку о рыбацкѣ и рыбкѣ» (въ 1833 г.) и большую часть «Пѣсенъ западныхъ Славянъ» (въ 1832—1833 г.). Несомнѣнно, что Пушкинъ подражалъ сербскому 10-сложному стиху, хотя весьма своеобразно: замѣтивъ чуть не въ каждомъ стихѣ подлинника то тамъ, то сямъ уклоненія отъ господствующаго трохаическаго движенія, онъ не заботился о введеніи правильнаго стопнаго строя, какъ обыкновенно поступаютъ переводчики, а самъ разрѣшилъ себѣ свободное обращеніе съ размѣромъ. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что сербскаго ударенія онъ не зналъ. Какъ-же онъ читалъ сербскіе стихи? По всей вѣроятности, съ русскимъ удареніемъ. Отъ такого произношенія стихи, сложенные Сербами — штокавцами, которые отодвигаютъ древнее удареніе, сходное по мѣсту съ русскимъ, по большей части на одинъ слогъ къ началу слова, должны были казаться еще болѣе неправильными, чѣмъ они есть на самомъ дѣлѣ. Сознавая яснѣе всякаго ритмикатеоретика, что однообразное число слоговъ важно только тамъ, гдѣ оно связано со стопностью, Пушкинъ отказался отъ него, какъ отъ излишней обузы, и удовольствовался осуществленіемъ ритма стиха въ общихъ чертахъ. Но что за ритмъ онъ старался воспроизвести? Сравни начало «Видѣнія Короля»:

$\overset{\circ}{\text{К}} \overset{\circ}{\text{о}} \overset{\circ}{\text{р}} \overset{\circ}{\text{о}} \overset{\circ}{\text{л}} \overset{\circ}{\text{ь}} \overset{\circ}{\text{х}} \overset{\circ}{\text{о}} \overset{\circ}{\text{д}} \overset{\circ}{\text{и}} \overset{\circ}{\text{т}} \overset{\circ}{\text{ь}} \overset{\circ}{\text{б}} \overset{\circ}{\text{о}} \overset{\circ}{\text{л}} \overset{\circ}{\text{ь}} \overset{\circ}{\text{ш}} \overset{\circ}{\text{и}} \overset{\circ}{\text{м}} \overset{\circ}{\text{и}} \parallel \overset{\circ}{\text{ш}} \overset{\circ}{\text{а}} \overset{\circ}{\text{г}} \overset{\circ}{\text{а}} \overset{\circ}{\text{м}} \overset{\circ}{\text{ь}}$
 $\overset{\circ}{\text{В}} \overset{\circ}{\text{з}} \overset{\circ}{\text{а}} \overset{\circ}{\text{д}} \overset{\circ}{\text{ь}} \overset{\circ}{\text{и}} \overset{\circ}{\text{в}} \overset{\circ}{\text{п}} \overset{\circ}{\text{е}} \overset{\circ}{\text{р}} \overset{\circ}{\text{е}} \overset{\circ}{\text{д}} \overset{\circ}{\text{ь}} \parallel \overset{\circ}{\text{п}} \overset{\circ}{\text{о}} \overset{\circ}{\text{п}} \overset{\circ}{\text{а}} \overset{\circ}{\text{л}} \overset{\circ}{\text{а}} \overset{\circ}{\text{т}} \overset{\circ}{\text{а}} \overset{\circ}{\text{м}} \overset{\circ}{\text{ь}};$
 $\overset{\circ}{\text{Л}} \overset{\circ}{\text{ю}} \overset{\circ}{\text{д}} \overset{\circ}{\text{и}} \overset{\circ}{\text{с}} \overset{\circ}{\text{п}} \overset{\circ}{\text{я}} \overset{\circ}{\text{т}} \overset{\circ}{\text{ь}}, \overset{\circ}{\text{к}} \overset{\circ}{\text{о}} \overset{\circ}{\text{р}} \overset{\circ}{\text{о}} \overset{\circ}{\text{л}} \overset{\circ}{\text{ю}} \parallel \overset{\circ}{\text{л}} \overset{\circ}{\text{и}} \overset{\circ}{\text{ш}} \overset{\circ}{\text{ь}} \overset{\circ}{\text{н}} \overset{\circ}{\text{е}} \overset{\circ}{\text{с}} \overset{\circ}{\text{п}} \overset{\circ}{\text{я}} \overset{\circ}{\text{т}} \overset{\circ}{\text{ь}};$
 $\overset{\circ}{\text{К}} \overset{\circ}{\text{о}} \overset{\circ}{\text{р}} \overset{\circ}{\text{о}} \overset{\circ}{\text{л}} \overset{\circ}{\text{я}} \overset{\circ}{\text{С}} \overset{\circ}{\text{у}} \overset{\circ}{\text{л}} \overset{\circ}{\text{т}} \overset{\circ}{\text{а}} \overset{\circ}{\text{н}} \overset{\circ}{\text{ь}} \parallel \overset{\circ}{\text{о}} \overset{\circ}{\text{с}} \overset{\circ}{\text{а}} \overset{\circ}{\text{ж}} \overset{\circ}{\text{д}} \overset{\circ}{\text{а}} \overset{\circ}{\text{е}} \overset{\circ}{\text{т}} \overset{\circ}{\text{ь}},$
 $\overset{\circ}{\text{Г}} \overset{\circ}{\text{о}} \overset{\circ}{\text{л}} \overset{\circ}{\text{о}} \overset{\circ}{\text{в}} \overset{\circ}{\text{у}} \overset{\circ}{\text{о}} \overset{\circ}{\text{т}} \overset{\circ}{\text{с}} \overset{\circ}{\text{ѣ}} \overset{\circ}{\text{ч}} \parallel \overset{\circ}{\text{е}} \overset{\circ}{\text{м}} \overset{\circ}{\text{у}} \overset{\circ}{\text{г}} \overset{\circ}{\text{р}} \overset{\circ}{\text{о}} \overset{\circ}{\text{з}} \overset{\circ}{\text{и}} \overset{\circ}{\text{т}} \overset{\circ}{\text{ь}}$
 $\overset{\circ}{\text{И}} \overset{\circ}{\text{в}} \overset{\circ}{\text{ь}} \overset{\circ}{\text{С}} \overset{\circ}{\text{т}} \overset{\circ}{\text{а}} \overset{\circ}{\text{м}} \overset{\circ}{\text{б}} \overset{\circ}{\text{у}} \overset{\circ}{\text{л}} \overset{\circ}{\text{ь}} \overset{\circ}{\text{о}} \overset{\circ}{\text{т}} \overset{\circ}{\text{о}} \overset{\circ}{\text{с}} \overset{\circ}{\text{л}} \overset{\circ}{\text{а}} \overset{\circ}{\text{т}} \overset{\circ}{\text{ь}} \parallel \overset{\circ}{\text{е}} \overset{\circ}{\text{е}} \overset{\circ}{\text{х}} \overset{\circ}{\text{о}} \overset{\circ}{\text{ч}} \overset{\circ}{\text{е}} \overset{\circ}{\text{т}} \overset{\circ}{\text{ь}}$

и нашу народную свадебную пѣсню:

передъ живыми хранителями эпического преданія, олонецкими и архангельскими пѣвцами. Въ самомъ дѣлѣ, былины Кирши Данилова почти преданы забвенію съ тѣхъ поръ, какъ появился сборникъ Рыбникова, а въ особенности — Гильфердинга съ его въ высшей степени любопытнымъ введеніемъ. Возвращеніе къ записи какого-то неуча, жившаго задолго до начала систематическаго обслѣдованія нашей народной словесности, не есть-ли шагъ назадъ? Несомнѣнно, только не въ общепринятомъ смыслѣ этого выраженія: вѣдь сборникъ Кирши содержитъ въ себѣ самый древній текстъ былинъ, какой намъ доступенъ (за исключеніемъ развѣ только «Богатырскаго слова въ спискѣ начала XVII вѣка», изданнаго Е. В. Барсовымъ въ приложеніи къ XXVIII тому Сборника Отд. рус. яз. и слов.). Такъ, но этотъ Кирша не имѣлъ понятія о научныхъ требованіяхъ отъ записи, а потому его свидѣтельство не заслуживаетъ довѣрія. Первое безспорно справедливо, а второе отсюда не слѣдуетъ: пусть онъ не былъ ученъ, но

Однако едва-ли Пушкинъ примѣнилъ бы такой размѣръ въ сказкѣ, написанной русскимъ народнымъ слогаемъ, если бы онъ не чувствовалъ въ этомъ размѣрѣ чего-то русскаго. Поучительно сравнить стихи хотя-бы изъ того-же «Видѣнія Короля»

Никто свѣта въ церкви Божіей || не видитъ

и изъ «Сказки о рыбацкѣ и рыбацкѣ»

Здравствуй, барыня-сударыня || дворянка

съ двумя стихами изъ русской народной пѣсни, помѣщенными въ видѣ второго эпиграфа къ V главѣ «Капитанской дочки»,

Буде лучше меня найдешь, || позабудешь,

Если хуже меня найдешь, || вспомянешь.

Но что, если чутье гениальнаго художника предупредило изысканія ученыхъ? что, если напр. такой, со штокавской точки зрѣнія, неправильный стихъ, который поется гусярами безо всякаго вниманія къ ритмически обязательному трохайческому окончанію,

онъ самъ могъ быть пѣвцемъ-спеціалистомъ, и тогда его отличіе отъ современныхъ намъ сказителей будетъ состоять лишь въ томъ, что онъ старше ихъ, по малой мѣрѣ, на полтора ста лѣтъ. Точноли онъ былъ профессиональнымъ пѣвцемъ,—этого мы, правда, не знаемъ; но если онъ не занимался пѣніемъ «старинъ», какъ ремесломъ, то въ такомъ случаѣ онъ былъ ихъ любителемъ, и любителемъ страстнымъ, — иначе онъ, по тогдашнему времени, не сталъ бы ихъ собирать, да еще записывать. Вѣрно то, что технику былиннаго творчества онъ зналъ хорошо; это видно изъ обильно разсыпанныхъ у него эпическихъ формулъ, строго выдержанныхъ, но повторяемыхъ совершенно свободно, безъ гоньбы за всякою мѣлочью. Или эту технику зналъ не онъ, а пѣвцы, слова которыхъ онъ записывалъ? Если такъ, онъ записывалъ превосходно, ничего не измѣняя по небрежности, которую и трудно допустить въ такомъ рѣдкостномъ любителѣ, или по личному вкусу, такъ какъ разница въ стихосложеніи, въ стилѣ, даже въ языкѣ между старинными и новѣйшими былинами, козачьими поэтическими повѣствованіями и лирическими пѣснями въ его сборникѣ бросается въ глаза. Скорѣе всего — Кирша самъ былъ пѣвецъ: недаромъ къ каждой пѣснѣ приложены ноты, знаніе которыхъ въ тѣ времена едва-ли было распространено,—ноты западныя, для игры на скрипкѣ, и не безъ основанія нѣкоторые

ˆ ˆ ˆ ˆ ˆ ˆ ˆ ˆ ˆ ˆ
 Шеталасе царица Милица,

основанъ на такомъ древнѣйшемъ, чакавскомъ первообразѣ:

ˆ ˆ ˆ ˆ ˆ ˆ ˆ ˆ ˆ ˆ ˆ ˆ ˆ ˆ ˆ ˆ
 Шеталасе царица || Милица?

Иначе смотритъ на происхожденіе сербскаго 10-сложнаго стиха проф. Халанскій въ своемъ ученомъ и остроумномъ изслѣдованіи «Южно-славянскія сказанія о кралевичѣ Маркѣ въ связи съ произведеніями русскаго былевого эпоса» стр. 769—772. Отдавая полную справедливость мѣткости его соображеній, тѣмъ не менѣе я не могу согласиться съ нимъ въ вопросѣ о важности числа слоговъ, по крайней мѣрѣ, для древнѣйшаго періода. Отсюда и разница между нами съ нимъ въ оцѣнкѣ преданія современныхъ сказителей. Впрочемъ то, что сказано въ этомъ примѣчаніи о родствѣ сербскаго стиха съ русскимъ, имѣетъ характеръ лишь запроса славистамъ.

изъ вошедшихъ въ составъ сборника стихотвореній Калайдовичъ приписываетъ самому собирателю. Особенно важно XXXVI (стр. 307), озаглавленное «Да не жаль добра молодца битаго — жаль похмѣльнаго». Вотъ этотъ образчикъ собственнаго творчества Кирши:

А и не жаль мнѣ-ко битаго, || грабленаго,

А и того-ли Ивана || Сутырина,

Только жаль добра молодца || похмельнаго²⁶⁾,

А того-ли Кирилу || Даниловича:

У похмельнаго добраго || молодца.

Буйна голова || (невтерпежъ) болитъ²⁷⁾.

А вы, милы мои братцы || товарищи-друзья!

Вы купите винца, || опохмельте молодца.

Хотя горько да жидко, || давай еще.

Замѣните мою смерть || животомъ своимъ:

Еще нѣ въ кое время || пригожусь я вамъ всѣмъ.

Это стихотвореніе, отъ котораго такъ и вѣетъ ароматомъ «царева кружала», ясно показываетъ, какого рода «любитель» былъ Кирша: если такой человѣкъ записывалъ пѣсни, то дѣлалъ это по причинѣ, болѣе дѣйствительной, нежели платоническое любительство, т. е. либо ему нужно было закрѣпить эти пѣсни

26) У Калайдовича «добраго».

27) У Калайдовича два стиха сведены въ одинъ. Второй изъ нихъ дополненъ здѣсь, разумѣется, только примѣрно, безъ отвѣтственности даже за мѣсто пропуску.

Птичкой-соколомъ летать || Вольги подь оболoки ²⁸⁾,

Рыскать волкомъ || во чистыхъ поляхъ.

Уходили-то всѣ рыбушки || въ глубокія моря,

Улетали-то всѣ птички || да подь оболoки,

Убѣгали-то всѣ звѣри || во темны лѣса.

Эти быстро текущіе стихи въ исполненіи Рябинина производили сильное впечатлѣніе. Но здѣсь рѣчь идетъ не объ эстетикѣ, а объ обще-русской старинной поэтической техникѣ. Съ этой точки зрѣнія можно было бы ожидать приблизительно слѣдующей редакціи:

Щукой-рыбою ходить || во синемъ морѣ,

Яснымъ соколомъ летать || по поднебесью,

Сѣрымъ волкомъ рыскать || во чистомъ полѣ.

Уходили всѣ рыбы || въ морску глубину,

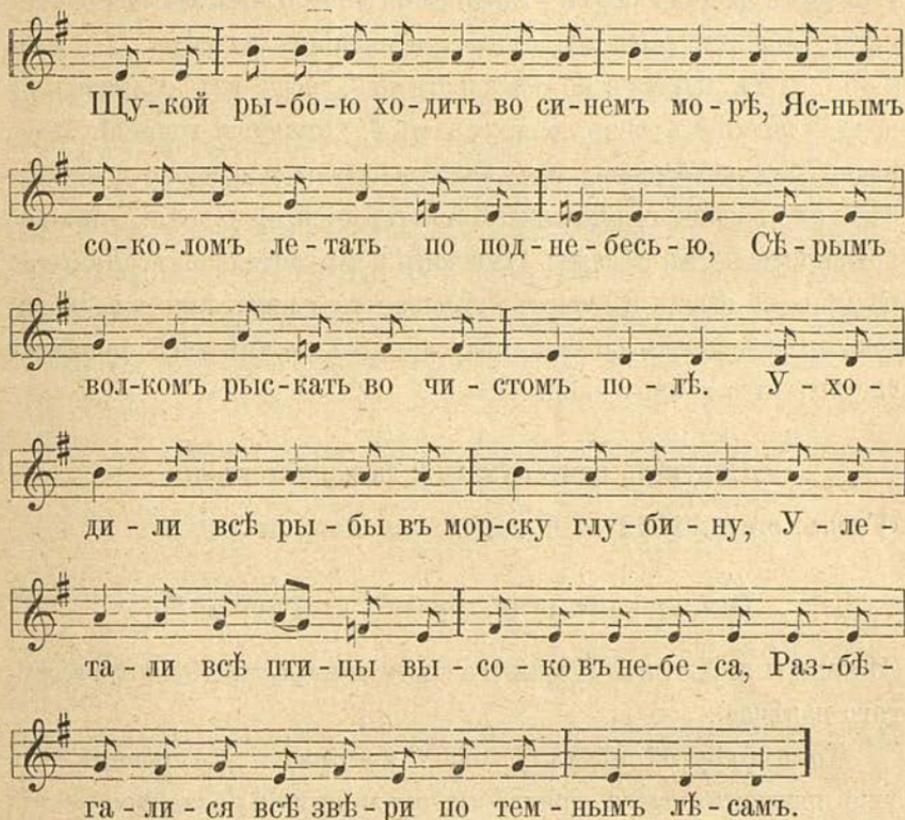
Улетали всѣ птицы || высоко въ небеса,

Разбѣгались всѣ звѣри || по темнымъ лѣсамъ.

Даже въ такомъ видѣ стихи содержатъ въ себѣ нѣсколько больше слоговъ, нежели полагается по общей нормѣ; но Рябининъ здѣсь умышленно дробитъ ритмъ вставочными словами («да», «ему», «Вольги», «то»). Что это есть сознательное дробленіе ритма, обусловленное личнымъ вкусомъ, видно изъ напѣва, въ кото-

28) Такъ въ текстѣ г. Аренскаго при нотахъ, а у г. Ляцкого—«летать да подь оболoки». Варіанты у Рябинина не рѣдкость. «Вольги» пѣлъ здѣсь и Рябининъ-отецъ (Гильф. столб. 435 и ноты при столбцѣ 436).

ромъ ноты для этихъ вставокъ добыты по большей части изъ со-
сѣднихъ нотъ. При перенесеніи его напѣва на предложенную
нами редакцію повтореніе однихъ и тѣхъ-же нотъ значительно
сократится:

Щу-кой ры-бо-ю хо-дить во си-немъ мо-рѣ, Яс-нымъ
со-ко-ломъ ле-тять по под-не-бесь-ю, Сѣ-рымъ
вол-комъ рыс-кать во чи-стомъ по-лѣ. У-хо-
ди-ли всѣ ры-бы въ мор-ску глу-би-ну, У-ле-
та-ли всѣ пти-цы вы-со-ко въ не-бе-са, Раз-бѣ-
га-ли-ся всѣ звѣ-ри по тем-нымъ лѣ-самъ.

Еще больше было бы разнообразія въ нотахъ, если бы къ
этимъ словамъ мы примѣнили тотъ напѣвъ, который данъ у Кир-
ши при былинахъ «Соловей Будиміровичъ», «Иванъ гостиный
сынъ», «Иванъ Годиновичъ», «Чурила Пленковичъ» и «Василій
Буслаевъ молиться ѣздилъ» — напѣвъ, несомнѣнно типическій и
употребительный только въ древнихъ, чисто эпическихъ пѣс-
няхъ. Со стороны стилистики между прочимъ замѣтимъ, что име-
нительный и винительный падежи множественнаго числа «темны
лѣса» въ старинныхъ пѣсняхъ едва-ли встрѣчается, какъ впро-
чемъ и вообще множественное число мужескаго рода на ударяе-

Первый городъ || Гурцовець ³¹⁾

Другой городъ || Орѣховець,

Третій городъ || Крестьяновець.

И такъ различаются по смыслу группы стиховъ, и въ каждой одинъ стихъ подгоняется къ другому, —пріемъ безспорно эффектный, если примѣняется кстати, но уже искусственный; впрочемъ онъ обуславливается скорѣе бессознательной ритмической ассоціаціей, чѣмъ расчетомъ. Вообще замѣтно стремленіе къ однообразному построению стопъ, откуда и перестановки удареній и вставка ненужныхъ словечекъ. Это стремленіе ведетъ у необразованныхъ людей къ силлабическимъ стихамъ, господствующимъ теперь въ поэзіи лакеевъ, мастеровыхъ и солдатъ. Гоньба за равенствомъ сосѣднихъ между собою стиховъ отразилась и на ст. 23:

Тридцать молодцовъ || да и безъ единого

вмѣсто нормальнаго

Тридцать молодцевъ || безъ единого,

какъ Рябининъ, можетъ быть, и сказать бы, если бы за этимъ стихомъ не слѣдовало

Самъ ещё Вольга || да ѣ во тридцатыхъ.

Ст. 15:

Ласковъ князь-то Владымеръ || стольнѣ-кіевской ³²⁾

31) Въ нотахъ «а Гурцовець».

32) И. Тр. Рябининъ ритмизовалъ такъ:

Ласковъ князь то Владымеръ || стольнѣ-кіевской (=6/4+4/4,

съ точкой при 1/8 для «то» и съ 1/16 для «Вла—».

контаминированъ изъ двухъ совершенно различныхъ формулъ:

Ласковѣй сударь || Владиміръ князь

и

Владиміръ князь || стольный Кіевскій.

Ст. 25—26:

Садились на добрыхъ || коней, поѣхали

По этимъ городамъ || да за получкою.

1) Прилагательное съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ и подчиненное ему въ ритмическомъ отношеніи опредѣляемое имъ существительное помѣщаются всегда въ одномъ полустипіи для того, чтобы они не разрывались цезурой, какъ то случилось у Рябинина, который даже отмѣтилъ цезуру посредствомъ протяженія слога «—брыхъ» въ полторы осьмыхъ, сокративъ «ко—» до $\frac{1}{16}$. Еще примѣръ подчиненія смысла стиху.

2) Мѣстоименіе «этотъ» употребляется въ старинныхъ пѣсняхъ при указаніи на присутствующій предметъ (*δεικτικῶς*), а не только представляемый (*ἀναφορικῶς*), напр.

А и эта рука || мнѣ не надобна,

говоритъ Добрыня, отсѣкая руку Маринѣ. Старинный пѣвецъ не сѣверо-западный выразилъ бы ту-же мысль напр. такъ:

Садились они || на добрыхъ коней,

Поѣхали ко тѣмъ || ко городамъ,

Ко тѣмъ городамъ || за получкою,

если бы только послѣднему стиху не предпочелъ такого:

Собирать съ нихъ дани, || невыплаты.

То-же уклоненіе отъ обычной постановки прилагательнаго съ подчиненнымъ ему по ударенію существительнымъ оказывается и въ ст. 37 (какъ въ почти тождественныхъ 43 и 49):

Не наѣхали въ чистомъ || поли ратая.

Здѣсь цезура еще слышнѣе, потому что на стоящій передъ нею слогъ приходится цѣлая $\frac{1}{4}$. А стояло только переставить слова. Лирическое разнообразіе удареній также въ ст. 54 и 55:

Каменья, коренья || вывѣртываётъ,

А и крупныя ёнь каменья || всѣ въ борозду валить³³).

Ст. 98:

Отѣхали отъ сошки || кленовойей.

Пѣвецъ изъ другой мѣстности сказалъ бы «кленовыя», — правда, не только въ родительномъ падежѣ, но и въ дательномъ, иногда даже въ мѣстномъ, для котораго употребительна и форма на «— оей»; но здѣсь дѣло не въ грамматической правильности, а въ грамматическомъ преданіи.

Ст. 84—87:

Просять оны грошей || подорожныхъ;

А при мнѣ была шалыга || подорожная:

А у насъ съ шалыгой || съ подорожнойей

Кой стоя стоитъ, || тотъ и сидя сидитъ и т. д.

Пѣвецъ, очевидно, зарпортовался, и виной тому была таинственная «шалыга». Что она, въ самомъ дѣлѣ, такое? А вотъ послушаемъ дальше (ст. 101 слѣд.):

33) У Рябинина-отца «вси», какъ и слѣдуетъ по-олонецки.

Хошь оставиль я сошку || въ бороздочки

Не гля-ради прохожаго й || проѣзжаго,

А гля-ради мужика || да деревенщины.

Есть у насъ мужикъ || да деревенщина,

Прозывается шальга || поддорожная,

То ёнъ сошку съ земельки || повидернетъ и пр.

Стало быть, не «шальга», а «Шальга»: это — имя мужика, товарища Микулы. Женскій родъ не противорѣчитъ такому пониманію: вѣдь есть-же «калика перехожая». Сравнимъ показаніе Рябинина-отца. Первое изъ этихъ двухъ мѣстъ онъ пѣлъ почти также, какъ поетъ сынъ, а второе является у него въ такомъ видѣ:

А оставиль я сошку || въ бороздочки...

Да не гля-ради прохожаго || проѣзжаго,

Ради мужика || деревенщины:

Они сошку съ земельки || повидернуть и т. д.

О «шальгѣ» на этотъ разъ у отца нѣтъ ни слова, за то черезъ два стиха сказано нѣчто, чего нѣтъ у сына:

Мнѣ нечѣмъ будетъ молодцу || крестьянствовать.

Многоточіе послѣ перваго стиха поставлено Гильфердингомъ; и въ самомъ дѣлѣ, здѣсь какъ будто пропущено нѣчто въ родѣ того, что Микула боится за свою соху и желалъ бы принять мѣры къ ея сохраненію — отъ кого именно, пояснено дальше: отъ своего брата-мужика. Смыслъ ясенъ, но не для Рябинина-сына,

упомнившаго это мѣсто только внѣшнимъ образомъ. А кто-же наконецъ «шалыга»? Смотри у Кирши (Калайд. стр. 183):

Въ тридцать пудъ шелепуга || подорожная,

Въ пятьдесятъ пудъ налита свинцу || Чебурацкаго ³⁴).

Этотъ образчикъ новѣйшей нелѣпости служить также блестящимъ доказательствомъ того, какъ скоро въ наше не-эпическое время разлагается эпосъ. Объ отличіяхъ современныхъ олонецкихъ былинъ отъ «Богатырскаго слова», записаннаго въ той-же губерніи (въ Турчасовской волости Каргопольскаго уѣзда), нечего и говорить. Дальнѣйшій разборъ былинны о Волгѣ и Микулѣ, кажется, излишенъ, особенно въ виду продолженія этого изслѣдованія. Но само собою разумѣется, что при изученіи нашего народнаго эпоса никакъ нельзя обойтись безъ помощи его живыхъ или, вѣрнѣе, издыхающихъ остатковъ; только при пользованіи ими ни на одно мгновеніе не слѣдуетъ забывать, что олонецко-архангельскій край — не вся Россія и что XIX вѣкъ — не XVII, дальше котораго мы пока не можемъ проникнуть въ прошедшее въ вопросѣ о древнѣйшей редакціи нашего эпоса.

34) «Шелепуга» или «шалыга» — то-же что «шелепъ» — родъ кистеня въ видѣ кнута, оружіе не воина, а путника, иногда — разбойника, какъ теперь карманный револьверъ. Въ числѣ пѣсенныхъ насмѣшекъ надъ свахой есть и такая (Сахаровъ № 186):

Бхала свашенька || изъ города,

Свѣсила ноженьки || изъ короба.

Увидѣли свашеньку || два щеголя,

Пріударили свашеньку || въ два шелепа.

I.

Ударенія въ языкѣ русской народной поэзи.

Русская рѣчь даже въ устахъ образованныхъ людей, говорящихъ языкомъ литературнымъ, обнаруживаетъ нѣкоторыя колебанія относительно постановки удареній: одинъ произноситъ *высо́ко, воро́та, о́тдалъ, на́ землю*, другой — *высоко́, воро́та, отдалъ, на зѣмлю*. Эта разница зависитъ отъ различныхъ нарѣчій; такъ въ приведенныхъ примѣрахъ первый рядъ удареній свойственъ, говоря вообще, сѣверной половинѣ Великой Россіи (со включеніемъ Москвы), второй — южной. Само собою разумѣется, что рѣчь простого народа отличается гораздо большимъ разнообразіемъ въ порядкѣ удареній, смотря по родинѣ и мѣсту жительства говорящихъ. Въ народной поэзи, не только русской, но и какой угодно, въ томъ числѣ у Гомера и въ Ведахъ (какъ бы сильно ни было замѣшано въ созданіи этихъ памятниковъ личное творчество), языкъ представляется всегда болѣе или менѣе пестрымъ и въ извѣстныхъ предѣлахъ неустойчивымъ вслѣдствіе смѣси нарѣчій различныхъ мѣстностей и различныхъ эпохъ, образующейся постепенно при переходахъ одной и той-же пѣсни изъ одной части страны въ другую и передачи

*) Начало статьи см. въ I т. (1896) Извѣстій стр. 1—45.

этой пѣсни отъ поколѣнія къ поколѣнію. Такимъ путемъ слагается въ послѣдствіи условный поэтический языкъ, разумѣется, не вполне твердо выдержанный, однако достаточно опредѣленный для того, чтобы и позднѣйшіе народные поэты имѣли его въ виду, какъ образецъ, хотя при этомъ ни одинъ изъ нихъ не можетъ отдѣлаться отъ вліянія своего родного говора. Этотъ искусственный, но въ то-же время безукоризненно народный языкъ сохраняется въ принципѣ неприкосновеннымъ, пока жива народная поэзія. Вымираніе его и постепенное приближеніе языка пѣсенъ къ чистому-ли разговорному той среды, въ которой каждая изъ нихъ поется, или къ литературному уже само по себѣ свидѣтельствуесть о вырожденіи народнаго творчества данной эпохи. Мы живемъ именно въ такое время, когда старинная русская пѣсня исчезаетъ, отчасти забившись въ захолустья и тамъ все болѣе обособляясь и вмѣстѣ мельчая, какъ въ Олонецко-Архангельскомъ краѣ, въ Сибири и у казаковъ, отчасти уступая свое мѣсто произведеніямъ городского простонародья, къ которому въ занимающемъ насъ вопросѣ можно причислить и солдатъ, особенно теперь, при общей воинской повинности и краткосрочной дѣйствительной службѣ. Къ солдатскому типу все болѣе приближается и казачья пѣсня, какъ видно хотя бы изъ образчиковъ, печатаемыхъ въ «Сборникѣ свѣдѣній о мѣстностяхъ и племенахъ Кавказа». О быстротѣ порчи стараго пѣсеннаго склада подъ вліяніемъ обращенія пѣсни въ замкнутомъ кругу опредѣленной мѣстности уже было сказано; заполненіе народнаго поэтическаго репертуара пѣснями литературнаго характера, даже переводными, представляетъ собою фактъ до такой степени извѣстный, что о немъ нечего распространяться. Еще въ шестидесятыхъ годахъ Гильфердингъ слышалъ въ Олонецкой губерніи сербскую пѣсню о Йовѣ и Марѣ въ переводѣ Щербины, подвергшуюся, правда, въ устахъ сказителей кое-какимъ редакціоннымъ измѣненіямъ въ народномъ духѣ; но такое сравнительно свободное отношеніе къ подлиннику объясняется въ значительной степени нѣкоторой неопредѣленностью его размѣра и отсут-

^{2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44 45 46 47 48 49 50 51 52 53 54 55 56 57 58 59 60 61 62 63 64 65 66 67 68 69 70 71 72 73 74 75 76 77 78 79 80 81 82 83 84 85 86 87 88 89 90 91 92 93 94 95 96 97 98 99 100}
 Что ты стоишь— || воды нѣту?

^{2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44 45 46 47 48 49 50 51 52 53 54 55 56 57 58 59 60 61 62 63 64 65 66 67 68 69 70 71 72 73 74 75 76 77 78 79 80 81 82 83 84 85 86 87 88 89 90 91 92 93 94 95 96 97 98 99 100}
 «Кони воду || выпивали,

^{2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44 45 46 47 48 49 50 51 52 53 54 55 56 57 58 59 60 61 62 63 64 65 66 67 68 69 70 71 72 73 74 75 76 77 78 79 80 81 82 83 84 85 86 87 88 89 90 91 92 93 94 95 96 97 98 99 100}
 Копытами землю || выбивали»,

но въ старшемъ изводѣ, конечно, не со словомъ «вѣрный», которое и въ схему позднѣйшаго напѣва втиснуто лишь при помощи растяженія перваго слога, а съ какимъ нибудь 3-хъ-сложнымъ, — можетъ быть, собственнымъ именемъ, впоследствии забытымъ. Въ силу этихъ соображеній я взялъ въ основу своихъ изслѣдованій русскаго пѣсеннаго ударенія такъ называемый сборникъ Кириши Данилова, какъ старѣйшую извѣстную намъ запись пѣсенъ различнаго содержанія, а это разнообразіе не лишено значенія въ томъ смыслѣ, что русскій народный пѣсенный языкъ — оказывается болѣе или менѣе одинаковымъ во всѣхъ родахъ поэзіи. Свидѣтельства этого сборника я провѣряю и дополняю показаніями старинныхъ и распространенныхъ лирическихъ пѣсенъ, которыхъ напѣвы по большей части хорошо извѣстны. Распространенность пѣсни въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи есть важное условіе установки древнѣйшаго текста. Правда, ссылки на пѣсни лирическія, сложенные различными размѣрами, о которыхъ не было говорено выше, сопряжены съ нѣкоторыми неудобствами для читателя, но ритмическая размѣтка надъ строками примѣровъ разъяснить ему на первый разъ ихъ строй въ достаточной степени, а между тѣмъ безъ предварительныхъ свѣдѣній объ удареніяхъ трудно приняться и за изслѣдованіе самыхъ размѣровъ. Само собою разумѣется, что объ исчерпывающемъ вопросѣ разборѣ всѣхъ примѣровъ необычнаго въ литературномъ языкѣ ударенія здѣсь не можетъ быть и рѣчи.

Но прежде, чѣмъ приступить къ изслѣдованію удареній по частямъ рѣчи, необходимо выдѣлить тѣ случаи, которые относятся не къ грамматикѣ, а къ метрицѣ. Выше уже было замѣчено, что вопросъ о совпаденіи удареній прозаическаго и ритмическаго можетъ возникать только по отношенію къ удареніямъ

главному и второстепенному, т. е. къ тѣмъ, которые необходимы въ тактѣ сложномъ, какъ $\frac{4}{4}$, составляющемъ половину эпического стиха, и $\frac{3}{4}$, лежащемъ въ основѣ нѣкоторыхъ лирическихъ размѣровъ. Третьестепенное удареніе, какъ появляющееся лишь случайно, вслѣдствіе разложенія четвертей на осьмья, можетъ приходиться на слоги, въ прозѣ неударяемые. Въ стихахъ изъ тактовъ $\frac{2}{4}$, все болѣе и болѣе входящихъ въ употребленіе въ народныхъ пѣсняхъ, совпаденіе ритмическаго ударенія съ прозаическимъ обязательно только для главнаго ударенія, такъ какъ другое удареніе, которое ощущается преимущественно при разложеніи четвертей, въ простомъ тактѣ отмѣчаетъ собою не особый отдѣлъ такта, имѣющій свои ударенія двухъ степеней (второстепенное и третьестепенное), а лишь такую величину, безъ противоположности которой тактовому ударенію не было бы различимо и это удареніе, а съ нимъ и ритмъ. Потому слабѣйшее изъ двухъ удареній такта $\frac{2}{4}$ равняется по значенію и по силѣ третьестепенному сложнаго такта, согласно съ чѣмъ въ этомъ изслѣдованіи оно и обозначается лишь точкой надъ слогомъ, какъ третьестепенное ¹⁾). Но и главное удареніе въ самомъ концѣ стиха такого склада можетъ падать на конечный неударяемый слогъ, отдѣленный отъ прозаически ударяемаго однимъ, двумя или тремя неударяемыми слогами. Впрочемъ есть много пѣсенъ въ $\frac{2}{4}$, сложенныхъ такъ вольно, что пользоваться ими въ качествѣ источниковъ свѣдѣній объ удареніяхъ почти или даже совсѣмъ невозможно за исключеніемъ развѣ послѣдняго въ стихѣ ударенія, если оно главное, да и то иногда съ тѣмъ условіемъ, чтобы обращать вниманіе на ритмъ не напѣва, который, какъ мы видѣли, нерѣдко оказывается перенесеннымъ изъ другой пѣсни, а на ритмъ первоначальный, сохранившійся только въ текстѣ. Что же касается тѣхъ пѣсенъ, которыя въ этомъ отношеніи надежны, то изъ сказаннаго слѣдуетъ, что

1) Иначе отмѣчено второстепенное удареніе такта $\frac{2}{4}$ въ первой части изслѣдованія (примѣч. 7 и 17), гдѣ шла рѣчь объ этомъ тактѣ въ стопныхъ стихахъ искусственной поэзіи.

и въ нихъ третьестепенныя ритмическія ударенія должны быть исключены изъ изслѣдованія прозаическихъ удареній.

Но и второстепенныя ударенія въ одномъ извѣстномъ случаѣ могутъ быть въ прямой противоположности къ естественному ритму слова. Этотъ случай есть уже упомянутая прежде (т. I стр. 21) энклиза трохаическихъ словъ, которая состоитъ въ томъ, что 2-сложное слово съ удареніемъ на первомъ слогѣ, заключающее собою первое или второе полустишіе, послѣ односложнаго слова съ сильнымъ удареніемъ или послѣ 2-сложнаго или 3-сложнаго съ удареніемъ на концѣ теряетъ свое грамматическое удареніе и, вслѣдствіе этого, становясь прозаически неударяемымъ, допускаетъ второстепенное ритмическое удареніе на своемъ послѣднемъ слогѣ. Такъ какъ ритмическое удареніе не есть посторонній языку элементъ, введенный въ него искусственно, а вытекаетъ изъ физическихъ свойствъ языка, то такая энклиза нечужда и прозѣ, напр., хотя слово *либо* въ такихъ сочетаніяхъ, какъ «либо ты, либо я», гдѣ оно стоитъ въ началѣ синтаксическаго члена, произносится съ удареніемъ на первомъ слогѣ, тѣмъ не менѣе послѣ вопросительныхъ мѣстоименій и нарѣчій замѣняетъ это удареніе болѣе слабымъ на концѣ: *кто-либо*, *иди-либо*, *какой-либо*, откуда уже по аналогіи—*какого-либо* на ряду съ болѣе правильнымъ съ ритмической точки зрѣнія *какого-либо*. До какой степени естественно это явленіе, явствуетъ изъ его существованія и въ другихъ языкахъ, особенно въ новогреческомъ и въ англійскомъ и шотландскомъ, гдѣ оно встрѣчается при тѣхъ-же самыхъ условіяхъ, какъ въ русскомъ, напр.

Καὶ σὺ φόλαν οὐδὲν ἔχεις || νὰ δῶς διὰ τὴν ψυχὴν σου
(Θεοδора Προδρομα Κατὰ ἡγουμένων ст. 90).

Σαρδαμαριοῦ παιδὶν εἶσαι || χαυιάροχαταλύτου

(тамъ-же 97).

Τὸ τίς εἶσαι καὶ τί θέλεις || καὶ τί με συντυχαίνεις;
(тамъ-же 473),

даже послѣ предлога, котораго удареніе усилено, вѣроятно, искусственнымъ образомъ:

Νὰ προσκυνῆσαι ὑπὸ πάντων || μικρῶν τε καὶ μεγάλων
(Βέλθανδρος καὶ Χρυσάντζα 145),

послѣ члена, чтò въ прозѣ было бы натяжкой:

Τρεῖς τὸ ταχὺ, τρεῖς τὸ βράδῳ, || χρυσή μου περιστέρα

(Passow, Popularia carmina Graeciae recentioris DCXLVI, 14),
послѣ отрицанія δέν, по примѣру стариннаго οὐδέν, хотя одно-
сложная форма въ прозѣ не имѣетъ ударенія:

Ἐποῦτο ντέρντι δέν εἶναι, || ὀποῦχῳ ἄς τὴν καρδιά μου
(тамъ-же, Disticha 339),

при повтореніи слова, не смотря на соблюденіе его ударенія въ
первый разъ:

Ἐπὶ εἶναι, μάτια μ', ἔτσ' εἶναι, || ὅπ' ἀγαπάη καὶ χάση
(тамъ-же, Disticha 338).

Примѣръ, подобный нашему *каκόλο-либò*:

Σίτ' ἀναγνώθ', (,) σίτι κλαίγει, || σίτ' χρούει τὴν καρδίαν
(трапезунтская пѣсня у Legrand, Recueil de chansons
populaires grecques 49, 6).²⁾

2) Въ стихѣ такого-же ритма у Пассова Dist. 80:

Ἄνοιξε γῆς (,) μέσα νάμπω || καὶ σκέπασέ με χῶμα

можно написать и νάμπω, хотя νάμπω, какъ Dist. 81, кажется употребительнѣе.
Однако тамъ-же DCXXXII а 11:

Κί ὅσο νάμπῃ κί ὅσο νάβγῃ, || εὐρέθ' ἐγγαστρομένη

Англійскіе примѣры такъ многочисленны, что ихъ можно найти десятки въ любой не очень короткой старинной балладѣ, напр. въ первой части Sir Cauline (Percy, Reliques of ancient english poetry vol. I p. 36 sqq. ed. В. Tauchnitz):

Men call him syr Cauline (ст. 4).

He says, Where is || syr Cauline (23)

и такъ постоянно въ концѣ стиха, то со второстепеннымъ, то даже съ главнымъ удареніемъ, смотря по составу послѣдней стопы; но въ другихъ мѣстахъ стиха

Syr Cauline loveth her || best of alle (9) ³⁾

и т. п.

Upon Eldridge hill || there groweth a thorne,

Upon the mores brodinge;

And dare ye, syr knighte, || wake there all nighte

Untill the fayre morninge? (59—62).

Энклиза трохея послѣ трохея:

And Ile either bring you || a ready token (73),

хотя, вѣроятно, не съ полнымъ слогомъ -en, а со слоговымъ п, какъ это слово произносится и теперь: tōkn. Энклизу допускаютъ и новые поэты въ подражаніяхъ народнымъ пѣснямъ, напр. у Байрона въ пѣснѣ Чайльдъ-Гарольда (I, 13):

Come hither, hither, || my staunch yeoman,

Why dost thou look so pale?

3) Можетъ быть, loveth her и ниже groweth ѣ. Стихи размѣчены здѣсь по современному выговору и притомъ въ декламационномъ ритмѣ. Въ пѣніи является иногда размѣръ $\frac{6}{8}$, т. е., гдѣ у насъ спондеи, слышатся трохеи ($\frac{1}{4} + \frac{1}{8}$), а на мѣстѣ дактилей — трибрахи ($\frac{3}{8}$).

Or dost thou dread || a French foeman?

Or shiver at the gale?

Такая энклиза обуславливается не только ритмомъ, но и физическими особенностями даннаго языка, напр. у Грековъ слияніями въ родѣ τῶβγαλε изъ τὸ ἔβγαλε, или усѣченіями—τὸ'βγαλε, чтò при частомъ отпаденіи нарощенія повело къ τὸ βγαλε будто бы вмѣсто τὸ βγάλε (см. Византійскій Временникъ 1896 № 4), у Англичанъ и Шотландцевъ—грамматическимъ второстепеннымъ удареніемъ (Nebenton): mórnìng, ueb'màn и т. п., и само собою разумѣется, что эта перестановка ударенія должна была имѣть у всякаго народа свою особую исторію, состоявшую впрочемъ преимущественно въ распространеніи аналогіи. Тоже, конечно, и у насъ, хотя на первый разъ приходится ограничиться догадками. Точкой отправления развитію энклизы трохаическихъ словъ могли послужить ударяемые на первомъ слогѣ формы словъ съ подвижнымъ удареніемъ послѣ предлоговъ: *на ногу, за руки, подъ воду, ó земь, за уголь, нѣре-далъ* и т. п. Огромное большинство такихъ формъ заключало въ себѣ по два слога (считая *ъ* и *ь*), т. е. представляло собою тоническіе трохеи; тоническіе дактили этого разряда, какъ (*на*) *сторону*, (*но*) *городу*, (*за*) *волосы*, всѣ относятся къ отдѣлу полногласныхъ, а такіа слова, бывшія нѣкогда 2-сложными (**сторніа*, **городъ*, **волсъ*) по отношенію къ удареніямъ подчиняются однимъ законамъ съ 2-сложными, почему и отличаются отъ другихъ, напр. *сторонá*—мн. *стóроны*, *головá*—*гóловы* (и единственное 4-сложное *сковородá*—*скóвороды*), а *высотá*—мн. *высóты*, *стрекозá*—*стрекóзы*. Но прежде, чѣмъ приводить въ связь эти два рода энклизы, ознакомимся съ энклизой трохаическихъ словъ на нѣсколькихъ примѣрахъ, которые мы расположимъ по синтаксическимъ категоріямъ. Примѣры эти заимствованы изъ сборниковъ Кирши и Сахарова, изъ которыхъ первый будетъ здѣсь обозначенъ лишь цифрой страницы, второй—буквой «С.», цифрой страницы и цифрой пѣсни.

1) Приложение предшествующее (въ видѣ первой части сложенія) подчиняетъ себѣ опредѣляемое:

Глубота, глубота || океанъ-море (1=387).

Хитрости были || Царя-града (4).

Якори метали || во Днѣпръ рѣку (4).

Купатися || на Сафать рѣку (346).

Во ту во матушку || во Израй рѣку (348).

(Сравни: По славной матушкѣ || по Израй рѣкѣ 349).

Туть⁴⁾ увидѣли || Баранчу рѣку (315)

И скоро выплывали⁵⁾ || на Тагиль рѣку (315).

И поплыли || по Тагиль рѣкѣ,

А и выплыли || на Туру рѣку,

И поплыли || по той Турѣ рѣкѣ

въ Епанчу рѣку (316).

Со товарищи⁶⁾ || на Иртышъ рѣку (317).

Колоты онѣ были || изъ трость-древа (24).

Къ тебѣ Царю || въ Азовъ городъ (312).

Клеены онѣ клеємъ || осетра-рыбы (24).

Завела нужда-бѣдность (16).

Ахъ и братъ, сестра, || что и родъ-племя (С. 204, 10).

Есть ли у Дарьюшки || родъ-племень (С. 153, 180).

4) И въ то время К.

5) И скоро они выплыли К.

6) Со своими товарищами К.

Приложеніе послѣдующее (объяснительное) подчиняется опредѣляемому:

За тебя, сына, || Гордена Блудовича (150). 7)

А и ты, братецъ || Екимъ Ивановичъ (181).

А ты, Свицкой || Король Карлусъ (277, но безъ экли-

зы 276: Ко Свицкому || Королю Карлосу).

По аналогіи приложеній

Что увидя графъ || Мусинъ-Пушкинъ

въ солдатской пѣснѣ Екатерининскихъ временъ въ сборникѣ Ки-
рѣвскаго вып. 9, стр. 272.

2) Опредѣляющее прилагательное или мѣстоименіе подчи-
няетъ себѣ опредѣляемое существительное:

Говориль Соловей || таково слово (3 ср. 12, 53, 81,
85, 88, 101 и др.).

Бросиль свои || звончаты гусли,

Подхватываль дѣвицу || за бѣлы ручки (9 ср. 210, 218,
305, 329 дважды, 335).

Онъ беретъ Царя || за бѣлы руки (52 ср. 79, 83, 238,
250, 350, 354, 362, 365).

Увидѣла она || бѣлу руку (270).

Еще плачуть малы его дѣти || надъ (его) бѣлымъ тѣломъ
(374).

7) Если не

какъ выше

За тебя, Гордена || сына Блудовича,

и далѣе стр. 151:

И завидѣль Горденъ || сынъ Блудовичъ

Молодой Горденъ || сынъ Блудовичъ

Пропустя она Гордена || сына Блудовича.

Темна ночь || до бѣла свѣта (256).

А тоя-то Камы || за синимъ моремъ —

Своимъ устьемъ впала || въ сине море;

А леталь орель || надъ синимъ моремъ,

А ронилъ онъ перьяца || въ ⁸⁾ сине море,

А бѣжали гости || корабельщики,

Собирали перья || на синемъ морѣ (24 ср. 25, 48, 101, 210, 337, 338 дважды, 340 дважды, 341, 343 и др.).

Ужь какъ палъ туманъ || на сине море,

А злодѣй тоска || въ ретиво сердце (С. 202, 5)⁹⁾.

Вложилъ Богъ желанье || въ ретиво сердце (К. 272 = 273).

Строганы тѣ стрѣлки || въ Новѣгородѣ (24) и т. п.
очень часто, какъ и

Во славномъ Великомъ || Новѣградѣ (72).

Изъ Навагорода || въ каменну Москву (278).

Напущаюсь я || на весь Новгородъ (77), какъ и въ
нашей прозѣ.

Скочили всѣ || на рѣзвы ноги (26 ср. 132, 191 дважды, 241, 290, 350, 386).

А и на небѣ просвѣтя || свѣтель мѣсяць (45 = 50
ср. 189).

Говорить ему || таковы рѣчи (341).

8) во К.

9) Поется (или пѣлась) эта пѣсня въ иномъ ритмѣ, о которомъ будетъ сказано въ отдѣлѣ лирики.

- Къ тому чану, || зелено вино (75).
 До того часу, || когда спросятся (119)
 Сходни бросали || на ту гору (176).
 На ту гору || Сорочинскую (177).
 Жалобу приносить || своему сыну (150).
 На тѣ годы || уреченные (198).
 Ко тоя церкви || соборныя (222).
 На твои щаски || княженецкія (157=158).
 До мо[е]го тестя || любимаго (196, До тво[е]го—197,
 201 дважды).
 Ужь какъ злы, лихи на молодца || своя братья (С. 230,
 21)¹⁰⁾.
 Выкупайте вы || добра молодца,
 Добра молодца, || своего сына,
 Своего сына, || сво[е]го родимаго (С. 228, 13).
 Молодой женѣ || своя воля (С. 229, 17).
 Не сказалъ бы онъ || своему сыну,
 Своему сыну, || моему мужу (С. 212, 44).
 Не о томъ, что идти || во свѣтлы гридни (97 ср. 160,
 199, 213, 219).
 И приходитъ онъ || во свѣтлу гридню (137 ср. 200,
 212 дважды, 221, 230 дважды, 239, 351).

10) Впрочемъ В. В. Латышевъ слышалъ въ Бѣжецкомъ уѣздѣ, Тверской губерніи *братѣ*, вѣроятно, и помимо англизы (Извѣстія I, 338). То-же удареніе въ Покровскомъ у., Владимірской губ. (тамъ-же, 340), также въ Гдовскомъ у., Петербургской губ. (тамъ-же, 342), въ Буйскомъ, Костромской (тамъ-же, 351). Ср. князьѣ, зятьѣ, шурьѣ и т. п.

Вы подите во свѣтлу[ю] гридню (18).

Обертываться || сѣрымъ волкомъ (47 по ср. 48:

А волку, медвѣдю || спуску нѣтъ).

А и бродишь по чисту полю (15 ср. 130, 180).

Полетѣлъ онъ далече || во чисто поле (50 ср. 67, 69,
147).

Нагулялся ты, Добрыня, || во чистомъ полѣ (69 ср.
95, 96, 131 и др.)

Какъ издавеча, || изъ чиста поля (211 ср. 234 и 388).

Вшелъ онъ, Добрыня, || во высокъ теремъ (64 ср.
174) ¹¹⁾.

Бѣжала во свой || въ высокъ теремъ (С. стр. 231,
№ 21).

А сидѣли на пиру || честны[я] вдовы (67 ср. 135, 147).

Сходни метали || на крутой берегъ,

И вышли цѣловальники || на крутъ берегъ (344).

Ужь вы только породили, || круты горы,

Бѣлъ горячъ камень, || великъ добрѣ (С. стр. 209
№ 33).

Поклонился матушкѣ || въ праву ногу (150 ср. 334).

Хвата Никиту || за праву руку (335).

А праву руку || съ золотымъ перстнемъ (367).

Опознавала [она] хорошъ || золотъ перстень (370).

Въ дальну Орду— || Золоту землю (89=127)

Хлеснетъ онъ Дунай || по сыру дубу (94 ср. тамъ-же,
144, 419).

11) У Олончанъ въ этомъ случаѣ даже *терѣмъ*.

- И стрѣляетъ Илью || во бѣлы груди,
 Во бѣлы груди || изъ туга лука (362 ср. 364, 365).
 Полетѣль Соловей || съ сыра дуба (354).
 Воткнетъ копье || во сыру землю (95 ср. 145, 192,
 210, 218, 225 и др.).
 И стрѣляль въ примѣту || на цѣлу версту (100 ср.
 тамъ-же и 129).
 Ткнуль себя чингалищемъ || въ бѣлы груди (101)¹²⁾.
 Сгоряча онъ бросился || въ быстру рѣку (101 ср. 370)¹³⁾.
 По той по порохѣ, || по бѣлу снѣгу (139)
 И за лютымъ звѣремъ || послалъ другое сто (139).
 Промежу тѣхъ дорогъ || лежитъ горячъ камень (181
 ср. 251).
 По отечеству садися || въ большо[е] мѣсто (187).
 Увидѣль Царевича || въ большомъ мѣстѣ,
 Въ большомъ мѣстѣ || въ переднемъ углу (335).
 Во рукахъ несутъ || большу книгу (С. 225, 5).
 Излежался мой || дорогой камень (С. 213, 49).
 Распаялся мой || золотъ перстень,
 Выкатился || дорогой камень (С. 224, 1).
 А снаряжаютъ-то все || чужи люди,
 Чужи люди, || незнакомые (С. 153, 180).

12) во К.

13) во К. Возможно и «бросался во».

Дѣлили они || золоту казну || пуховой шляпой (С. 246,
24).

На дубу сидить || тутъ черной воронъ (207 ср. 208).

Стоючи она съ надежею || съ милымъ другомъ (305).

Молодой Екимъ || со добры кони (182 кр. 265).

А честной Король, || честной Карлусъ (278, а безъ
энклизы 277:

У честна Короля, || честнаго Карлуса).

И плюетъ Ильѣ || во ясны очи (249).

Какъ стегнетъ онъ коня || по тучнымъ бедрамъ (353
ср. 356).

Могучи плечи || расходилися (257).

А вышилъ чару || единымъ духомъ (26 ср. 173, 197,
213).

Илья Муромецъ || единымъ словомъ (365).

Смотрючи, глядючи || на русу косу,

На русу косу, || на дѣвичью красу (С. 148, 156).

Что разсылъщики мой || — калены стрѣлы (С. 227, 9).

Отцы, матери, || молоды жены (С. 234, 8).

Сюда-же можно отнести

А окольной дорогой || полтора года (169).

Дружину прибирать || во¹⁴⁾ три годы (47).

Ровно тридцать лѣтъ || и три года (С. 225, 5; 230, 21).

14) «въ» К.

Рѣже наоборотъ, какъ

Вы простите меня, || мѣръ и народъ Божій (С. 226, 5).

3) Родительное опредѣленіе подчиняетъ себѣ опредѣляемое:

Гдѣ ихъ роды || роды Царскіе (332).

Пригоню ли тебѣ || голубей стадо (С. 213, 6).

А за нимъ идетъ || стрѣльцевъ рота (С. 225, 5).

4) Глаголь въ качествѣ сказуемаго подчиняетъ себѣ подлежащее, дополненіе или обстоятельство:

И носи платье || разноцвѣтное (74). ¹⁵⁾

Учинилъ драку || великую (158). ¹⁶⁾

Приставалъ скоро || ко круту берегу (170).

Встаетъ рано || ранешенько (182).

Зажигалъ свѣчи || воску яраго (223). ¹⁷⁾

Понесли питья || медвяныя (231, но 188:

А питья все || заморскія ,

о чемъ ср. ниже, стр. 470).

Смиосердися, || покажи милость (277).

Прибыла сила || во Новгородъ (278).

15) Примѣръ сомнительный, потому что 1) постоянный эпитетъ платья есть просто «цвѣтное», 2) смыслъ требуетъ указанія на то, что платье, какъ предлагаемое Васильемъ Буслаевымъ, принадлежитъ ему. Можетъ быть:

И носи мое || платье цвѣтное.

16) Если не «бой—драку».

17) Если не «свѣчу».

- А стоить крѣпкой || Азовъ городъ (310).¹⁸⁾
- Приказалъ мурзы, || улановьямъ (313, но 311:
А мурзы вы, || улановья.
- А и мурзы, улановья || металися || черезъ голову).¹⁹⁾
- Говорить дѣвка || улыбаючись (С. 35, 25).
- Ты прости, радость || красна дѣвица (тамъ же).
- Стругалъ стружки || добрый молодець,
- Брала стружки || красна дѣвица (С. 202, 4).
- Такъ взяла вѣру || божбѣ его (С. 212, 45).
- Онъ кидаль перья || по чисту полю (С. 213, 46).
- Не ходи, холость, || поздно вечеромъ (С. 213, 48)
- Запустѣль теремъ || состроенный (С. 214, 1).

5) Сказуемое—глаголь подчиняется предшествующему слову, по большей части имѣющему главное въ предложении логическое ударение:

- Туть Добрынь || за бѣду стало (62 ср. 63, 64, 66,
90 дважды, 98 и др.).
- По цѣлой ковригѣ || за щеку мечеть (188=190).
- Отъ меня Тугарину || то-жь²⁰⁾ будетъ (189=190).

18) Если не діалектическое *крѣпкой*: ср. Извѣстія I 342.

19) Если не слѣдуетъ читать «мурзамъ», то «мурзы-улановья» должно разсматривать какъ «трость-древо» — род. «трость-древа», «океанъ-море» — род. «океанъ-моря». Разсѣченіе такого сложнаго слова цезурой извиняется тѣмъ, что его части, если не связаны однимъ общимъ удареніемъ, сознаются все-таки въ видѣ отдѣльныхъ словъ, что въ данномъ случаѣ поддерживается флексивной формой первой части. Весьма вѣроятно, что и на стр. 311 было бы правильнѣе «А вы, мурзы-улановья». Недѣлимы, не смотря на склоненіе, сложные съ «полъ» (т. е. половина), изъ которыхъ «во полѹ-пирѣ» (514 и 116) можетъ служить примѣромъ такой-же энклизы 170; иначе «во полѹ-горѣ».

20) тоже К.

А матушка ему || пѣнять стала (282).

Братъ сестру || за себя емлетъ (388).

Она плачетъ, || какъ рѣка льется (С. 202, 2=209,
30=224, 1=225, 5 и др., или:
Они плачутъ—225, 2).

Я сама сяду, || послушаю (С. 214, 51)

Съ луговой было || со сторонюшки (С. 224, 1).

Во письмѣ пишетъ || доброй молодець (С. 228, 13).

Не перомъ пишетъ, || не чернилами (С. 231, 22),

при чемъ особеннаго вниманія заслуживаетъ извѣстное соедине-
нiе неопредѣленнаго наклоненія съ существительнымъ глаголомъ
(какъ по-гречески):

Сложить будетъ || буйну голову (171=177).

Моей крови тебѣ || не пить будетъ,

Моего мяса || не ѣсть будетъ (208).

Мнѣ куда красу дѣть будетъ,

Мнѣ куда положить будетъ? (С. 165, 237).

Отчасти сюда-же относятся многочисленные примѣры энклизы
глаголовъ II спряженія (—ишь, —ятъ), какъ

Отвѣтъ держитъ || тутъ Царевичъ молодой (328).

Но ихъ умѣстнѣе коснуться въ отдѣлѣ оба ударенія глагола,
потому что *держитъ* и т. п. встрѣчаются и помимо энклизы.
Можно выдѣлить еще усиленія прилагательнаго или нарѣчiя
качественнаго посредствомъ поставленнаго впереди творительнаго
падежа ед. ч. ср. р. того-же прилагательнаго (съ ударенiемъ

на послѣднемъ слогѣ), напр.: «давнѣмъ давно», «пьянѣмъ пьяна». То-же съ энклизой:

Съ вечера, || позднимъ поздно (6).

По утру-то было || ранѣмъ рано (С. 234, 8).

Есть еще много случаевъ энклизы, которые трудно подвести подъ опредѣленные грамматическія категоріи, напр.

Есть сударь, || дорога камка (3).

На небѣ солнце— || въ теремѣ солнце,

На небѣ мѣсяць— || въ теремѣ мѣсяць,

На небѣ звѣзды— || въ теремѣ звѣзды (6=8).

У коня грива || на лѣву сторону (22).

У коня грива || загорѣлася (С. 202, 4).

И тутъ дѣвка || запыхалася (80)²¹⁾.

Въ долину сабля || сажень печатная,

Въ ширину сабля || осми вершковъ (204).

Ему тутъ || за бѣду стало (328).

Ни отца нѣту, || ни матери (С. 204, 10).

Сама съ мѣста || не тронуся (С. 207, 24).

Ты къ чему рано || упиваешься? (С. 215, 6).

Не сама въ землю || становилася (тамъ-же).

У ребятъ корокъ || отымано (С. 224, 29).

По краямъ лодки || добры молодцы,

Посреди лодки || красна дѣвица (224, 1).

21) Можетъ быть, «запыхалася».

Тѣмъ естественнѣе энклиза съ третьестепеннымъ удареніемъ, какъ напр.

Есть, сударь, у васъ²²⁾ || золота казна (3).

Про стара мужа Терентьица (19).

Потерять будетъ головки || напрасныя. (51)

А и ты, братецъ калика || переходящая (183)

Изъ того было стола || Княженецкаго (197).

Во Новѣградѣ товару || больше стараго (272).

Безъ числа больно, надежа, || упиваешься (306).

Во новы сѣни вскочили, || новы сѣни подломили
(С. 35, 26)²³⁾.

А у нихъ въ головахъ || звончаты гусли лежать
(С. 262, 2 Радуницкая).

Вообще энклизой, какъ и проклизой, объясняется вольная постановка третьестепенныхъ удареній.

Нечего доказывать, что энклиза могла возникнуть только при непосредственномъ соприкосновеніи двухъ словъ, такъ какъ помимо связи звуковой между ними обыкновенно бываетъ еще связь синтаксическая или логическая. Потому такой примѣръ, какъ выше «Самá съ мѣста» или

Пустился недугъ къ сердцу (14=16),

обнаруживаетъ уже вліяніе аналогіи. Это вліяніе сказывается еще явственнѣе въ энклизѣ черезъ предлогъ не безгласный, какъ съ или къ, а заключающій въ себѣ полную гласную, напр.

Поскакалъ за матушку || Москву за рѣку (330).

22) «у насъ»?

23) Можетъ быть, въ $\frac{2}{4}$.

За славу [ю] матушку || за Москву за рѣку (329).

Повель Царевича || за Москву за рѣку (тамъ-же).

Пойдешь ты, Добрыня, || на Израй на рѣку (346).

Пришелъ онъ Добрыня || на Израй на рѣку (347).

А съ чѣмъ придтить || къ Царю предъ очи (331).

А съ тѣмъ поди || къ Царю предъ очи (тамъ-же).

А прямо пошелъ || къ Царю предъ очи (тамъ-же).

Еще далѣе идетъ аналогія въ тѣхъ, впрочемъ весьма рѣдкихъ, случаяхъ, когда энклиза допускается черезъ неударяемый послѣдній слогъ предшествующаго слова, что возможно, конечно, только при особенно тѣсной связи двухъ словъ, какая бываетъ въ формулахъ, напр.

Избылъ меня батюшка || единымъ часомъ (С. 149, 158).

Избыла меня матушка || единымъ часомъ (тамъ же).

Потому, быть можетъ, и въ приведенныхъ выше постоянныхъ сочетаніяхъ «единымъ духомъ» и «единымъ словомъ», въ которыхъ выше ритмическія ударенія поставлены согласно съ выговоромъ современныхъ олонецкихъ сказителей, удареніе слова «единымъ» оставлялось прежними пѣвцами на среднемъ слогѣ. Въ такихъ случаяхъ энклиза едва-ли сознавалась въ своемъ первоначальномъ чисто ритмическомъ значеніи: вѣроятно, удареніе *часомъ* и т. п. казалось уже грамматическимъ. Да оно, пожалуй, и было таково: слова «единый часъ», слившись какъ-бы въ одно, подчинились одному ударенію, такимъ образомъ, что главнымъ удареніемъ этого сочетанія оказалось удареніе перваго слова, а удареніе втораго ослабѣло до степени второстепеннаго ударенія, описаннаго выше въ примѣчаніяхъ I стр. 5 п 23, — «единый часъ», какъ «единственный», откуда

род. пад. «едина часà», какъ «единственнагò», дат. «едину часу», какъ «единственному» и т. д. Можетъ быть, и въ соединенiяхъ «за Москвú за рѣкú» или «на Израй на рѣкú» и «къ царю предъ очí» слѣдуетъ различать два послѣдовательныхъ момента, изъ которыхъ старѣйшiй представляютъ выраженiя со словомъ *ръка*, сливающееся съ именемъ какъ-бы въ одно слово: «Москвá рѣкà», «Москвѣ рѣкѣ», «Москвú рѣкú» и т. д. Энклиза правильная, какова «чистò полè», «синè морè», не могла отозваться на грамматическомъ ударенiи подчиняемыхъ въ ритмическомъ отношенiи словъ, потому что причина ея была вполне ясна говорящему²⁴⁾, но развившаяся въ постоянныхъ сочетанiяхъ и вообще на почвѣ аналогiи могла вводить его въ нѣкоторый соблазнъ касательно ударенiя подчиненнаго слова и внушала ему мысль о возможности ударенiя не только на первомъ слогѣ этого слова, гдѣ оно слышалось обыкновенно, но и на второмъ, особенно если это предположенiе поддерживалось другими падежами, напр. *ръкá*, *очáмъ* (въ старину — и *очíма*), *часы́* —

24) Смотри напр.

Свѣтъ Игнатiй чесаль кудри,

Свѣтъ Петровичъ чесаль черны,

Чесаль кудри, приговариваль (С. 191, 21 и 192, 21 трижды въ той-же пѣснѣ).

и т. п. очень часто. Къ тому-же такая, такъ сказать, временная энклитика сохраняетъ свои звуки въ томъ видѣ, въ какомъ они являются помимо энклизы, т. е. слова *ночи*, *городъ*, *мѣсяцъ*, *бѣдрамъ* послѣ словъ *ръзвы*, *Азовъ*, *свѣтѣль*, *тучныймъ*, звучатъ и въ акающихъ говорахъ *ночи*, *горат*, *месеи* (не вездѣ), *б'одрам* (но, конечно, *Новгородъ=новiарат*, *Бѣмородъ=бѣларат* и т. п.). Только въ избытыхъ «чистò поле» и «синè море» второе слово нерѣдко произносится какъ часть перваго: *пал'а*, *мар'а*, и такъ-же, даже помимо пѣсенъ, «въ тó пору»=*фтýпару* и «нè въ пору»=*нѣфтýпару* по аналогiи соединенiй съ предлогами: *за ноги=занам*, «на воду»=*наваду* и т. д. Сѣверяне, которые говорятъ не только *пòл'о*, *и́рот*, (*б'одра* съ *о* подъ ударенiемъ), но и *пол'а*, *и́рот* (съ *о* въ неударяемомъ слогѣ), *б'одро*, и сверхъ того *сѣрцо* (не только послѣ *ретивò*), легче, нежели другiе Великороссы, могутъ смѣшать второстепенное ритмическое ударенiе на послѣднемъ слогѣ временно энклитическаго слова съ настоящимъ ударенiемъ.

(двойств. *два часа́*). Не отсюда-ли и наше удареніе *пол-часá*? Говорятъ и *пóл-часа*. Древнѣйшимъ должно быть признано второе: «пóль чáса» съ энклизой могло дать только «пóль часà», род. п. «полú часà» и т. д.; ср. *пóлдень* изъ «пóл(ъ)днè», род. *полúдня* или *полúдни* изъ «полúднè» и т. д., *пóлночь* изъ «пóл(ъ)ночì», род. п. *полúночи* изъ «полú ночì» и т. д. Отсюда позволительно заключить, что *полчасá* возникло путемъ усиленія второстепеннаго ударенія на счетъ главнаго вслѣдствіе предположенія, что род. п. отъ слова *часъ* можетъ быть не только *чáса*, но и *часá*, а въ такомъ случаѣ удареніе должно упасть на конечный слогъ всего сочетанія, какъ въ «пол(ъ-в)горá», «пол-третья́» и т. п. Случай перевѣса второстепеннаго ударенія надъ главнымъ мы находимъ въ различныхъ языкахъ, напр. въ ново-греческомъ во всѣхъ *προπαροξύτονα* передъ энклитикой, какъ *τὰ κρίματά μου* = *такримата́му*, въ шведскомъ въ прилагательныхъ на *-lig* съ предшествующимъ другимъ суффиксомъ, какъ *egentlig* = *э́йэнт-ли*, въ нѣмецкомъ *lebéndig*, *wahrháftig* и т. п. Впрочемъ сила энклизы такова, что на ряду съ *полтора́* говорится и *пóлтора* (напр. сутокъ), а въ род. всегда *полúтора*. Нынѣшнія «четверть часá», «три четверти часá» объясняются уже аналогіей. Выше мы видѣли удареніе «зà щекú» вмѣсто «зá щекú», далѣе встрѣтимся и съ удареніями *рѣкú*, *горú* и т. п., въ происхожденіи которыхъ, по всей вѣроятности, замѣшана энклиза, особенно послѣ предлоговъ (зá рѣкú, на горú и т. д.). Предлогамъ, какъ припомнитъ читатель, мы и приписали съ самаго начала значительное участіе въ развитіи энклизы.

Такое дѣйствіе предлоговъ касается только словъ съ подвижнымъ удареніемъ въ тѣсномъ смыслѣ этого выраженія, т. е. такимъ, которыя переносятъ удареніе не въ одной какой-либо формѣ, каково напр. *слезá* — им., вин. и зват. *слéзы*. Отсюда слѣдуетъ, что по распространеніи этой особенности предлоговъ на другія части рѣчи, имѣющія съ ними ту общую черту, что и онѣ входили въ тѣсную связь съ послѣдующими словами, первыми примѣрами энклизы были соединенія, состоящія изъ

часто встрѣчаемыхъ опредѣлений, особенно постоянныхъ эпитетовъ, ударяемыхъ на концѣ, и существительныхъ съ подвижнымъ удареніемъ въ качествѣ опредѣляемыхъ, какъ «синѣ морѣ», «чистó полѣ», «бѣлы́ руки», «бѣлы́ груди», «бѣлу́ снѣгу», «рѣзвы́ ноги», «тучны́ бедра», «ретиво́ сердце», «кру́тъ бере́гъ», «сыру́ землю», «сыру́ дубу́», «быстру́ рѣку́», «люты́мъ звѣремъ», «Новá городá», «таковó словó», въ которыхъ и самое прилагательное является иногда съ несвойственнымъ ему удареніемъ на послѣднемъ слогѣ, быть можетъ, отчасти вслѣдствіе энклизы сравнительно слабо ударяемаго второго слова, подобно «(о)номѣдн» (ср. на́ день, за́ день, два́ дни, третьѣго́ дни): не даромъ-же въ старинныхъ былинахъ очень употребителенъ переносъ ударенія въ «чистó полѣ» и т. п., но не въ такихъ сочетаніяхъ, какъ

У тебя-то есть || да девять братцевъ

въ олонекской старинкѣ у Гильфердинга ст. 120. Съ той-же точки зрѣнія совершенно понятна энклиза въ «ту́ горю́», съ чѣмъ можно сравнить современное *тотчасъ* (при *тотчасъ*, какъ *сейчасъ*). Въ нѣкоторыхъ прилагательныхъ такому переносу ударенія могли, правда, содѣйствовать другіе падежи, напр. «бѣла́ рука́», «сыра́ земля́», «быстра́ рѣка́»; но едва-ли эта аналогія обращала на себя достаточное вниманіе для распространенія такого-же ударенія на другія формы: въ большинствѣ случаевъ или употребляемая въ смыслѣ постоянныхъ эпитетовъ прилагательныя имѣли удареніе неподвижное (кромѣ положенія передъ трохайческимъ существительнымъ) или самыя сочетанія не встрѣчаются въ иномъ видѣ, какъ напр. нѣтъ въ пѣсняхъ ед. ч. «рѣзvá нога». Не забудемъ при этомъ, что число словъ съ подвижнымъ удареніемъ въ древне-русскомъ было, по видимому, гораздо значительнѣе, нежели теперь, чему доказательства найдутся между прочимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи. Само

собою разумѣтся, что опредѣляемая, подчинявшіяся ритмически по особымъ, естественнымъ причинамъ, увлекали за собою другія трохайскія существительныя въ томъ-же положеніи, хотя бы эти особыя причины ихъ не касались.

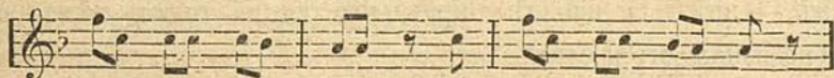
Къ древнѣйшимъ случаямъ энклизы относятся, безъ сомнѣнія, и опредѣляемая тѣсно связанныхъ съ ними приложеній. Можетъ быть, не случайности слѣдуетъ приписывать то обстоятельство, что бѣольшая часть такихъ опредѣляемыхъ состоитъ также изъ словъ съ подвижнымъ удареніемъ: «океанъ-морѣ», «Днѣпръ-рѣкѣ», «трѣсть-древѣ», «Азѣвъ (Пскѣвъ и т. п.) — горѣ», «родъ-племѣ»; но здѣсь энклиза едва-ли нуждалась въ этомъ условіи, почему и нѣтъ основанія для того, чтобы считать соединеніе «осетра-рыбѣ» или даже «Днѣпръ-рѣкѣ» болѣе новыми, чѣмъ «Днѣпръ-рѣкѣ». Въ аппозитивныхъ сочетаніяхъ выступаетъ уже начало логическое: видъ подчиняетъ себѣ родъ, потому что въ каждомъ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о видѣ, а названіе рода прибавляется лишь ради объясненія, какъ болѣе извѣстное по своей распространенности. Это начало, само по себѣ постороннее ритмикѣ, до нашихъ дней при непосредственномъ столкновеніи прозаическаго ударенія логически важнаго слова съ трохайскимъ словомъ меньшей важности сказывается въ томъ, что послѣднее подчиняется предъидущему и терпитъ всѣ послѣдствія энклизы; напр. мы говоримъ:

«Легко было начать, да трудно кончить»,

а при живой интонаціи, какая часто слышится въ народной рѣчи, энклизу можно наблюдать и въ такомъ примѣрѣ, какъ слѣдующій:

«Самъ знаю, что дѣло плохо, да что съ этимъ подѣлаешь?»,

т. е., на сколько можно выразить интерваллы рѣчи нотами,

Для ритмическаго подчиненія трохайческаго слова непосредственно предшествующему ударенію нужно, конечно, еще полное отсутствіе паузы между обоими словами. Послѣднее условіе мы найдемъ во всѣхъ выписанныхъ выше примѣрахъ энклизы, но само собою разумѣется, что особенно точно оно осуществляется въ такихъ выраженіяхъ, какъ «за бѣдѹ сталѸ», «сломи́тъ⁽¹⁾ будѣтъ», «позднѣ́мъ позднѸ», составляющихъ какъ-бы одну логическую и грамматическую единицу. Что касается логическаго преобладанія перваго слова, то и это условіе оказывается соблюденнымъ въ большинствѣ примѣровъ. Для правильной оцѣнки положенія дѣла часто бываетъ необходимо принять въ расчетъ отношеніе даннаго мѣста къ предшествующей части пѣсни; напр. стихъ «Говоритъ дѣвкѸ улыбаючись» находится въ пѣснѣ, которая начинается такъ:

Какъ изъ улицы идетъ молодець,
Изъ другой идетъ красна дѣвица.

Такимъ образомъ здѣсь «дѣвка» по своему значенію въ связи разсказа сводится почти къ служебному слову и легко могло бы быть замѣнено мѣстоименіемъ *она*. Такъ и «по краймъ лодкѸ» встрѣчается уже послѣ стиха

Что гребетъ плыветъ легка лодочка

и другихъ, содержащихъ въ себѣ описаніе этой лодки. Пѣвецъ, особенно эпическій, едва-ли рѣшился бы сказать «въ долину сабля» и «въ ширину сабля», если бы непосредственно передъ этимъ не увѣдомилъ слушателя, что у Михайлы Казарянина

Ко лѣво́й бедрѣ припоясана сабля острая.

И здѣсь было бы понятно «она». Слѣдуетъ обратить вниманіе и на риторическую сторону рѣчи; такъ «въ теремѣ солнцѣ, — мѣсяцѣ, — звѣздѣ» вполне оправдывается не только тѣмъ, что впереди находится стихъ

Хорошо въ теремахъ изукрашено,

но и сильнымъ противоположеніемъ къ первымъ половинамъ тѣхъ-же стиховъ: «На небѣ солнце, — мѣсяцъ, — звѣзды». Такъ-же «Ни *отца* нѣту, ни *матери*» и т. п. Но нельзя спорить противъ того, что напр. въ стихахъ

И сахарнаго куса поѣдено,
У ребяты корокъ отымано

энклизѣ подвергся какъ разъ одинъ изъ членовъ противоположенія. Правда, и для этого случая можно найти извиненіе, именно въ томъ, что дополненіе «у ребяты» представляетъ собою со стороны смысла опредѣленіе къ слову «корокъ», вслѣдствіе чего «у ребяты корокъ» идетъ въ параллель къ «сахарному кусу», а потому и можетъ быть противопоставлено ему какъ одно цѣлое. Однако очень сомнительно, чтобы энклиза была допущена при такихъ условіяхъ въ старинной былинѣ. Вообще должно замѣтить, что, чѣмъ стихотвореніе старше, тѣмъ рѣже въ немъ попадаются случаи энклизы, не принадлежащія къ разрядамъ наиболѣе естественнымъ и, по видимому, древнимъ; мало того: судя по той легкости, съ какой эти менѣе естественныя примѣры устраняются посредствомъ вставки односложныхъ или двусложныхъ лужебныхъ словъ, какъ *ты, онъ, тотъ, тебѣ*, и другими путями, на что были даны кое-гдѣ указанія подъ текстомъ, можно даже думать, что настоящимъ былинамъ въ ихъ первоначальномъ видѣ была свойственна энклиза только разрядовъ 1-го, 2-го и 5-го. Не безъ причины, конечно, болѣе свободное примѣненіе энклизы встрѣчается чаще въ историческихъ пѣсняхъ, относящихся къ событіямъ XVI и XVII в., чѣмъ въ былинахъ богатырскихъ, еще чаще — въ пѣсняхъ лирическихъ, изъ которыхъ многія сложены во времена позднѣйшія, а другія подверглись передѣлкамъ въ прошломъ столѣтіи, какъ видно изъ упоминанія въ нихъ частей западной одежды и другихъ бытовыхъ чертъ XVIII в.

Существительныя.

Отдѣльныя слова.

Удареніе *дѣвица* такъ извѣстно, что не за чѣмъ подтверждать его выписками. Такого ударенія, а не *дѣойца*, и слѣдуетъ ожидать при *дѣва*²⁵): *дѣва*, *дѣвка*, *дѣвица* — такое-же тройкое образованіе, какъ *кѣра* (откуда множ. *кѣры*) — *кѣрка* — *кѣрица*, (*бѣла*) — *бѣлка* — *бѣлица* (откуда *бѣлшій*), *каша* — *кашка* — *кашница*²⁶), *рыба* — *рыбка* — *рыбница*, *книга* — *книжка* —

25) Болг. *дѣва* указываетъ, по видимому, на то-же удареніе, т. е., вѣроятно, на праславянское восходящее на первомъ слогѣ: иначе было бы **дѣва*, какъ *глава*, *гора*, *джа*, *ноя*, *ржа* и т. п., или это удареніе являлось бы, по крайней мѣрѣ, передъ членомъ — **дѣва*-та, какъ *вода*, но *вода*-та. Въ чешскомъ мы ждали бы долготы, но оказывается краткость, какъ при древнемъ нисходящемъ удареніи — *дѣва*, чтѣ впрочемъ, какъ будетъ сказано ниже, можетъ и не противорѣчить показанію болгарскаго и русскаго языковъ. Серб. *дјева* (т. е. *дјева* съ удареніемъ перенесеннымъ съ послѣдующаго слога) само по себѣ едва-ли доказываетъ существованіе формы **дѣва*, изъ которой въ штокавскомъ говорѣ получилось бы **дијева*. Остается предположить, что *дјева* (*дѣва*, *дѣва*) или сокращено изъ *дјевица*, какъ *маја* (= *маја*) при *мајка*, *сѣја* (= *сѣја*) при *сѣстра*, *Мила* (= *Мийла*) при *Милева*, *Милена* или *Милица*, *Рада* (= *Рада*) при *Радава*, *Радајка*, *Радука* или *Радула*, *Цвијета* при *Цвијетана*, гдѣ однако долгое *ь* съ восходящимъ удареніемъ въ видѣ *ије* свидѣтельствуетъ о большей древности или нормальности образованія сравнительно съ *дјева*, или же происходитъ отъ первоначальнаго **дјева*, которое, послѣ того, какъ было вытѣснено изъ обихода уменьшительнымъ *дјевојка* и, отчасти, быть можетъ, однозначащимъ *дјевица*, подверглось передѣлкѣ по аналогіи образованій, подобныхъ *маја*. И тѣмъ не менѣе серб. *дјевица*, хорут. *d(e)visa*, болг. *дѣвица* ведутъ къ юго-славянскому **дѣва*, если только здѣсь не простая аналогія названій женщинъ и самокъ въ родѣ *кряница*, *маѣрица*, *баница*, *ковачица*, *другарина*, *капетаница*, *врабница* и многихъ другихъ, въ томъ числѣ *мајсторница* (хоть и *мајсторница*) отъ *мајстор*, *ѣвдлица* отъ *ѣвд*, *вѣчица* (*волчица*) отъ *вѣк* род. *вѣка*, *голубица* (*голубица*) отъ *голуб*, *лабудница* отъ *лабуд*. Ср. примѣч. 27. Замѣчу кстати, что во избѣжаніе недоразумѣній съ надстрочными знаками сербскія ударенія я буду обозначать такъ (взявъ здѣсь для примѣра гласную *a*): *á*=*â*, *áa*=*ââ*, *â*—*â*=*â*, *aa*—*ââ*=*ââ*, гдѣ точка на слѣдующей за ударяемымъ слогомъ гласной означаетъ мѣсто первоначальнаго ударенія. Чешская долгота, равномѣрная по высотѣ въ обѣихъ частяхъ гласной: *ā* и т. п.

26) *Кашница* (нѣчто среднее между кашей и похлебкой), можетъ быть, не совсѣмъ русское слово, но какое? въ польскомъ его, кажется, нѣтъ.

ка — кнѣжица, трѣбе — трѣйка — трѣица, лѣва — лѣвка — лѣвица, ягода — ягодка — ягодица и т. п.; безъ производнаго на-ка: кожа — кожица. Пѣлица (пѣлка), гѣлица (гѣлка), ѳтица (ѳтка), лѣстовица серб. лѣстовица (лѣстовка малор. лѣстѣвка), чѣица (чѣйка) и т. п. предполагають также болѣе простыя слова съ удареніемъ на корнѣ²⁷⁾. Дѣвица, повидимому, и въ Словѣ о Полку Игоревѣ (считая конечныя ѣ и ъ за полныя гласныя):

Вѣрже Вѣсеславъ || жеребѣй

О дѣвицу || собѣ любу (10 Тих.).

А вѣ соколя оуптаевѣ красною || дѣвицею (12).

Ни нама будетъ || соколя,

Ни нама красны || дѣвицѣ (тамъ-же).

Еще убѣдительнѣе были бы эти примѣры, если бы можно было доказать, что *красна* произносилось тогда въ 4 слога, по крайней мѣрѣ, въ стихахъ. У Кириши *дѣвица* почти вездѣ (несомнѣнно 24, 35, 52 = 52 = 64, 92, 95, 96 дважды, 149, 209 дважды, 210, 211 дважды, 297 дважды, 305, 306 и др.), въ нѣсколькихъ мѣстахъ размѣръ допускаеть то и другое удареніе, *дѣвица* сравнительно рѣдко, а именно:

Подхватываль дѣвицу || за бѣлы ручки (9).

Бросится дѣвица, | испужалася (92).

27) Но *водица*, *косица*, *корица*, *крупница*, *землица*, *лисица*, *сестрица*, малор. *полица*, *травница* отъ *вода*, *коса* и пр. (серб. *водица*, *кѣсица*, *дѣшница*, *нджица*, *рѣчица* и т. п.). Потому *кунница* ведеть къ *кунѣ*, а не *кѣна*, какъ принято произносить, вѣроятно, по множ. *кѣны*. *Душница* *origanum vulgare*, конечно, не отъ *душѣ*, а, вѣроятно, ж. р. къ **душницѣ*, уменьшительному отъ *духъ*. Хотя слово, лежащее въ основѣ поэтическаго у насъ *кошница*, едва-ли оканчивалось на -а, тѣмъ не менѣе позволимъ себѣ здѣсь вопросъ, почему мы говоримъ *кошница*, также *зѣница*: ср. серб. *кѣшница* — малор. *кѣшница*, серб. *зѣница*. Не сходится и въ живомъ языкѣ *погавица* и серб. *погѣвица*, *кобылица* и серб. *кѣбилица*.

Приказаль онъ дѣвицѣ || наряжати (96).

Передъ ними ходитъ || красна дѣвица,

Руская дѣвица || полоняночка (209 дважды).

Я сама дѣвица, || знаю, вѣдаю (тамъ-же)

Не плачь_(,) дѣвица, || душа красная,

Не скорби_(,) дѣвица_(,) || лица бѣлаго (210).

Посадилъ дѣвицу || на добра коня (212).

Сохваталь дѣвицу || за бѣлы ручки (тамъ-же).

Онъ держаль красну дѣвицу || за бѣлы ручки (305 не

въ былинѣ, а въ пѣснѣ «Передъ нашими воротами», но въ ней-же выше:

Сотоптала, столочила || красна[я] дѣвица душа).

Называль красну дѣвицу || животомъ своимъ(тамъ-же).

И проговоритъ дѣвица || душа красная (тамъ-же).

А й ты мной красной дѣвицей || похваляешся (306 въ той-же пѣснѣ).

Какъ онъ бьетъ красну дѣвицу || по бѣлу ея лицу:

Онъ расшибъ у дѣвицы || лице бѣлое,

Проливалъ у дѣвицы || кровь горячую,

Замараль на дѣвицѣ || платьѣ цвѣтное.

Расплатится дѣвица || передъ молодцемъ (тамъ-же)

По правую руку || идутъ сорокъ дѣвицъ (383 «Чю-рилья Игуменья», откуда и остальные примѣры).

Дѣвицы становилися || по крылосамъ (384).

Запѣвали тутъ дѣвицы || стихи верхніе (тамъ-же).

А мѣшаются дѣвицы, || усмѣхаются (тамъ-же).

А и старицы черницы, || души красныя дѣвицы (тамъ-же, съ рямой, невозможной безъ ударенія на среднемъ слогѣ).

Промежу собой, дѣвицы, || усмѣхаетесь (тамъ-же).

Отвѣтъ держать черницы, || души красныя дѣвицы (тамъ-же).

Промежу собой дѣвицы || усмѣхаемся (тамъ-же).

Промежу собой дѣвицы || усмѣхаются (385).

Вѣроятно, такъ и въ остальныхъ пяти стихахъ той-же пѣсни, гдѣ встрѣчается это слово:

Позади ея дѣвиць || и смѣты нѣтъ (383).

Затѣвали тутъ дѣвицы || четью пѣть (384).

Что поють дѣвицы, || мѣшаются (тамъ-же).

А и то поемъ, дѣвицы, || мѣшаемся (тамъ-же).

То поють дѣвицы, || мѣшаются (385), ²⁸⁾

хотя второй изъ этихъ стиховъ былъ бы лучше при удареніи *дѣвицы*. И такъ въ двухъ пѣсняхъ (не былинахъ) удареніе *дѣвица* попадаетъ, по малой мѣрѣ, 19 разъ, но вѣрнѣе — 24 раза (можетъ быть, еще на стр. 373, если вѣрно такое исправленіе:

Ты глупая дѣвица, || [да] неразумная),

а въ былинахъ того-же сборника — 9 разъ (не считая двухъ неясныхъ случаевъ на стр. 342). Это отношеніе само по себѣ поучительно; но оно окажется еще менѣе въ пользу ударенія

28) У К. «То дѣвицы поють»; но ср. два предпоследнихъ примѣра.

на среднемъ слогѣ, если мы обратимъ вниманіе на слѣдующія обстоятельства: 1) первый примѣръ на стр. 209 едва-ли что-нибудь доказываетъ въ виду стиха

$\overset{\circ}{\text{Р}} \overset{\circ}{\text{у}} \overset{\circ}{\text{с}} \overset{\circ}{\text{к}} \overset{\circ}{\text{а}} \quad \overset{\circ}{\text{д}} \overset{\circ}{\text{ѣ}} \overset{\circ}{\text{в}} \overset{\circ}{\text{и}} \overset{\circ}{\text{ц}} \overset{\circ}{\text{у}} \quad || \quad \overset{\circ}{\text{п}} \overset{\circ}{\text{о}} \overset{\circ}{\text{л}} \overset{\circ}{\text{о}} \overset{\circ}{\text{ч}} \overset{\circ}{\text{я}} \overset{\circ}{\text{н}} \overset{\circ}{\text{о}} \overset{\circ}{\text{ч}} \overset{\circ}{\text{к}} \overset{\circ}{\text{у}} \quad (210),$

изъ котораго можно заключить, что и тамъ слѣдуетъ читать «Руска», и тогда въ обѣихъ тѣсно связанныхъ между собою стихахъ будетъ одно и то-же удареніе; 2) въ примѣрахъ на стр. 210 глаголы съ отрицаніемъ могутъ быть отнесены къ анакрузѣ: «Не плачь, дѣвица», «Не скорби, дѣвица», и также «Я сама, дѣвица», «Посадилъ дѣвицу», «Сохваталъ дѣвицу» (или «Схваталъ—»); 3) издревле въ нашей поэзіи на ряду съ *дѣвица* употреблялась форма *дѣвка*²⁹⁾. Во всякомъ случаѣ эпическимъ произношеніемъ надобно признать *дѣвица*. Это-же удареніе господствуетъ и въ чисто народной лирикѣ, гдѣ оно гораздо употребительнѣе, чѣмъ можетъ показаться при разборѣ текстовъ безъ напѣвовъ. Дѣло въ томъ, что, какъ уже было замѣчено, пѣсни въ $\frac{2}{4}$ допускаютъ вольности въ удареніяхъ, почему напр. въ весьма распространенной около Москвы хороводной

29) Нѣкогда и *дѣва*. По поводу предпочтенія той или другой изъ двухъ послѣднихъ формъ позволю себѣ замолвить слово за слоговое значеніе глухихъ гласныхъ въ древне-русскомъ языкѣ или, пожалуй, поэзіи. По смыслу между *дѣвкой* и *дѣвой* въ Словѣ о Полку Игоревѣ не замѣтно никакой разницы; и такъ не было-ли разницы въ числѣ слоговъ? Сравнимъ слѣдующія мѣста:

$\overset{\circ}{\text{И}} \overset{\circ}{\text{р}} \overset{\circ}{\text{о}} \overset{\circ}{\text{с}} \overset{\circ}{\text{с}} \overset{\circ}{\text{у}} \overset{\circ}{\text{ш}} \overset{\circ}{\text{а}} \overset{\circ}{\text{с}} \overset{\circ}{\text{я}} \overset{\circ}{\text{с}} \overset{\circ}{\text{я}} \overset{\circ}{\text{с}} \overset{\circ}{\text{т}} \overset{\circ}{\text{р}} \overset{\circ}{\text{ѣ}} \overset{\circ}{\text{л}} \overset{\circ}{\text{а}} \overset{\circ}{\text{м}} \overset{\circ}{\text{а}} \quad || \quad \overset{\circ}{\text{п}} \overset{\circ}{\text{о}} \overset{\circ}{\text{л}} \overset{\circ}{\text{о}} \overset{\circ}{\text{у}},$
 $\overset{\circ}{\text{П}} \overset{\circ}{\text{о}} \overset{\circ}{\text{м}} \overset{\circ}{\text{ѣ}} \overset{\circ}{\text{ч}} \overset{\circ}{\text{а}} \overset{\circ}{\text{ш}} \overset{\circ}{\text{а}} \overset{\circ}{\text{к}} \overset{\circ}{\text{р}} \overset{\circ}{\text{а}} \overset{\circ}{\text{с}} \overset{\circ}{\text{н}} \overset{\circ}{\text{ь}} \overset{\circ}{\text{н}} \overset{\circ}{\text{ѣ}} \quad || \quad \overset{\circ}{\text{д}} \overset{\circ}{\text{ѣ}} \overset{\circ}{\text{в}} \overset{\circ}{\text{ѣ}} \overset{\circ}{\text{к}} \overset{\circ}{\text{ы}} \quad \overset{\circ}{\text{П}} \overset{\circ}{\text{о}} \overset{\circ}{\text{л}} \overset{\circ}{\text{о}} \overset{\circ}{\text{в}} \overset{\circ}{\text{ѣ}} \overset{\circ}{\text{ц}} \overset{\circ}{\text{к}} \overset{\circ}{\text{ь}} \overset{\circ}{\text{к}} \overset{\circ}{\text{ь}} \overset{\circ}{\text{ѣ}} \quad (3 \text{ Тих.}).$
 $\overset{\circ}{\text{С}} \overset{\circ}{\text{е}} \overset{\circ}{\text{б}} \overset{\circ}{\text{о}} \overset{\circ}{\text{г}} \overset{\circ}{\text{о}} \overset{\circ}{\text{т}} \overset{\circ}{\text{ь}} \overset{\circ}{\text{с}} \overset{\circ}{\text{к}} \overset{\circ}{\text{ь}} \overset{\circ}{\text{к}} \overset{\circ}{\text{ь}} \overset{\circ}{\text{к}} \overset{\circ}{\text{р}} \overset{\circ}{\text{а}} \overset{\circ}{\text{с}} \overset{\circ}{\text{н}} \overset{\circ}{\text{ь}} \overset{\circ}{\text{н}} \overset{\circ}{\text{ѣ}} \quad || \quad \overset{\circ}{\text{д}} \overset{\circ}{\text{ѣ}} \overset{\circ}{\text{в}} \overset{\circ}{\text{ы}}$
 $\overset{\circ}{\text{в}} \overset{\circ}{\text{ѣ}} \overset{\circ}{\text{с}} \overset{\circ}{\text{п}} \overset{\circ}{\text{ѣ}} \overset{\circ}{\text{ш}} \overset{\circ}{\text{а}} \overset{\circ}{\text{н}} \overset{\circ}{\text{а}} \overset{\circ}{\text{б}} \overset{\circ}{\text{е}} \overset{\circ}{\text{р}} \overset{\circ}{\text{ѣ}} \overset{\circ}{\text{з}} \overset{\circ}{\text{ѣ}} \overset{\circ}{\text{с}} \overset{\circ}{\text{н}} \overset{\circ}{\text{е}} \overset{\circ}{\text{м}} \overset{\circ}{\text{у}} \quad || \quad \overset{\circ}{\text{м}} \overset{\circ}{\text{о}} \overset{\circ}{\text{р}} \overset{\circ}{\text{ю}} \quad (7).$

Здѣсь какъ будто рѣшаютъ выборъ окончанія стиховъ, то дактилическое, то трохаическое. Слоговое произношеніе конечныхъ *ѣ* и *ы* передъ согласными въ Словѣ о Полку Игоревѣ едва-ли подлежитъ сомнѣнію, въ чемъ всякому легко убѣдиться. Для церковно-славянскаго языка такое произношеніе вѣхъ *ѣ* и *ы*, въ какой бы части слова они ни находились, фактически доказано проф. А. И. Соболевскимъ въ его изслѣдованіи «Церковно-славянскія стихотворенія конца IX — начала X вѣковъ» (Спб. 1892).

пѣснѣ третій и четвертый стихъ при ритмическомъ анализѣ получаютъ такой видъ:

Онъ кидаетъ, онъ бросаетъ || къ дѣвицѣ въ окошко:

«Ты, дѣвица, догадайся, || радость, домекнися»,

и такъ выйдетъ и въ нотной записи, а при пѣніи посредствомъ незначительнаго (ирраціональнаго) протяженія слога «дѣ-» на счетъ сосѣднихъ слоговъ «ты» и «-ви-» выдвигается то-же удареніе, что въ предъидущемъ стихѣ. Изъ пѣсенъ это удареніе перешло даже въ романсы, написанные будто-бы въ народномъ духѣ, какъ въ пѣкогда знаменитомъ

Ты душа-ль моя, || красна дѣвица

или въ болѣе позднемъ и менѣе искусственномъ

Какъ и шли наши ребята || изъ Нова-города;

Красная дѣвица || на улицѣ была.

Но въ такихъ-же подражаніяхъ или поддѣлкахъ, которыя по-старше и попроще, *дѣвица* попадаетъ сплошь да рядомъ, напр. въ сдѣлавшемся отчасти даже народнымъ

Вечеркомъ красна дѣвица || на село гусей гнала.

Въ наше время *дѣвица* слышится чуть-ли не въ однихъ пѣсняхъ (но часто прилаг. *дѣвичій*), а *дѣвица* въ обиходномъ языкѣ простонародія употребляется очень рѣдко сравнительно съ формами *дѣвка* и *дѣвушка* (послѣднее въ старину только въ смыслѣ служилой дѣвушки, напр. дѣвушка сѣнная, поваренная и т. п., а теперь преимущественно въ значеніи звательнаго падежа при обращеніи одной женщины къ другой, хотя-бы замужней); образованные классы, отбросивъ *дѣвку*, предпочитаютъ *дѣвушку*, но, какъ и простой народъ, сохраняютъ *дѣвицу* въ качествѣ чего-то въ родѣ термина. Народъ говоритъ: «она еще въ дѣвѣнахъ» или «она дѣвица» съ рѣзкимъ противоположеніемъ не только замужней, но и вообще утратившей дѣвство (каковая

можетъ быть и («въ дѣвкахъ») ³⁰⁾; мы, образованные, говоримъ: «пансіонъ для благородныхъ дѣвицъ», а когда хотимъ похвалить благородство характера такъ называемой *jeune personne*, то скажемъ: «какая благородная дѣвушка!»—иначе будетъ пафосъ или насмѣшка. Откуда эта разница? Очевидно, *дѣвица* противоплагалась прежде *дѣвушкѣ* какъ нѣчто болѣе благородное, согласно со стариннымъ значеніемъ слова *дѣвушка*, и какъ болѣе чистое въ нравственномъ отношеніи. Говорится, правда, и «крестьянская дѣвица», но только въ концелярскомъ языкѣ для обозначенія принадлежности даннаго лица къ разряду «незамужнихъ» съ его юридическими особенностями. Такое примѣненіе относится уже къ новѣйшему времени, когда подъ вліяніемъ гуманистическихъ идей прежнее выраженіе «крестьянская дѣвка» нашли неприличнымъ. Раньше, чуть-ли не въ царствованіе Елисаветы Петровны, положившей начало опозтизированію крестьянъ, облагородилось названіе *дѣвушка*, распространившееся предварительна съ дворовыхъ «дѣвушекъ» въ смыслѣ почетнаго прозвища на всѣхъ крестьянскихъ дѣвокъ и, въ извѣстныхъ случаяхъ, даже бабъ, такъ какъ «дѣвушками» въ помѣщичьихъ домахъ служили иногда и замужнія (ср. въ словарѣ Вука: «дјѣвѵка—свака слушкиња, била удата или неудата, удовица или баба од шездесет година» у Дубровничанъ). Судя по *дѣвицѣй*, *дѣвица* также считалась менѣе благородной, чѣмъ *дѣвица*: первая была если не изъ крестьянъ, то во всякомъ случаѣ изъ большинства, изъ толпы, а вторая—изъ какого-то особеннаго, исключительнаго и притомъ строгаго круга. Невольно вспомнишь «Чюрилью игуменью» и въ ней риѳмованный стихъ

А и старицы-черницы, души красныя дѣвицы.

Черница правильно отъ *чернѣцъ*; въ той-же обстановкѣ *бѣлица* (отъ *бѣлѣцъ*) и *чтица*, отчасти *пѣвица* (отъ *пѣвѣцъ*), *вдовица* (отъ

30) Въ пословицахъ (у Даля): «Въ клѣткахъ птицы, а въ теремахъ дѣвицы», «Не смѣйся, братецъ, чужой сестрицѣ: своя въ дѣвицахъ», «По дѣвицѣ и тряпѣца».

вдова) и одинъ изъ идеаловъ дѣвицы — *голубица* (отъ *голубь* мн. род. *голубій*, дат. *голубѣмъ* и т. д. и, можетъ быть, ед. мѣстн. *голубій*). Играла-ли какую-нибудь роль въ этомъ переходѣ ударенія польское *dziewica*, соотвѣтствующее нашему *дѣва*, напр. *Bogarodzica dziewica*, что мыслимо для того времени, когда южно-русское ученое духовенство вошло въ силу на Сѣверѣ, предоставляю рѣшить знатокамъ литературы XVII вѣка, какъ никоніанской, такъ и раскольниковъ. Но впредь до появленія какихъ либо новыхъ данныхъ вѣрнѣе приписывать въ этомъ случаѣ вліяніе юго-славянскому ударенію, которое могло быть извѣстно у насъ именно въ монастыряхъ (ср. примѣч. 25).

Точно такъ-же *тѣмница* (отъ *тѣмный*, но всегда съ *e*, а не *ѣ*):

Мѣсто темной || темницы (261 = 263).

Стоить (туть) темная || темница (310).³¹⁾

И во той было темной || темницѣ (тамъ-же).

Что во той (во) темной || темницѣ (311).

Мимо той да темной || темницы (тамъ-же).

А вы згаркайте || изъ темницы (тамъ-же).

И по разнымъ темнымъ || темницамъ (312).

Сидючи во темной || темницѣ (С. 225, 3).³²⁾

Добрый молодець || сидитъ во темницѣ (С. 228, 13).

31) Едва-ли «Туть» стоять», потому что въ этой пѣснѣ всѣ стихи начинаются съ анакрузы кромѣ

Либо казнить, || либо на волю пустить (311),

гдѣ и по смыслу не излишне было бы «А» въ началѣ: предшествуетъ

Прикажи ты меня || поить, кормить.

32) Вѣроятно, такъ-же и ниже въ этой пѣснѣ:

Во темницѣ головушку || свою положить.

Впрочемъ размѣръ здѣсь чуть-ли не $\frac{2}{4}$, что въ данномъ случаѣ безразлично.

Что во той ли ³³⁾ темной || темницѣ (С. 231, 22).

Какъ была тутъ темна темница (С. 137, 4) ³⁴⁾

И теперъ поется въ арестантской пѣснѣ:

Въ темной темницѣ, || въ заключеньницѣ ³⁵⁾

Онъ не годъ живетъ || и не два года,

А живетъ, живетъ || ровно двадцать лѣтъ.

Загадка (морковь):

Въ темной темницѣ || сидитъ дѣвица, || хвостъ на
улицѣ.

Но въ позднѣйшей пѣснѣ, обнаруживающей вліяніе книжныхъ образцовъ:

Въ темницѣ несносной разбойничекъ сидѣлъ (Мельгуновъ вып. I № 18).

Свѣтлица (отъ *свѣтлый*):

Какъ во свѣтлой во свѣтлицѣ,

Во столовой новой горницѣ (С. 197, 2).

Ахъ ты, свѣтъ моя свѣтлая свѣтлица,

Ахъ ты, свѣтъ-ли моя столовая горница,

Во сыромъ-то бору свѣтлица рублена (С. 198, 4).

На прекрасномъ мѣстѣ свѣтлица ставлена (тамъ-же) ³⁶⁾.

33) Такъ, можетъ быть, слѣдуетъ пополнить и приведенный выше стихъ изъ Кириши, стр. 311.

34) «Какъ тутъ была» С., что нарушаетъ размѣръ этой пѣсни (2/4). Ср. выше примѣръ изъ Кириши стр. 310 и при немъ примѣчаніе 31.

35) По недоразумѣнію вмѣсто «заключеньницѣ»; ср. ниже въ текстѣ.

36) За вѣрность ритмическаго разбора этой пѣсни не ручаюсь, но удареніе *свѣтлица* во всякомъ случаѣ здѣсь несомнѣнно.

мѣице (236), можно отмѣтить *змѣице* (отъ змѣй род. змѣя, а не отъ змѣя):

Нашелъ во палатахъ || у змѣица (149),

а потому и

А и гой еси, змѣице || Горынчице (147).

У лютаго змѣица || Горынчица (149).

Говорять и *сажень* и *сажѣнь*; у Кирши послѣднее:

Въ вышину три сажени || печатныя (171=177).

По размѣру возможно было бы и *сажени*, но такой ритмъ не обыченъ и поэтому мало вѣроятенъ, особенно въ повторяющемся стихѣ. Отсюда слѣдуетъ, что не нужно предполагать вліяніе энклизы въ стихахъ, какъ такой:

А мѣрой ⁴⁰⁾ тотъ Татаринъ || трехъ сажень (244),

и ради нея усѣкать прилагательное въ стихѣ

Промежъ плечами || косая сажень (тамъ-же).

Впрочемъ, скажемъ-ли мы въ род. мн. *сажень* или *сажѣнь* (говорять и *сажѣнѣ*), эти формы восходятъ не къ *сажень* съ тѣмъ или другимъ удареніемъ, откуда род. мн. *саженѣй*, а къ **сажня* или **сажнѣя*, какъ *пашня* или *пашнѣя*, о которомъ ниже.

Музыка съ удареніемъ на среднемъ слогѣ:

Тутъ въ теремѣ || музыка гремитъ (8).

Это удареніе, общее съ мало-русскимъ, перешедшее съ намъ вмѣстѣ со словомъ въ XVII в., если еще не въ XVI, отъ Поляковъ, было въ исключительномъ употребленіи очень долго; такъ еще у Лермонтова:

Гудитъ музыка полковая (Валерикъ).

Но въ такое позднее время это можетъ быть лишь отголоскомъ литературнаго преданія. Нынѣшнее *музыка* должно было

40) Мѣрою К.

все болѣе проникать въ нашъ обиходъ съ усиленіемъ вліянія итальянскихъ и нѣмецкихъ музыкантовъ, называвшихъ свое искусство *la música, die Musik*. Сами нѣмцы говорили прежде *Musik*, подражая французамъ, а потомъ переставили удареніе также по примѣру Итальянцевъ, но, вѣроятно, не безъ содѣйствія латыни.

Существительныя отглагольныя на *-нѣ*, содержація въ себѣ не менѣе трехъ слоговъ, имѣютъ удареніе обыкновенно на корнѣ:

То старина, || то и дѣянье (30, 194, 225, 241, 251,
283, 366, А и то — 101).

Синему морю || на утѣшенъе (30, читай «утишенъе»,
какъ 283: Какъ бы синему —).

А добрымъ людямъ || на послушанъе (30, Какъ бы
добрымъ — 283).

Веселымъ молодцамъ || на потѣшенъе (30, Еще намъ
веселымъ — 283).

Молодымъ молодцамъ || на перениманъе (283).

Быть тебѣ молодцу || въ пойманьи (377).

На постриженъе ты дай мнѣ || пятьдесятъ рублей (306).

На радость (мнѣ) || да на сбереженъе (С. 164, 236)³⁸.

Примѣръ съ болѣе или менѣе опредѣленной датой представляетъ пѣсня на постриженъе царицы Евдокіи, извѣстная уже при Петрѣ II (см. «Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ» вып. 9 Дополненія, стр. ХLI):

На постриженъе || дамъ сто рублей.

38) У Сахарова «мнѣ» въ предшествующемъ стихѣ, гдѣ размѣръ его не требуется.

Такимъ-же образомъ въ духовныхъ стихахъ *спасенье* (малорусское *спасіння*, но серб. *спасѣње*), въ сѣверныхъ говорахъ *молоченье*, *гданье*, *встанье* (Извѣстія I, стр. 342, 345 и 560). Общеизвѣстная поговорка «не мытьёмъ, такъ катаньемъ». Тѣмъ страннѣе *жалованье* въ стихѣ былины о Чурилѣ:

$\begin{array}{cccccccc} \cup & \cup \\ \text{А отъ васъ, Осударь, || жалованья нѣтъ} & (156, \\ & \text{Отъ васъ, Государь} & \text{—} & 157), \end{array}$

хотя въ былинѣ о Щелканѣ, составленной впрочемъ въ стихахъ не одинаковаго числа тактовъ, и притомъ $\frac{2}{4}$,

$\begin{array}{cccccccc} \cup & \cup \\ \text{Царское жалованье} & (33). \end{array}$

Однако возможно, что въ первомъ случаѣ это слово значить не даръ высшаго низшему, какъ во второмъ, и не плату за службу, а сожалѣніе, участіе въ судьбѣ другого, пособіе. Въ двусложныхъ этого образованія народъ, какъ извѣстно, ставить удареніе на концѣ, напр. *пльнѣ*, *тканьѣ*, *браньѣ*, какъ впрочемъ изрѣдка и во многосложныхъ, напр. *Пропловенѣ* или *Перьпльнѣ* (съ чѣмъ-то въ родѣ слогового *л*) вмѣсто *Преполовѣніе*, *Введенѣ* вмѣсто *Введеніе* (но *Устрѣтенѣ*, *Услѣнѣ*, *госѣнѣ*)³⁹⁾. То-же правило соблюдается и въ отглагольныхъ словахъ на *-тьѣ*: *кѣлотьѣ*, но *житьѣ*, *бытьѣ*, *питьѣ* (откуда книжное удареніе *житіѣ*, *бытіѣ*, *питіѣ* вмѣсто *житіе*, *бытіе*, *питіе*), *шитьѣ*, *мытьѣ*, *птьѣ*⁴⁰⁾, напр.

$\begin{array}{cccccccc} \cup & \cup \\ \text{Отдавала птью учить || церковному} & (73), \end{array}$

и также сложное *забытьѣ*. *Челобитьѣ*, какъ сложенное не съ предлогомъ, однако, если не ошибаюсь, не только *рукобитьѣ*, но

39) Серб. *тжаѣ* и т. п., но *ѣраѣ*, *лавѣ* и др., иногда колебаніе: *ѣмаѣ* (какъ и слѣдуетъ въ 3-сложномъ) или *имаѣ*; *саздаѣ*, *постайѣ* и др. сложныя, какъ простыя (ср. Даничѣ, Основе стр. 81). Иначе у Чакавцевъ (см. напр. А. А. Шахматова «Юрій Крижаничъ о сербско-хорватскомъ удареніи» стр. 6 и 47).

40) Серб. *бийѣ*, *жидѣ* и т. п. также, вѣроятно, подъ влияніемъ стяженія.

и *рукобѣтъѣ*. Во множ. ч. удареніе отступаетъ назадъ, какъ въ *пятно—пѣтна* и т. п.:

А пѣтъя все || заморскія (188).

И нечестно Тугаринъ || пѣтъя пѣтъ (тамъ-же).

Въ другихъ мѣстахъ у Кириши такое удареніе, по малой мѣрѣ, допускается стихомъ (26, 28, 29, 62, 161, 188 и др.) кромѣ уже приведеннаго

Понесли пѣтъя || медвяныя (231),

что объясняется энклизой, если въ первоначальномъ изводѣ не было и здѣсь «Носили», какъ обыкновенно. Удареніе множественнаго переносится иногда на единственное, или, можетъ быть, единственное число сохраняетъ то удареніе, которое оно имѣло до стяженія:

Послѣ нашего царьскаго || жѣтъя (Рич. Джемсъ 3 и 4).

Неясно

И пропѣли пѣтъе вѣчное (К. 292),

но почти несомнѣнно, судя по положенію слова *тебя* въ обоихъ стихахъ передъ знаменательной частью рѣчи:

А погребѣ тебѣ злата, || серебра,

Второе тебѣ пѣтъя || разнаго (335).

Можетъ быть, съ переносомъ ударенія во мн. ч.

Понесли ѣства || сахарныя (188),

если это не энклиза. То-же удареніе возможно и въ стихѣ

Носили яства || сахарныя (26).

Впрочемъ здѣсь мы уже коснулись отдѣла словъ съ подвижнымъ удареніемъ, о которомъ рѣчь впереди.

Недугъ нѣкоторые произносятъ съ удареніемъ на первомъ слогѣ, другіе, и, кажется, большинство, — на послѣднемъ. Такъ и въ «Гостѣ Терентищѣ»:

Расходился недугъ въ головѣ (14 и 16).

А кто бы-де недугамъ пособилъ,

Кто недуги бы прочь отгонилъ (16).

А недугъ-отъ пошевеливается (21).

А недугъ-отъ не путемъ въ окошко скочилъ (тамъ-же).

Онъ оставилъ (,) недужище (тамъ-же).

Помочь:

Что кому будетъ Божья помочь (42=43).

Такое удареніе вмѣсто первоначальнаго и обычнаго *помочь* (серб. *помоћ*) развилось, вѣроятно, путемъ энклизы; сравни

А и дай мнѣ силы || на подмочь (277).

Какъ просить силы || на подмочь (278).

Должно замѣтить, что этотъ примѣръ ударенія *помочь* заимствованъ изъ пѣсни о Матрюкѣ Темрюковичѣ, по всей вѣроятности, московской.

Ворота, по сѣверному, съ удареніемъ на второмъ о:

Ворота (sic) у города || желѣзные (51).⁴¹⁾

Первые [у него] ворота || вальщатые,

Другіе ворота || хрустальные,

Третьи ворота || оловянные (159—160).

Отворяетъ ворота || вальщатые (160).

Простымъ людямъ ворота || оловянные (тамъ-же).

Только онъ въ ворота || выѣхалъ (257).

Передъ нашими широкими || воротами (305).

У крестьянина ворота || крѣпко заперты (411).

41) *Ворота* отмѣчено въ Шуйскомъ у Влад. губ. (Извѣстія I, 551), *ворота* въ Новгородскомъ у. (тамъ-же 554).

Впрочемъ въ примѣрахъ 1-мъ, 3-мъ, 4-мъ и 5-мъ возможно было бы и удареніе на концѣ. Въ испорченномъ стихѣ

Какъ молодецъ за ворота выѣхалъ (216),

такъ какъ слово *молодецъ* въ былинахъ имѣетъ удареніе обыкновенно на первомъ слогѣ, слѣдуетъ, вѣроятно, вмѣсто *за* читать *съ*; во всякомъ случаѣ удареніе *ворота* здѣсь ясно. Потому странно въ новгородской былинѣ о Васильѣ Буслаевѣ:

Убьютъ его (,) || за ворота бросятъ (76).

По крайней мѣрѣ, иначе пришлось бы допустить удареніе *бросятъ* (помимо энклизы), что едва-ли возможно. Впрочемъ и въ пѣснѣ о «Гостѣ Терентьищѣ», также новгородской, остается или читать

Ворота были вальщатя,

причемъ сохраняется размѣръ этой пѣсни (съ тремя удареніями) или, читая

Ворота были || вальщатя,

признать въ этомъ стихѣ эпическій размѣръ (о 4 удареніяхъ), какъ въ примѣрѣ, приведенномъ выше подъ словомъ «недугъ», если только первоначальная редакція этого мѣста не была приблизительно такова:

А недуго-тъ не путемъ скочилъ

Онъ въ окошечко косящатое.

Въ пѣсняхъ средней и южной Россіи *ворота*—произношеніе обыкновенное, напр.

Выходила молода || за новыя ворота

въ пѣснѣ, средне-русское происхожденіе которой явствуетъ изъ двоякаго ударенія, сѣвернаго и южнаго, въ стихахъ

Ты лети, лети, соколъ, || высоко и далеко,

И высоко и далеко, || на родиму сторону.

Ворота предполагаетъ ёд. ч. **воротó*, какъ *рѣшетó* при *рѣшетá*, а *воротá*, серб. *врайтá* и чеш. *vrata*—ед. *вóрото*, какъ *облако* при *облакá*; въ малорусскомъ удареніе, по видимому, подвижное: *ворóта*, *ворít*, *воротáм*. Впрочемъ къ этому вопросу мы еще возвратимся, когда дойдемъ до существительныхъ среднего рода съ подвижнымъ удареніемъ.

При помощи пѣсенъ можно установить удареніе словъ, незнакомыхъ большей части Русскихъ изъ живой рѣчи. Такъ въ сборникѣ Кирши:

По протокѣ по Ахтубѣ (107=112).

На протокѣ на Ахтубѣ (109=114=121).

На старой на Канакжѣ (414).

На старую Канакжу (416).

Потому и

Неразумные Канакжане (417 дважды)

Особое положеніе занимаютъ слова, образованныя посредствомъ наставокъ *-(ь)ба* и *-(ь)ня*, такъ какъ въ нихъ переносъ ударенія связанъ, по видимому, со склоненіемъ. Потому съ ними мы переходимъ къ отдѣлу, который озаглавимъ

Существительныя съ подвижнымъ удареніемъ.

Женскій родъ.

Слово *жалоба* является не только съ удареніемъ на первомъ слогѣ, напр.

Они жалобу приносили (35).

Доносили они жалобу || великую (254)

и, вѣроятно,

Пошла-то жалоба || великая (73),

но также на послѣднемъ:

Приносили жалобу || они великую (74).

Бьютъ челомъ, || жалобу творять (156=157=158).

То и другое удареніе возможно въ стихахъ

Жалобу приносить || матера вдова,
(Матера вдова) Авдотья || Блудова жена,
Жалобу приносить || своему сыну (150).

Правда, на стр. 74 легко возстановить обыкновенное удареніе путемъ постановки слова *жалобу* послѣ *они*, но въ слѣдующемъ за этимъ примѣрѣ удареніе *жалобу́* несомнѣнно, а свидѣтельство этого стиха имѣеть особенную важность, такъ какъ онъ, очевидно, представляетъ собою формулу; впрочемъ въ лиричѣ это выраженіе является съ инымъ удареніемъ:

Жалобу творить || кукушечка (С. 202, 2),

а потому, конечно, и

Жалобу творить || красна дѣвица

въ той-же пѣснѣ. Обратное явленіе встрѣчаемъ въ словѣ *жу́рьба*:

Жу́рьба Васькѣ || не взлюбилася (74).

Удареніе на концѣ было бы возможно лишь подъ условіемъ энклизы слѣдующаго слова, но собственные имена, по крайней мѣрѣ, трохаическія, энклизѣ не подвергаются. Къ тому-же есть аналогіи, которыми легко оправдать удареніе *жу́рьба*, напр. у Державина, котораго нарѣчіе приближается къ сѣверному, «Приглашеніе къ обѣду» (строфа 2):

Безъ рѣзбы, злата и сребра.

Вообще удареніе словъ на *-ба* колеблется: мы говоримъ съ одной стороны *жу́рьба, рѣзба, судьба, борьба, ходьба, моляба, гонь-*

ба, стрѣльба, улыба, молотба, похвальба, косьба, худоба и т. п.⁴²⁾, съ другой — *служба, дружба, тяжба, свадьба, жалоба, злоба* (малор. *хвороба, худоба* и др.). Однако Сербы говорятъ не только *бѣрба, модба, кѣрба* (съ перенесеннымъ удареніемъ), но точно такъ же *служба, дружба, злоба*, что въ виду преобладанія ударенія на *-ба* и въ русскомъ языкѣ заставляетъ подозрѣвать, что нѣкогда таково-же было въ немъ удареніе и тѣхъ словъ этой категоріи, которыя теперь произносятся съ удареніемъ на корнѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ осложненія суффикса, какъ *женитба* — серб. *жѣнитба* — болг. *женитба*, серб. *кѣситба* — болг. *коситба*, серб. *рѣзитба* и т. п.

Можетъ быть, и въ упомянутомъ выше (стр. 467) словѣ *пашня* привычное намъ удареніе на первомъ слогѣ новѣе того, которое мы, по всей вѣроятности, встрѣчаемъ въ стихѣ

И пріѣхали они || на пашню къ нему (28).

Такъ произносится это слово кое-гдѣ на Сѣверѣ, гдѣ говорятъ и *колокольня* вмѣсто нашего *колокольна* (Изв. I, стр...). Здѣсь колебаніе въ постановкѣ ударенія можетъ быть обусловлено отчасти смысломъ согласно съ тѣмъ, какъ мы будемъ понимать это производное отъ глагола *пахать* — въ значеніи мѣста или объекта дѣйствія или-же самаго дѣйствія. Въ первомъ случаѣ являются аналогіи въ словахъ *сплѣтня, бѣйна, сѣбдня, лѣзня* и произве-

42) Можетъ быть, сюда относится *урба*, хотя происхожденіе этого слова неясно; ср. впрочемъ серб. *журба* «давка, толкотня» при *журуити се* «спѣшить», которое можетъ относиться къ нашему *ур-ьба*, какъ *geug-* къ *goug-*. Изъ параллелей, приведенныхъ въ «Сравнительномъ этимологическомъ словарѣ русскаго языка» Н. В. Горяева, отмѣтимъ «областное» *урма*, которое, повидимому, подтверждаетъ дѣленіе *ур-ьба*. Остальныя сближенія сомнительны. Вообще эта книга, составленная вполне добросовѣстно и безспорно полезная, значительно выиграла бы, если бы авторъ относился съ большей критикой къ своимъ источникамъ. Впрочемъ необходимо прибавить, что зато его нельзя упрекнуть въ отсутствіи критики при выборѣ источниковъ. Во всякомъ случаѣ словарь г. Горяева составляетъ значительный шагъ впередъ сравнительно со всѣми предшествующими попытками этого рода, почему было бы желательнотыбы наши лингвисты обратили вниманіе на это сочиненіе.

денныя не прямо отъ корня *бáсна*, *пѣсна*, *кúзня*, *швáльня*, *спáльня* и т. п., во второмъ — *рѣзнá*, *крызнá*, *вознá*, *стряпнá* и произведенныя отъ отглагольныхъ существительныхъ (иногда неупотребительныхъ самостоятельно) *топотнá*, *толкотнá*, *пискотнá*, *руютнá*, *трескотнá* (какъ серб. *вѣжнá*, *грѣжнá*, *врѣднá*, *жеѣжнá*, *суѣднá*, *тлаѣпнá* и т. п.—см. Даничић, Основе, стр. 202 и 203, гдѣ впрочемъ смѣшаны различныя образованія). Къ тому же эти двѣ категоріи часто сливаются, напр. въ словѣ *стряпнá*, которое означаетъ и дѣйствіе и его предметъ. Въ звуковыхъ аналогіяхъ въ пользу того и другого ударенія, какъ *бáшня* — *квашнá*, также не было недостатка. Но всѣ эти факты объясняютъ лишь то, почему въ словѣ *пашня* во всѣхъ его формахъ утвердилось двойное удареніе; что же касается причины самой двойственности мѣста ударенія, то на нее указываетъ съ одной стороны сербскій языкъ, свидѣтельствующій объ удареніи на наставкѣ *-(ъ)нá*, съ другой — удареніе такихъ словъ, какъ *водá*, *душá*, въ вин. ед. *вѣду*, *дѣшу*, въ им. мн. *вѣды*, *дѣши* (серб. *вѣдá*, *душá* — *вѣду*, *дѣшу* — *вѣде*, *дѣше*), или такихъ, какъ *слезá*, *стрѣлá*, въ вин. ед. *слезú*, *стрѣлú*, но въ им. мн. *слѣзы*, *стрѣлы* (серб. *сúза*, *стријелá* — *сúзу*, *стријелú* — *сúзе*, *стријеле*). Последнее вѣроятно же, судя по слову *головнá*, въ вин. *головнó*, въ им. мн. *íловни*. И такъ *пашнá*, род. *пашинí* и т. д. по всѣмъ падежамъ ед. ч., вѣроятно, древнѣе, чѣмъ *пáшня*, но им. и вин. мн. искони звучали *пáшни*, род. *пáшенъ*. Однако сомнительно, чтобы удареніе удерживалось на томъ-же слогѣ въ остальныхъ падежахъ мн. ч.: уже аналогія склоненія того-же слова *головня* заставляетъ ожидать *пашнáмъ*, *пашнáми*, *пашнáхъ*, какъ и говорятъ во многихъ мѣстностяхъ, образуя притомъ род. пад., именно ради удержанія ударенія на послѣднемъ слогѣ, метапластически (по аналогіи словъ на *-ъ*): *пашнѣй*, какъ *свѣчѣй* вмѣсто *свѣчъ* отъ *свѣчá* при мн. *свѣчи*, дат. *свѣчáмъ* и т. д. Примѣръ такого ударенія въ косвенныхъ падежахъ мн. ч. при им. мн. съ удареніемъ на первомъ слогѣ есть и у Кирши, — можетъ быть, въ собственномъ его произведеніи:

Стихъ по стиху || на дровняхъ волокутъ (изъ «Стать почитать» въ предисл. Калайдовича стр. XXXII)

при имен. *дрѣвни*. До какой степени различна можетъ быть судьба такихъ образованій, показывають съ одной стороны мн. ч. отъ *простыня́* (на югѣ *прѣстыня*) со всѣми тремя возможными удареніями, чтò впрочемъ отчасти зависитъ отъ того, что оно сложное, съ другой—мн. ч. отъ *дерѣвня* въ стихѣ

Идти селами || и деревнями (227),

съ чѣмъ можно сравнить род. *дерѣвенъ* въ Вытегорскомъ у., Олонецкой губ. (Извѣстія I, 568).

Такимъ-же образомъ и слово *жалоба* произносилось, вѣроятно, съ двоякимъ удареніемъ, и по той-же причинѣ, т. е. потому, что нѣкогда ударенія въ немъ распредѣлялись такъ: ед. им. *жалобá*, вин. *жа́лобу*, мн. им. *жа́лобы*. Такъ-же *рѣзба́* и т. п. Во косвенныхъ падежахъ мн. ч. удареніе было не таково, какъ въ им., а *жа́лобъ*, *жа́лобамъ* и пр., какъ род. *сторонъ*, *полосъ*, *головъ*, *слободъ*, дат. *сторонамъ* и т. д. (серб. род. *страйнаа*, дат. *страйнама*). Такъ отчасти и до сихъ поръ въ словѣ *судьба́*—мн. *судьбы*, *судѣбъ*, *судьбамъ*, *судьбами*, напр. въ выраженіи, употребляемомъ при встрѣчѣ съ лицомъ, которое мы не ожидали видѣть въ данномъ мѣстѣ: «Какими судьбамі?» хотя въ искусственной рѣчи можно услышать во множ. и *судьбы*, *судьбамъ*.

Если эти соображенія вѣрны, въ нашемъ *жалоба* удареніе перенесено изъ падежей, имѣвшихъ его на первомъ слогѣ, чему способствовало частое употребленіе выражений въ родѣ *приносить жалобу* или *жалобы*. Такое перенесеніе удареній нѣкоторыхъ флексивныхъ формъ на остальные въ видахъ однообразной постановки ударенія по всей парадигмѣ встрѣчается и у насъ и у Сербовъ, у которыхъ напр. *сова́* и *леса́* звучитъ *сова*, *леса*, а *кора́*, закрѣпившее, по видимому, и въ русскомъ языкѣ свое удареніе, подверглось той-же участи въ сербскомъ по противоположной аналогіи—*кѡра*, какъ у насъ *вѣрба*, которое въ нѣко-

торыхъ какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ говорахъ и въ мало-русскомъ еще не утратило подвижности ударенія: ед. *верба́*, мн. *вѣрбы*, дат. *верба́мъ* (такъ, по крайней мѣрѣ, на Югѣ); зато по-сербски *врѣба* съ одинаковымъ удареніемъ во всѣхъ формахъ (конечно, за исключеніемъ зват. пад. обоихъ чиселъ, по общему правилу). Сербскому *муха́* со мн. *мухе* соотвѣтствуетъ въ русскомъ языкѣ *му́ха* съ неизмѣннымъ удареніемъ, хотя протяженіе въ чешскомъ *mušcha* (съ уменьш. *muška*) доказываетъ, по видимому, первоначальность ударенія *муха́* (но им. мн. *мухи* и, можетъ быть, вин. ед. *мухѣ*). *Мѣна* произносится обыкновенно съ удареніемъ на первомъ слогѣ, однако иногда и на послѣднемъ, и въ пользу ударенія на концѣ свидѣтельствуется серб. *мијѣна* «молодой мѣсяць», а за вин. ед. *мѣну* (такъ какъ множественнаго числа у этого слова, вѣроятно, не было) говоритъ чеш. *měna*, гдѣ краткость первой гласной едва-ли можно объяснить иначе, нежели нисходящимъ удареніемъ этого слога (см. изслѣдованіе Ф. Ф. Фортунатова въ Archiv für slav. Philol. IV). Сверхъ того ср. мѣ-на́ отъ корня *mi-* въ *ἄ-μεί-βω* и др. — цѣ-на́ = *ποι-νή* = зенд. *kaē-nā* отъ *qi-* въ *τί-ω*, *τι-μή* — лу-на́ = *luna* изъ *louk-s-nā* отъ *louk-*, *luk-* въ *луч* и др. — *стор-на́ (црк. *страна*, русск. *сторона́* и т. д.) отъ *ster-* въ *sterno*, *στορέννυμι* и пр. — вѣл-на́ отъ *vel-*, *veg-* покрывать и т. д. Что въ словѣ *толма́* удареніе было нѣкогда подвижно, можно заключить изъ чеш. *tlupa* (отъ вин. *tlupu* = *тѣлпу) въ противоположность къ *louka* = малор. *лукá* «лугъ». Рѣзко бросается въ глаза переносъ ударенія и закрѣпленіе его на первомъ слогѣ въ нѣкоторыхъ сербскихъ заимствованіяхъ съ турецкаго, напр. *каавиа*, *сѳфра* (или *сѳера*, *сѳпра*), *хѣла*, очевидно, вмѣсто **каавіа* (изъ **кавіа*), **сѳфра́*, **хѣла́* при мн. **каавие* **сѳфре*, **хѣле*, род. *каавиаа*, *хѣлаа* и т. д.; ср. *пара́* (тур. *пара́* мелкая монета), мн. *паре*, род. *парааа* и т. п., между прочимъ и ставшее у Сербовъ 3-сложнымъ *пана́ча* род. мн. *панууаа* (тур. *панѣш* или *панѣчи*). Въ этихъ заимствованіяхъ встрѣчаются и такіе дублеты, какъ наши *пашня́* и *пашня́*, но, кажется, въ обоихъ случаяхъ съ удареніемъ неподвижнымъ, напр. *то́рба* въ соотвѣт-

ствіе съ тур. *торба*, оставшимся безъ измѣненія у Болгарь, но и *тѳрба*, какъ у насъ, употреблявшихъ это слова первоначально, можетъ быть, только въ видѣ мн. *тѳрбы* (т. е. хуржумы, саквы, переметныя сумы). Нѣкогда удареніе такихъ словъ въ сербскомъ языкѣ было еще подвижнѣе, такъ какъ они склонялись, по крайней мѣрѣ, отчасти по парадигмѣ *вода*, *душа*. Остатокъ такого склоненія представляетъ собою выраженіе *на јагму* = на расхватъ или, по простонародному, на шарапъ, гдѣ удареніе на предлогѣ предполагаетъ вин. *јагму* при употребительномъ и теперь имен. *јагма*. Только предположивъ такое склоненіе, мы поймемъ удареніе въ *настрма* (тур. *настрма*), которое во множ. неупотребительно. Вѣроятно, такъ-же объясняется и *саганлија* вмѣсто ожидаемаго *саганлија* (вѣроятно, тур. *собанли* собств. «луковый»), въ которомъ прибавленное Сербами *-а* какимъ-то образомъ не принимается въ расчетъ, какъ будто бы удареніе стояло на послѣднемъ слогѣ, какъ въ турецкомъ первообразѣ, что мы уже видѣли въ словѣ *панѳча*. Колебанія между новымъ и старымъ удареніемъ надежей, имѣвшихъ первоначально удареніе на первомъ слогѣ, замѣчаются до сихъ поръ, напр. *ваши* (или *вандриша*) «отодранный лоскутъ кожи» — вин. *вашу*, но и *вашу*, хотя возможно, что послѣднее удареніе вызвано аналогіей, такъ какъ *ваши*, по видимому, сокращено изъ *вандриша*. У насъ полную параллель къ исторіи словъ какъ *јагма* и *настрма* представляетъ слово *денга* (отъ тат. діалект. **дэнга* при *тэнка*) — вин. ед. *дэнгу*, но и *денгу*, мн. им. *дэнги*, род. *дэнгъ*, дат. *дэнгамъ* или, на Югѣ, *дэнгамъ* и т. д., а кое-гдѣ на Сѣверѣ уже и въ им. ед. *дэнга* (Извѣстія I, 340 и 560).

Вообще категорія «слеза—слезу—слѣзы», вѣроятно, обогатилась съ теченіемъ времени на счетъ категоріи «вода—воду—вѳды» (конечно, въ отдѣльныхъ языкахъ, по уничтоженіи качественного различія между удареніями обѣихъ категорій, сказавшемся въ энклізѣ и ея отсутствіи — «на вѳды», по «на слѣзы»). Такъ напр. вин. ед. отъ *грѳда* едва-ли кто, по крайней мѣрѣ, изъ насъ, говорящихъ литературнымъ языкомъ, произнесетъ съ уда-

рениемъ на первомъ слогѣ, а по-сербски отъ *крѣдѣ* не только им. мн. *крѣде*, но и вин. ед. *крѣду* сохраняетъ нисходящее, т. е. древнее, удареніе въ началѣ. Мы говоримъ не только *траву*, но и *траву* (откуда *на траву*), хотя трудно рѣшить, что древнѣе, такъ какъ по-сербски вин. ед. *траву* (при им. мн. *траве*). Далѣе слова типа «слеза — слезы» мало по малу объединяютъ удареніе во мн. ч. по им. (вин.) пад., напр. *женя*, *пчела*, *сестра*, *змя*, *свиня*, *труба*, *метла*, *пила*, *узда*, *тюрьма*, *звѣзда*, *ветла*, *лиса* звучатъ большею частью съ удареніемъ на первомъ слогѣ во всѣхъ 2-сложныхъ и 3-сложныхъ падежахъ (кромѣ род. *сестёръ* и *свиней*), хотя *слеза*, *межа*, *свѣча*, *сопля* и др. въ тѣхъ-же формахъ еще не испытали этого переноса: *слезамъ*, *слезами*, *слезахъ*, третьи, какъ *стрѣла*, *скула*, *серья*, *судьба*, *скала*, *бѣда*, *дуя*, въ нашей рѣчи колеблются. Естественно, что въ словахъ типа «вода — воду — воды» начался тотъ-же процессъ, напр. *избамъ*, *дрогамъ*, *грозамъ*, *козамъ*, *одовамъ*, *травамъ*, *осамъ*, *косамъ*, *соснамъ*, *вѣснамъ*, *дѣснамъ*, *спинамъ*, *овцамъ*, и что это явленіе свойственно языку не однихъ горожанъ, видно изъ самаго значенія приведенныхъ здѣсь словъ. Двойное удареніе можно услышать у насъ въ тѣхъ-же падежахъ словъ *семья*, *дрогя*, *стѣня*, *сноха*, *соха*, *кроха*, *нора*, *зима*, *душа*, *доска*, *дуя* и во многихъ другихъ, причемъ уравниваніе идетъ, кажется, съ Сѣвера на Югъ, а не наоборотъ. Не даромъ сѣверные поэты позволяютъ себѣ въ словахъ этого рода такія вольности, какъ

На удѣ вытянуть на брегъ (Ломоносовъ, Ода, вы-
бранная изъ Іова, строфа 10).

Какъ сосна, рында обожженна (Державинъ, На взятіе
Измаила, строфа 25)

и, вѣроятно, уже по этому образцу,

Копье, какъ сосна вѣковая (Озеровъ, Пѣснь Уллина).

Если бы эти *уда* и *сосна* даже не были заимствованы изъ

какого-нибудь говора ⁴³⁾, во всякомъ случаѣ переварить такіа ударенія тѣмъ легче, чѣмъ чаще встрѣчается удареніе на первомъ слогѣ въ склоненіи этихъ словъ. Но въ старинномъ при- словьѣ говорятъ, что «Пошехонцы въ трехъ соснахъ заблудились» (таково преданіе — не только о Пошехонцахъ, но и объ удареніи), да и тотъ-же Державинъ говоритъ:

^{^ ^ ^ ^ ^ ^ ^ ^}
 Хотя осыпь его звѣздами.

Поговорка гласитъ: «всѣмъ сестрамъ по сергамъ»; сербское *сестра* не обнаруживаетъ даже никакихъ слѣдовъ древняго переноса ударенія на первый слогъ: им. мн. *сестре*, род. *сестараа*, дат. *сестрама*. Въ разныхъ мѣстностяхъ можно услышать: «старантасъ на длинныхъ дрогахъ», «нѹ те къ свиньямъ» и т. п.

Εἰ γὰρ δεῖ καὶ μῦθον λέγειν, какъ говоритъ Сократъ въ Платоновомъ Федонѣ, я позволю себѣ по поводу подвижности ударенія въ склоненіи основъ на *-а* отмѣтить здѣсь эпизодически одинъ фактъ, до сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, не обратившій на себя вниманія. Выше было уже упомянуто открытіе проф. Fortunatova, что обще-славянское восходящее удареніе въ сербскомъ языкѣ отразилось краткостью ударяемой гласной, въ чешскомъ — ея долготой, а нисходящее въ сербскомъ — долготой, въ чешскомъ — краткостью, причемъ чешскій языкъ, закрѣпляя ударенія во всѣхъ случаяхъ на первомъ слогѣ, отдавалъ предпочтеніе, конечно, тѣмъ формамъ, въ которыхъ удареніе въ обще-славянскую эпоху падало на первый слогъ: *strana* по вин. *stranu* изъ **стѣрнж*. Рѣдко въ такихъ случаяхъ является долгота, объясняющаяся оттяжкой ударенія съ конца, вслѣдствіе ко-

43) *Сосна* Петрозаводскаго у., Олонецкой губ., *губа, бѣла, стѣна*, Тобольск. губ. (Извѣстія I, 345 и 560). Тамъ-же *дѣнья* (см. выше). И въ Москвѣ говорятъ: «губа не дура», «нѹжды нѣтъ» (можетъ быть, подъ влияніемъ народнаго «нѹждушки нѣтъ»). То-же иногда въ малорусскомъ, напр. у Котляревскаго:

^{^ ^ ^ ^ ^ ^ ^ ^}
 Прямый, якъ сосна, велычавый (Эн. стр. 246 изд. Катр.);

часто *зѣря*, въ пѣсняхъ *вѣова*.

торой оно получало на своемъ новомъ мѣстѣ на первое время восходящій характеръ, напр. brāzda — бороздѣ, также, можетъ быть, moucha (см. выше). Иногда наблюдается колебаніе: jīzba (по им. п. ед.) или jizba (по вин.) — избѣ — серб. ѝзбѣ, pīla или pila — пилѣ — пилѣ и т. п., куда, можетъ быть, относятся sādgra или sadgra «гипсъ» и mouha или muha «дуракъ». Слова на -a (-я) съ неподвижнымъ удареніемъ въ русскомъ и сербскомъ языкахъ, если не всѣ, то почти всѣ, имѣли восходящее удареніе: колѣда — клѣда — klāda, ворѣна — врѣна — vḡana, сѣла — сѣла — sīla, грѣва — грѣва — hřiva, рѣна — рѣна — ḡana, ѣва — ѣва — jiva, лужа — louže, гуща — houště, вѣра — вѣра — vira (но věrnú и т. п.), слива — слива или шлѣва — slīva, слава — слава — slāva, жѣба — жѣба — žaba, жѣбры — žabry, справа — sprāva, чѣша — чѣша — číše, сѣра — сѣра — sira и т. д.⁴⁴). Но въ нѣкоторыхъ изъ такихъ словъ по-чешски корневая гласная оказывается краткой, какъ въ сербскомъ, напр. ryba — рыба — рѣба, řiza — рѣза — рѣза, пѣна — нѣга — њѣга, рѣна — рѣна — рѣна, мука — мѣка — мѣка, ģera — рѣпа — рѣпа, kaše — каша (въ сербскомъ нѣтъ? но есть въ хорутанскомъ), strava — стрѣва — стрѣва (ужасъ, наведенный чарами) и др., куда можно, кажется, отнести и škola — шкѣла (съ польскаго?) — шкѣла. Но гораздо чаще количество корневой гласной колеблется, какъ tlāra и tlara — лѣпа (въ серб. нѣтъ?), kniha и kniha (род. мн. knih или kněh, производныя knižny, knihař или kněhař и т. п.) — книга — кнѣга, kōže (kūže) и kože — кожа — кожа, lpa и lpa — лѣпа — лѣпа, jizva и jizva — ѣзва (въ сербскомъ нѣтъ?), mīra и mēra (съ mīrka, но mějice, mēgnū и т. п.) — мѣра —

44) Обратное отношеніе между чеш. tajna и серб. tājna зависитъ отъ условій, явившихся въ этихъ двухъ языкахъ внѣ всякой связи съ праславянскимъ: въ чешскомъ восходящее удареніе само по себѣ вызываетъ долготу только при открытости ударяемаго слога, а въ сербскомъ краткая гласная въ слогѣ съ древнимъ удареніемъ протягивается передъ сочетаніемъ полугласной съ согласной; см. Лескина Untersuchungen über Quantität und Betonung и т. д. (въ Abhandlungen der kön. sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften X) стр. 76. Потому и *каавва* по ударенію дат. *каавви*, вин. *каавву*, мн. *каавве* отъ нормального до-штокавскаго **кааві*.

мјера, рѣа и рѣа (веснушка; въ русскомъ прилаг. пѣгій)—пјѣга, skřīne и skřīně—скрїня (скрїня)—скрїѣа и др., въ томъ числѣ, можетъ быть, dlāha и dlaha, не находящее себѣ соотвѣтствїя въ русскомъ и сербскомъ языкахъ. Dgāha «выгонъ, пастбище» и dgaha «дорога» представляютъ, конечно, лишь варианты одного и того-же слова, соотвѣтствующаго русскому *дорога* — серб. (хорв.) *drāna* «долина, луговина». Возможно, что смѣна долготъ и краткостей не во всѣхъ случаяхъ этого рода относится ко временамъ чешско-словацкаго единства; напр. рѣа вмѣсто нормальнаго при такихъ условїяхъ *рѣа изобличаетъ позднѣйшее сокращенїе, распространившееся изъ какого-нибудь отдѣльнаго говора, вѣроятно, близкаго къ словацкимъ, такъ какъ причины этого сокращенїя всего естественнѣе искать въ отвращенїи отъ двухъ долготъ въ одномъ и томъ-же словѣ, почему напр. твор. пад. отъ рѣа звучалъ бы рѣоу, какъ отъ slāma, křāva Чехи образуютъ этотъ падежъ большею частїю съ сокращенїемъ корневой гласной. Той-же причинѣ можетъ быть приписана и общечешская разница въ количествѣ между рāп и рапї, рāпě и рапїātko, гдѣ, кажется, не было причины для измѣненїя первоначально восходящаго ударенїя (кромѣ зват. рапе съ нисходящимъ ударенїемъ и проклитическаго рап передъ именемъ). Но такое объясненїе всѣхъ примѣровъ колебанїя количества во всѣхъ словахъ съ обще-славянскимъ восходящимъ ударенїемъ по всѣмъ падежамъ (а не въ одномъ твор. ед., окончанїе котораго отличалось, быть можетъ, особенно ощутительной долготой вслѣдствїе стяженїя изъ -оуж) оставляетъ безъ отвѣта вопросъ, почему-же это явленїе наблюдается именно въ такихъ словахъ несравненно чаще, чѣмъ въ другихъ случаяхъ сосуществованїя двухъ долготъ. Такъ какъ, судя по протяженїю того восходящаго ударенїя, которое возникало вслѣдствїе переноса ударенїя съ конца назадъ, чехо-словацкїй языкъ долго сохранялъ чутъе къ различїю между восходящимъ и нисходящимъ ударенїями и въ эпоху образованїя новой системы ударенїй отзывался на это различїе такъ-же, какъ въ эпоху своего выдѣленїя изъ обще-славянскаго языка, не

проще ли предположить, что и въ склоненіи словъ, какъ *лѣна*, по крайней мѣрѣ, по чехо-словацкому выговору, удареніе корневой гласной измѣнялось аналогично съ переходомъ ударенія въ склоненіи словъ, какъ *водá*? Можетъ быть, это и было слѣдствіемъ только аналогіи, которая допустима даже для обще-славянской эпохи, потому что подвижность ударенія въ словахъ послѣдней категоріи существовала еще во времена литовско-славянскаго единства; такъ напр. болг. *лѣна* наводитъ на пропорцію: праслав. **зѣлто*: болг. *злато* = праслав. вин. **лѣину*: болг. *лѣна*. Аналогія разряда «водá» должна была дѣйствовать почти неотразимо, если восходящее удареніе древнѣйшаго чехо-словацкаго языка походило на современное восходящее (т. е. перенесенное) удареніе штокавско-сербскаго: какъ *водá* — вин. *вѣду*, такъ **лѣна* — вин. **лѣну*, откуда позже *лѣра* — *лѣри*, или **лѣра* — **лѣру*, потомъ *лѣга* — *лѣгу*. Предположивъ такое отраженіе восходящаго ударенія на послѣдующемъ слогѣ, мы поймемъ и причину того, что въ чехо-словацкомъ языкѣ оно вызывало протяженіе: когда въ этомъ языкѣ вступилъ въ силу законъ акцентуаціи перваго слога, та часть восходящаго ударенія, которая падала на слѣдующій слогъ, отходила назадъ и вела къ тому протяженію, которое происходило отъ переноса ударенія на предшествующій ему слогъ. Такимъ образомъ обѣ эти причины спеціально чехо-словацкаго протяженія сводились бы къ одной — къ увеличенію звукового содержанія перваго слога на счетъ послѣдующаго, бывшаго прежде ударяемымъ. Физиологически процессъ протяженія могъ быть таковъ: восходящее удареніе, т. е. падавшее на вторую часть гласной, хотя бы краткой, а потому захватывавшее собою отчасти и слѣдующій слогъ, какого бы происхожденія оно ни было, отодвигалось назадъ и переходило на первую часть гласной, привлекая на свое мѣсто отраженіе со слѣдующаго слога: *лѣга* — *лѣга* — *лѣга*. Въ сокращеніи гласныхъ перваго слога съ нисходящимъ удареніемъ виноваты, можетъ быть, слова, предшествовавшія имъ въ рѣчи, особенно предлоги, которые перетягивали его на себя, особенно, когда началась по-

пятная передвижка ударенія: за обще-славянскимъ *zá rжжж* (съ подвижнымъ удареніемъ) послѣдовало *zá mĕgu*, потомъ *zá mĕgu* (= *za mĕgu*). Сербо-хорватскій языкъ, за исключеніемъ штокавщины въ самомъ узкомъ смыслѣ этого термина, отличается поступательнымъ характеромъ ударенія въ еще большей степени, нежели русскій, такъ какъ въ немъ, помимо часто встрѣчаемаго ударенія на конечномъ слогѣ отчасти сохранилось еще пра-сербское восходящее удареніе. Еще рѣзче сказывался этотъ характеръ въ пра-сербскую эпоху, когда, какъ блестящимъ образомъ доказалъ А. А. Шахматовъ («Къ исторіи сербско-хорватскихъ удареній», стр. 38), слова типа *водá* имѣли на послѣднемъ слогѣ восходящее удареніе. Согласно съ этимъ стремленіемъ ударенія впередъ обще-славянское нисходящее удареніе требовало такого выдерживанія второй, болѣе низкой или слабой, части гласной, что эта часть могла достигать длительности цѣлой моры, откуда являлось долгота, тогда какъ подъ обще-славянскимъ восходящимъ удареніемъ первая, слабая часть гласной скрадывалась, откуда краткость.

Какъ я началъ этотъ экскурсъ оговоркой изъ Платона, такъ и закончу его словами того-же философа-поэта (Федръ 265, 13), измѣнивъ только глаголь въ концѣ: *ἴσως μὲν ἀληθοῦς τινος ἀπτόμενοι, τάχα δὲ καὶ ἄλλοσε παραφερόμενοι, κεράσαντες οὐ παντάπασιν ἀπίθανον λόγον, μυθικόν τινα ὕμνον συνεγράψαμεν*. Хорошо, если было, по крайней мѣрѣ, *ἄξιον ἀκοῦσαι*, хотя бы и не въ той мѣрѣ, какъ мнѣ, рассказанный Сократомъ въ Федонѣ. Но возвратимся къ основамъ на *-a* въ русскихъ пѣсняхъ, и прежде всего ко множественному числу этихъ основъ, о которомъ шла рѣчь выше.

Переносъ ударенія имен. п. мн. ч. на косвенные падежи, по видимому, чуждъ старинному народному языку: вездѣ мы читаемъ:

Какъ-дѣ служатъ || по усопшимъ душамъ (248).

Потому тѣмъ стрѣламъ || цѣны не было (24) ⁴⁵⁾.

и т. п., между прочимъ и въ твор. на -ы, перенесенномъ изъ склоненія основъ на -о:

Со вдовы честны, || многоразумными (8).

Но имен. мн. въ словахъ на ударяемое -а, даже иноязычныхъ, обыкновенно имѣеть удареніе на первомъ слогѣ, напр.

Кто бы създилъ въ Орды || немирныя (196).

Съѣзжу я въ Орды || немирныя (тамъ-же).

Ѣхать въ дальны Орды || немирныя (197 ср. 199 и 201).

Такъ и въ пѣснѣ о Ермакѣ, стало быть — казачьей и потому нѣсколько отличной по технике отъ былинь:

Въ Мяденски юрты || приплыли (116). ⁴⁶⁾

Мурзы мы уже видѣли на стр. 446 ⁴⁷⁾. Но косвенные падежи, вѣроятно, *мурзѣмъ*, *мурзѣми*, *мурзѣмъ*, какъ

Въ тѣхъ Ордахъ || немирныхъ (199),

гдѣ нѣтъ ни основанія, ни нужды предполагать энклизу.

Неясно удареніе во мн. ч. слова *сумѣ* (нѣм. *sūm*, теперь *Saum* — отъ греч. *σάγμα* черезъ романско-латинское *salma* и франц. *saume*). Вотъ свидѣтельство изъ сборника Кириши:

45) Такъ слѣдуетъ читать и выше:

А и тѣмъ стрѣламъ || цѣны не было,

а не «цѣны нѣтъ», какъ у Калайдовича. Это видно уже изъ слѣдующаго стиха

Цѣны не было || и несвѣдомо,

первая половина котораго должна быть повтореніемъ второй половины предъидущаго стиха (см. Извѣстія I, стр. 29—30 съ примѣч. 24).

46) Едва-ли отъ ед. *юртъ*, потому что во мн. муж. р. скорѣе слѣдовало бы ожидать ударенія *юрты*, какъ *мурты*.

47) У Кириши стр. 312 стихъ не полонъ; вѣроятно, слѣдуетъ читать:

(Гой еси) вы мурзы, || улановья.

Онъ кладеть во тѣ сумы || переметныя (212).

И велѣлъ снимать сумы || сыромятныя (213).

Расковыриваль сумы, || вынималь ярльки (278).

Всѣ три стиха читаются гладко, будемъ-ли мы произносить *сумы* или *сумы*. Вѣроятнѣе первое удареніе, съ которымъ, кажется, и Сумцы выговариваютъ имя своего родного города. За то-же удареніе и аналогія только-что приведенныхъ татарскихъ словъ вмѣстѣ съ упомянутымъ выше *тѳрба*. Есть у Кирши стихъ, изъ котораго слѣдовало бы это удареніе и для ед. ч.:

Вынималь изъ сумы книжку свою.

Но правильность его тѣмъ болѣе подозрительна, что и слѣдующій за нимъ стихъ

Посмотрѣлъ и число показаль,

очевидно, испорченъ. Тамъ и другой слѣдуетъ пополнить, вставивъ напр. «онъ» послѣ «сумы» и «въ нее» послѣ «Посмотрѣлъ».

Наоборотъ, можетъ быть, не слѣдуетъ объяснять энклизой удареніе въ стихѣ

Распороль суму || рыта бархата,

потому что заимствованныя слова этого типа часто принадлежать къ разряду *слеза* — *слезу* — *слезы*, какъ видно между прочимъ изъ стиха, не только построеннаго безукоризненно, но еще и встрѣчающагося въ двухъ мѣстахъ безъ малѣйшей перемѣны, а потому несомнѣнно переданнаго правильно:

Въ дальну Орду, || въ Половецку землю (252=255).

Объ удареніи *землю* и т. п. было уже упомянуто вскользь въ концѣ изслѣдованія энклизы (стр. 452). У Кирши есть еще три примѣра, всѣ съ предлогами:

Взялъ ее за хвостъ, || подъ гору махнулъ (189=190
безъ «ее»).

Переѣхаль молодець || за рѣку за Смородину (297).

Тѣло терзаль, || во рѣку бросаль (367)

и уже извѣстный читателю

По цѣлой ковригѣ || за щеку мечеть (190).

Чаще въ лирическихъ пѣсняхъ, напр.

И высоко и далеко, || на родиму сторону (С. 87, 4).

Погоню (ли) я корову на росу (С. 97, 27).

Сама по воду пойду || на Москву на рѣку,

На Москву на рѣку, || къ Разгуляю кабаку,
по студеную воду (С. 215, 5).

А отдалъ (то) || меня батюшко

Не въ согласную семью, || не въ покрытую избу
(С. 206, 2)

или (и притомъ въ началѣ пѣсни, а не въ концѣ, какъ у Сахарова)

Отдаеть-то меня батюшка || въ несогласную семью

или (также въ началѣ)

Какъ просваталь меня батюшка || въ немалую деревню,

Что въ немалую деревню, || въ несогласную семью⁴⁸⁾.

Можно услышать въ не старой пѣснѣ «ногу», напр. въ шуточныхъ, уже силлабическихъ стишкахъ, въ которыхъ только послѣднее ритмическое удареніе совпадаетъ съ прозаическимъ, но при пѣніи искусственно выдерживается тактъ $\frac{2}{4}$:

Ой, батюшки, не могу:

Комарь ступилъ на ногу.

48) Нѣсколько иная ритмизація у Мельгунова (вып. 1-й, № 14), но семью и у него.

Даже въ разговорѣ, особенно по нарѣчіямъ, широко распространены *ръку, семью, избу, росу, зорю, грозю, нору, блоху, версту, тропу, ольху, зубу, сову, золу, весну, кору, полу*. Въ нѣкоторыхъ словахъ, какъ *травá, сноха, десна, крома, леса, уда, скула, дрофа* (дрохва), *лоза*, трудно даже опредѣлить правильное удареніе: *траву* или *траву* и т. д., о чемъ было сказано выше. Въ вин. п. отъ слова *пята* едва-ли кто рѣшится поставить удареніе на первомъ слогѣ, а между тѣмъ происношеніе «пѣту» прямо слѣдуетъ изъ стереотипнаго «на пѣту» (т. е. настезь), напр.

Какъ бы на пѣту двери || отворялися (4).

Отворяла двери || на пѣту (8).

Отворяли Царю (двери) || на пѣту (sic! 335).

За удареніе *пѣту* или, по крайней мѣрѣ, мн. *пѣты* (но «по пятáмъ») говоритъ и краткость въ чешск. *pata*. Впрочемъ ед. ч. *пѣта* въ значеніи пятки, помимо поэзіи, мало употребительно, а въ смыслѣ нижняго мѣста прикрѣпленія древнаго притвора къ косяку извѣстно теперь болѣе сельчанамъ, чѣмъ намъ, горожанамъ. Москвичи остаются вѣрны древнему ударенію вин. ед. въ словахъ *нога, рука, вода, гора, стѣна, коза, коса* (въ обоихъ значеніяхъ), *душа, кроха, сосна, щека, спина, доска, земля, зима, верста, юлова, борода, сторона, полоса, борона, середа, скорода, слобода*, по большей части въ *зоря, роса* и нѣкоторыхъ другихъ, но за этими исключеніями не мало колебаній замѣчается и въ московскомъ говорѣ. Словомъ сказать — въ русскомъ языкѣ, какъ, по видимому, и въ сербскомъ, совершается переходъ типа «водá» въ типъ «слезá». Что въ этомъ явленіи играетъ нѣкоторую роль расширенное аналогіей примѣненіе энклизы къ существительному съ предлогомъ, какъ

А сводиль онъ ⁴⁹⁾ поить || на Сафатъ на рѣку (182),

49) Въ текстѣ «ихъ», но исправлено въ спискѣ опечатокъ.

можно заключить изъ присутствія предлога въ большинствѣ такого рода случаевъ, судя по пѣснямъ: «въ рѣкѹ», «на ногѹ», а потомъ уже и «на родиму сторонѹ» съ прилагательнымъ. Быть можетъ, не случайность, что въ отвѣтахъ на программу для собиранія особенностей сѣверно-великорусскихъ говоровъ примѣромъ такого ударенія въ говорахъ Покровскаго и Шуйскаго у. Владимірской губ., Петрозаводскаго и Вытегорскаго Олонецкой, Буйскаго Костромской Кадниковскаго Вологодской и Алатырскаго Симбирской, служитъ именно сочетание «въ рѣкѹ» (Извѣстія I, стр. 340, 345, 351, 551; 253, 266, -275). То-же для Тобольской, губ., гдѣ впрочемъ говорятъ и «въ рѣку» (560). Любопытно что въ Петрозаводскомъ у. говорится при этомъ *свинью* (но и *свинью*): это слово, какъ означающее одушевленный предметъ, не подлежитъ энклизѣ, по крайней мѣрѣ, въ прозѣ да и по смыслу едва-ли входило въ какую нибудь формулу.

Въ древне-русскомъ языкѣ, какъ до сихъ поръ въ сербскомъ, существительныя разряда «водѣ» кромѣ винительнаго образовали еще одинъ падежъ съ удареніемъ на первомъ слогѣ, — дательный, который впоследствии подчинился аналогіи мѣстнаго. Такъ въ стихахъ Бояна или какого-нибудь другого старѣйшаго пѣснотворца, сохраненныхъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ:

Тяжко ти, головѣ, || кромѣ плечю,

Зло ти, тѣлу, || кромѣ головы,

а потому, можетъ быть, и въ прибавкѣ автора Слова:

Русьской земли || безъ Игоря,

хотя въ соединеніи съ предшествующимъ прилагательнымъ существительное могло слѣдовать инымъ законамъ.

Такъ-же

Велитъ послушати земли || незнаемѣ

и, вѣроятно, съ энклизой, какъ «на́ землю»:

То ростѣкатеть ся мыслью (?) || по дереву,
 Сѣрымъ вѣлкѣмъ || по земли,
 Шизымъ орьлѣмъ || подѣ оболoкы.
 Тѣй бо Ольгѣ || мѣчѣмъ крамолу || коваше(ть)
 И стрѣлы по земли || сѣяше(ть).

Можетъ быть, есть у насъ и еще примѣръ изъ памятника старой записи — дат. п. имени *Москва*, если оно имѣло нѣкогда подвижное удареніе, какъ можно подозрѣвать на основаніи энклитическаго «за́ Москву», употребительнаго до сихъ поръ. «Къ Москвѣ» въ пѣсняхъ, записанныхъ въ началѣ XVII в. для Ричарда Джемса, встрѣчается дважды, въ 3-ей и въ 4-ой, и, такъ какъ усѣченному былевому стиху ни въ этомъ собраніи, ни вообще (см. Извѣстія I, стр. 32) не свойственно стяженіе 3-го и 4-го слоговъ отъ конца, стихи, въ которыхъ находится этотъ дат. пад., остается читать такъ:

Что едетъ къ Москвѣ || измѣнникъ.
 А что едетъ къ Москвѣ || рострига.

Косвеннымъ подтвержденіемъ такому ударенію служитъ встрѣчающійся въ обѣихъ пѣсняхъ примѣръ мѣстнаго падежа «на Москвѣ», въ которомъ ритмъ требуетъ ударенія или на первомъ слогѣ имени или, что свидѣтельствуетъ о томъ-же, на предлогѣ. Последнее вѣроятнѣе, а потому мы такъ и размѣтимъ:

Сплачетца на Москвѣ || Царевна (3 «А сплачетца—4).

Третій примѣръ во всякомъ случаѣ допускаетъ то-же удареніе:

А еще есть на Москвѣ семьдесятъ || Апостоловъ (6).

Предположивъ удареніе «на Москвѣ», мы сократимъ приступъ до трехъ слоговъ, но ритмическое удареніе, правда, третьестепенное упадетъ все-таки не на послѣдній слогъ имени, а на первый. Четвертый примѣръ

Ино что у насъ въ Москвѣ учинилося

также не исключаетъ ударенія на первомъ слогѣ. Такое удареніе въ мѣстномъ падежѣ можно объяснить только смѣшеніемъ, противоположнымъ тому, вслѣдствіе котораго дательный получилъ удареніе мѣстнаго.

Никакихъ подозрѣній ни со стороны метрики, ни съ точки зрѣнія языка не внушаетъ къ себѣ слѣдующій стихъ въ былинѣ «Василій Буслаевъ молиться ѣздилъ»:

И лежать будетъ головѣ || Васильевой (170).

То-же удареніе найдемъ и въ другомъ стихѣ этой былины, устранивъ нарушающее размѣръ слово:

Гдѣ лежитъ || пуста голова,
Лежать [будеть] и Васильевой || головѣ.

Предпочтеть-ли кто возстановить размѣръ посредствомъ исключенія союза «и» или путемъ перестановки «головѣ Васильевой» или же такой: «И лежать будетъ» удареніе слова «головѣ» останется все то-же. Но въ мѣстномъ падежѣ, конечно,

А бьюсь о своей || буйной головѣ (191).

Два такихъ примѣра обихъ падежей даетъ у Кирши слово *середа* (т. е. средняя часть пола въ противоположность къ подла-вечью), употребляемое въ формулѣ

Поль-середа || одного серебра (124 дважды=159).

Въ пѣснѣ о Терентьищѣ оно встрѣчается трижды, причемъ мѣстный падежъ подъ вліяніемъ предлога *среди* или по новгородскому выговору написанъ съ *и* вмѣсто *н*:

^т
 Середа была кирпичная;
^т
 А на середи кровати стоит (14).
^т
 Походи-ко, Терентище,
^т
 По своей свѣтлой грядни
^т
 И по середи кирпичатой (20).

Только при удареніи на первомъ слогѣ могла возникнуть энклиза въ сочетаніи «пó щекѣ», которое, какъ показываютъ ниже слѣдующіе примѣры, вошло въ эпическій языкъ въ качествѣ формулы, унаслѣдованной, конечно, отъ пѣвцевъ прежнихъ поколѣній:

^т
 А Марину она по щекѣ || ударила (69).
^т
 Ударилъ онъ дѣвицу || по щекѣ (95).
^т
 Била (она) || ее по щекѣ (149).
^т
 Била (она) || меня по щекѣ (151).
^т
 А бѣй ты бабу || по щекѣ (365).

Во всемъ сборникѣ Кирши привычное намъ удареніе встрѣчается только въ пѣснѣ «Кто Травника не слышалъ»:

^т
 И Семень Травника по щекѣ (416).⁵⁰⁾

У Сахарова мѣстный падежъ въ самомъ началѣ пѣсни, очевидно, старинной:

50) За этимъ слѣдуетъ:

^т
 Господинъ по другой сторонѣ.

Ср. нѣсколько выше совершенно такъ же построенные стихи:

^т
 А Семень Травника не взлюбилъ,
^т
 Господинъ Травника не взлюбилъ.

^{˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘}
 Какъ во городѣ было || во Суздальѣ,
^{˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘}
 Во Ефимьевой славной || слободѣ (214, 1).

У Кирши есть для этого смѣшенія въ пользу дательнаго и еще примѣръ, который приведемъ вмѣстѣ съ предшествующимъ ему стихами (у Калайдовича — двумя) ради провѣрки ритмическихъ удареній:

^{˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘}
 Безвременной молодець!
^{˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘}
 Ты забылъ за быстрой рѣкой
^{˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘}
 Два друга сердечные,
^{˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘}
 Два остра ножа булатные,
^{˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘}
 На чужой дальней сторонѣ
^{˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘}
 Оборона великая (297).

Сравни еще въ той-же пѣснѣ:

^{˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘}
 Поѣхаль доброй молодець
^{˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘}
 На чужу дальну сторону (296),

что дѣлаетъ удареніе «дальной сторонѣ», и безъ того, кажется, необычное, окончательно невѣроятнымъ.

Не только *Москва*, но, вѣроятно, и *Вологда* склонялось прежде какъ *слободá*, *чередá* и т. п. Вологжане называютъ свою родину *Вологдою*, но у Кирши въ пѣснѣ о Щелканѣ она зовется *Вологдбю*:

^{˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘}
 Василья на Плесу,
^{˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘}
 Гордѣя къ Вологдѣ,
^{˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘ ˘}
 Ахрамея къ Костромѣ (32=34).

Господствующій размѣръ этой пѣсни состоитъ изъ трехъ тактовъ въ $\frac{2}{4}$, но тамъ и сямъ встрѣчаются стихи въ два такта.

Второй изъ приведенныхъ стиховъ можно прочесть и въ три такта—

Гордѣя къ Вологдѣ —,

причемъ на слогъ «Во-» упадетъ главное ритмическое удареніе и съ тѣмъ вмѣстѣ получится вѣлогодское (какъ говорятъ Вологжане) или вологѣдское (какъ говорятъ многіе уроженцы другихъ мѣстностей) произношеніе «Вѣлогдѣ»; но прозаически неударяемые третьи слоги отъ конца въ двухъ остальныхъ стихахъ исключаютъ для нихъ возможность такой ритмизаціи; а такъ какъ всѣ три стиха относительно и смысла и грамматики и значенія въ разсказѣ построены совершенно одинаково, то одинаковъ долженъ быть и ихъ размѣръ. И такъ *Вѣлогда* и *Вологдѣа*, а первоначально, можетъ быть, им. *Вологдѣа*, род. *Вологдѣы*, дат. *Вѣлогдѣт*, вин. *Вѣлогдѣу*, зват. *Вѣлогдѣо*, твор. *Вологдѣю*, мѣстн. *Вологдѣи*. Отсюда и двойственность ударенія въ прилагательномъ. Прилагательное отъ имени *Вычегдѣа* мы, не тамъшніе, произносимъ съ удареніемъ на *о* — «вычегѣдскій» и такъ-же «Соль-Вычегѣдскъ»; любопытно было бы узнать мѣстное удареніе въ этихъ словахъ равно, какъ и въ прилагательномъ отъ *Сѣдогдѣа*. Припомнимъ, что, какъ мы видѣли на стр. 480 сл., удареніе им. ед. по вин. ед. въ такихъ словахъ свойственно именно сѣвернымъ говорамъ, и не только въ 2-сложныхъ, но и въ болѣе длинныхъ, какъ *сковорода*, напр. въ Олонцѣ и въ Кадниковскомъ у. Вологодской губ. (Изв. II 239 и 266, и это удареніе очевидно древнѣе, чѣмъ упоминаемое тамъ-же стр. 239 и 253 *сковорода*, возникшее по аналогіи мн. ч. *сковороды*, которое въ свою очередь обусловлено аналогіей мн. ч. словъ не полногласныхъ, какъ *стрекѣзы*).

Въ словахъ на *-ота* я не помню никакихъ непривычныхъ намъ удареній, но ихъ можно ожидать при подвижности ударенія въ *высотѣа* — им. *высотѣы*, дат. *высотѣамъ* (*высотѣамъ* уже по аналогіи им. п.) и т. п. Слово *сиротѣа* образуетъ мн. ч. даже двояко: *сиротѣы* и, по-южному, *сиротѣы*, и послѣднее какъ будто

древнѣе, судя по сербскому *сирѡтѣ* — мн. *сирѡте* (род. мн. *сирѡтѣа*), съ чѣмъ можно сравнить наше *plurale tantum* *хлопоты* при род. *хлопотъ* (слѣдовательно ж. р.), дат. *хлопотамъ* и т. д. На какое-то колебаніе въ удареніи указываетъ *суббота* (вѣрнѣе *субѡта*, серб. *субѡта* — церк. сѣбота вмѣсто греч. *σαββατα*, множ. отъ *σαββατον*, въ которомъ *о* второго слога свидѣтельствуесть объ отсутствіи ударенія на немъ въ первое время по заимствованіи (см. мои «Нѣсколько замѣчаній къ греческой фонетикѣ Бругмана» въ Харьковскомъ Сборникѣ Историко-Филологическаго Общества за 1895 г., примѣч. 23). Вѣроятно, удареніе сохранялось тогда еще на томъ слогѣ, гдѣ оно было въ греческомъ первообразѣ; впоследствии оно продвинулось впередъ подъ вліяніемъ словъ, какъ *работа* (серб. *раѡта*). По-русски почти все существительныя на *-ота*, произведенныя не отъ прилагательныхъ или параллельныхъ съ ними существительныхъ, какъ *краса* при *красный*, имѣютъ именно это удареніе: *лы-ѡта*, *зѣв-ѡта*, *рв-ѡта*, *блѣвѡта*, *по-тяг-ѡта*, *лом-ѡта*, *ик-ѡта*, *перх-ѡта* и т. п. вмѣстѣ съ неясными *заѡта* и *охѡта*; но *чисто-тѣ* (серб. *чистѡтѣа*), *красо-тѣ* и т. д. Однако *хрип-ѡта* и *хрипотѣа*, а отъ прилагательнаго — *мокрѡта* = *Schleim* и *мокротѣа* = мокрядь, и безъ колебаній *пыхѡта* (при *пыхій*), западное *страхѡтѣа*, отъ глагола *моготѣа* («не въ моготѣу»), *тяг-ѡтѣа* (серб. *тегѡтѣа*). Въ малорусскомъ: *тиснѡта* (при *тисний*), *бидѡта* (при *бидний*), *идѡта* (при *идкий*) и т. п. Какъ сербскій, такъ и словенскій языкъ свидѣлствуютъ за удареніе на *-тѣа*: *strahŏtĕa*. Въ виду этихъ колебаній долгота въ чеш. *lhŭta* едва-ли произошла изъ восходящаго ударенія: скорѣе она служитъ признакомъ переноса ударенія съ конца. Если мы примемъ въ расчетъ, что большинство словъ на *-та* (*-ота*) по своему смыслу не могло употребляться во множ. ч., трудно найти иной исходъ изъ этихъ противорѣчій кромѣ предположенія и здѣсь склоненія, подобнаго склоненію разряда «вода»: *чистѡтѣа*, дат. **чистѡтѣу*, вин. **чистѡтѣу*, зват. *чистѡтѣо*. Мѣсто передвинутаго ударенія не на корневомъ слогѣ, а на предшествующемъ суффиксу *-та* опредѣляется удареніемъ множе-

ственного числа, и такъ было, вѣроятно, во всѣхъ искони трехсложныхъ словахъ на -а́ (-я́) съ подвижнымъ удареніемъ, какъ *осока́* (малор.), дат. *осо́цн* вин. *осо́кж* (откуда великорусское и отчасти малорусское *осо́ка*), *острога́*, дат. *остро́зъ*, вин. *остро́гж* и, въ смыслѣ шпоръ, дв. *остро́зъ*, какъ малор. *но́зи*, серб. род. дв. *но́гу* (ср. серб. *о́строга*). Можно думать, что удареніе это было въ общеславянскую эпоху нисходящимъ, какъ въ типѣ «вѣду», но въ послѣдствіи слова съ плавной въ первомъ или второмъ слогѣ отчасти подчинились аналогіи праславянскихъ 2-сложныхъ съ *ор-*, *ло* въ первомъ слогѣ, откуда *слоббоду*, *жа́лобу*, *сы́роты*⁵¹⁾, также, можетъ быть, *хло́поты* и болг. *ра́бота* (если это удареніе не перенесено со слѣдующаго слога, именно потому, что тамъ оно было нисходящее), а изрѣдка склонялись по той-же парадигмѣ и слова на -та, откуда наше сѣверное *на́хота* (Извѣстія 560) при *пахотá* и т. п. Что-же касается постояннаго и въ нѣкоторыхъ случаяхъ древняго ударенія -о́та, то оно могло зависѣть отъ частаго употребленія данныхъ словъ во мн. ч., какъ *рабо́ты*, *забо́ты* и, можетъ быть, *сжа́боты* въ соотвѣтствіе греческому *σαββατα* (какъ и по латыни *sabbata* уже у Горация Sat. I, 9, 69); въ великорусскихъ на -о́та бросается въ глаза преобладаніе словъ, означающихъ болѣзненные и вообще физиологическія явленія, что наводитъ на мысль объ аналогіи какихъ-нибудь близкихъ по смыслу *pluralia tantum*. Впрочемъ этотъ вопросъ выходитъ уже изъ области не только русскаго стихосложенія, но и русскаго языка.

Изъ существительныхъ на -и́на легко переставляютъ свое удареніе на первый слогъ *ка́міна* и *ма́лина*, именно въ припѣвахъ и, по аналогіи, вообще тамъ, гдѣ они являются въ видѣ не реальныхъ предметовъ, а поэтическаго украшенія въ началѣ пѣсни, напр.

∪ ∪ ∪ ∪ ∪ ∪ ∪ ∪ ∪ ∪ ∪ ∪ ∪
 Никогда наша Катюша || не загуливала.

51) Но отъ *колбасá* мн. *колбáсы* — не потому-ли, что это слово принадлежало къ разряду «слезá», какъ *вѣдова́?*

Охъ и калина моя, || да охъ, и малина моя ⁵²⁾

и т. д. съ «Охъ—» послѣ каждого стиха.

На горѣ-то калина, || на горѣ-то калина, ⁵³⁾

На горѣ-то сиротина калина.

Впрочемъ удареніе *ка́лина* и *ма́лина* въ послѣдней пѣснѣ такъ-же мало доказательно, какъ въ малорусской

Калино, малино, || чогось почорніла,

потому что и она, вѣроятно, вслѣдствіе примѣненія къ ней чуждаго напѣва, сдѣлалась теперь силлабической. Но такое удареніе этихъ двухъ словъ не стоитъ и вообще ни въ какой связи съ дѣйствительной рѣчью.

Гораздо естественнѣе переходъ ударенія на послѣдній слогъ, напр.

Шелъ Ванюша долиной || ко Дуняшѣ вдовиной

или

Шелъ Ванюша долиною, || чужою межою,

гдѣ *долинá* не только извиняется аналогіей многочисленныхъ существительныхъ на *-инá*, между которыми есть и прямо *долинá*, (=длина) но можетъ быть просто діалектическимъ произношеніемъ, какъ *судьбинá*, отмѣченное въ Петрозаводскомъ уѣздѣ Олонецкой губерніи (Извѣстія I, 345). Но едва-ли такое удареніе можно найти въ строгомъ эпосѣ.

Не переносятъ ударенія трохаическія слова ж. р. на *-ь* въ род. мн., какъ можно заключить изъ стиховъ

Калена стрѣла || семи четвертей (94)

Калену стрѣлу || семи четвертей (217).

52) Съ точки зрѣнія напѣва было бы вѣрнѣе замѣнить вездѣ краткость посредствомъ долготы и разбить каждый тактъ на два.

53) Въ напѣвѣ слогъ «-рѣ» протягивается на $\frac{1}{8}$, а «то» на столько-же сокращается.

Такъ-же, вѣроятно, въ стереотипномъ второмъ полустишии о лебедяхъ (ж. р.: «лебедь бѣлая»):

^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о
 И стрѣляетъ гусей, || бѣлыхъ лебедей (25 ср. тамъ-же,
 213, 216 дважды, 220, 228, 229),

хотя по размѣру возможно было бы и «бѣлыхъ лебедей»; но «лебедей» поютъ современные сказители, и удареніе «четвертей» поддерживаетъ ихъ свидѣтельство. Однако въ пѣснѣ «У Спаса къ обѣднѣ звонять», по видимому, московской, размѣръ заставляетъ читать

^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о
 Много гусей, лебедей (408).

Если мы, уроженцы средней Россіи говоримъ часто *лебедей*, то лишь потому, что это слово перешло у насъ въ мужескій родъ, а для женскаго въ косвенныхъ падежахъ мн. ч. кромѣ вин. п. переносъ ударенія на гласную основы намъ обязательнъ. Державинъ, хоть и сѣверянинъ по языку, однако сказалъ даже

^о ^о ^о ^о ^о ^о ^о
 Скрижаль заповѣдей святыхъ (Изображеніе Фелицы,
 строфа 9).

Мы, Москвичи, говоримъ *заповѣдей* и съ тѣмъ-же удареніемъ произносимъ всѣ косвенные падежи мн. ч., кромѣ вин., отъ словъ на *-ость* (но, конечно, *костей*, *волостей* и пр.), въ томъ числѣ и на *-ность*, чему слѣдуетъ и большинство Русскихъ за исключеніемъ нѣкоторыхъ образованныхъ, которые склоняютъ «древностей, древностямъ» и т. д., не отваживаясь впрочемъ не только на *радостей* и *гладостей*, но, кажется, и на *мстностей*, хотя многіе говорятъ *скоростей*, *плоскостей* и всѣ—*крѣпостей*. Какъ бы то ни было, неподвижность ударенія въ словахъ ж. р. на *-ь* есть явленіе позднѣйшее, основанное на аналогіи. Многія односложныя и до сихъ поръ переносятъ удареніе не только въ косвенныхъ падежахъ мн. ч., а и въ мѣстномъ ед. («на Русіи», но «по Русіи», въ чемъ образованные, даже народ-

ники, подь часъ путаются»); но и нѣкоторыя двухсложныя сохраняютъ у простонародья, хоть не вездѣ, удареніе на послѣднемъ слогѣ того-же падежа: *на памяти, въ осені, а на югѣ* и твор. *осенью*; да и въ Москвѣ часто слышно *на лошади, на площади*, какъ на Сѣверѣ (Извѣстія II 238, 253, 266). Сербы иначе не склоняютъ какъ нар. «пáмеет, пáмеети, у памеѣти», «стáроост, стáрости, у старóсти». Сюда-же относятся, можетъ быть, первоначально мѣстные падежи *пяти, шести, семи, осми, девяти, десяти* и т. д. Удареніе на первомъ слогѣ такихъ словъ было того-же качества, какъ въ формахъ *воду*, чтó показываетъ энклиза при предлогахъ: «зá ночь», «дó смерти», «нá десять», но не въ двухсложныхъ существительныхъ кромѣ *четверть* вслѣдствіе сродства этого слова, съ числительными: «нá четверть», «бѣзъ четверти», чтó не помѣшало такому-же образованію *треть* утратить способность къ энклизѣ.

Если бы мы вздумали подвести итоги современному употребленію, пришлось бы остановиться приблизительно на слѣдующихъ правилахъ. Изъ односложныхъ словъ переставляютъ удареніе съ корня 1) въ мѣстномъ п. ед. ч. и въ косвенныхъ (кромѣ вин.) падежахъ мн. ч. *кость, соль, часть* (= полицейскій участокъ), *грязь, тѣнь, шерсть, горсть, мѣль* (пишутъ «мель»), *жердь, грудь, рѣчь, ночь, зыбь, клять, бровь, кровь, связь, смѣсь, дверь, плѣшь, цѣпь, печь, стѣнь, ось, трость* (не всегда) и въ мѣстномъ ед. ч. не имѣющія множественнаго *рысь* (родъ аллюра), *пыль, честь, корь, плоть, сталь* (не всегда), *глубь, глушь, тишь, даль, крѣнь, новь, старь, мѣдь, земь, и близь* (только съ предлогами), *Русь, Тверь, Пермь* и др., списокъ которыхъ было бы желательно довести до совершенной полноты, какъ и слѣдующихъ категорій; 2) только въ косвенныхъ падежахъ мн. ч. *часть* (= pars), *кисть, вѣсть, масть, стѣнь* (въ ед. ч. — црксл.), *б...ь* (meretrix), *дробь, плеть, треть, мышь, вещь, снасть, сласть, страсть, власть, смерть, полость, дѣсть, скорбь* (впрочемъ, кажется, и *въ дѣсти, въ скорби*). Не переносятъ ударенія односложныя *рысь* (lunx), *быль, боль, жизнь, казнь, лань, выть,*

хлябъ, кадь, рать, тварь, топь, цль, дань, дебръ и др., изъ которыхъ многія употребляются только въ ед. ч., каковы *пасть* (хотя возможенъ им. и вин. *пáсти*), *грусть, жесть, лесть, моль, месть, боязнь, рознь, смьсь, хворь, лнь, дурь, голь, блань, дичь, слизь, гладь, чушь*, (вмѣсто «чужь»), *чернь, гарь, ртьзь, течь, дрянъ, дрань, вонь, мразь, хлупь, бязь, знать, суть, шваль, злость*. Изъ двухсложныхъ переносятъ удареніе во мн. ч. трохасическія простыя, т. е. не содержащія въ себѣ ни предлога, ни суффикса, сознаваемыхъ въ качествѣ отдѣльныхъ отъ корня частей, напр. *облость, мьлочь, зѣлень* (со второобразнымъ имен. мн. *зелені* м. р.), *стѣпень* (откуда, вѣроятно, и *ступѣнь* образуемъ не только *ступѣней*, но и *ступеней*). Впрочемъ даже отъ сложнаго *пó-да-ть* род. мн. *податѣй*, дат. *податѣмъ* и т. д. Удареніе прочихъ словъ ж. р. на *-ь* неподвижно, по крайней мѣрѣ, въ литературномъ языкѣ, однако не безъ исключеній; такъ, не смотря на *зѣповѣдей*, мы говоримъ *проповѣдей* — почему? должно быть, только потому, что первое изъ этихъ двухъ словъ чуждо просторѣчю, а къ ударенію такихъ словъ мы обыкновенно относимся осторожнѣе. Въ языкѣ грамотныхъ число такихъ заимствованій изъ церковно-славянскаго, а также искусственныхъ образованій значительно больше, — зато больше словъ съ неподвижнымъ удареніемъ. Для исторіи словъ ж. р. на *-ь* важны слѣдующія данныя: 1) всѣ слова съ подвижнымъ удареніемъ, особенно въ мѣстномъ пад. ед. ч., употребительны въ просторѣчьи, въ которомъ они, по всей вѣроятности, были бы гораздо многочисленнѣе, если бы ощущалась надобность для обихода въ образованіи отъ нихъ мѣстнаго пад. ед. ч. и всѣхъ или хотя нѣкоторыхъ падежей мн. ч., напр. *высь, ширь, мочь*, произведенныя впрочемъ совершенно такъ-же, какъ упомянутыя выше *даль* (въ дали), *тишь* (въ тиши), *ртьчь* въ рѣчи, рѣчѣй) и т. п., или *часть*, съ которой въ смыслѣ хотя-бы отдѣла сочиненія простолюдину нечего дѣлать, тогда какъ ему хорошо извѣстно, что значить «сидѣть въ части»; 2) даже тѣ слова, которыхъ удареніе въ языкѣ образованныхъ неподвижно, а въ

просторѣчій, по крайней мѣрѣ, неясно, переставляютъ его въ опредѣленныхъ соединеніяхъ, какъ «дѣло теперь на мази»; 3) многія слова изъ переносящихъ удареніе въ мѣстномъ пад. ед. ч. и отчасти во мн. ч. подлежатъ въ формахъ съ удареніемъ на первомъ слогѣ энклизѣ послѣ предлоговъ, что указываетъ на исконную подвижность ударенія: *за соль, по язюи, по шерсти, на мѣль, за грудю, на (за) ночь, на брови, ѳз-дали, на (о) зель, до кровю, на (за, обѣ, подѣ) дверь (за двери), по пѣши, на (за) цѣпь* («И днемъ и ночью котъ ученый Все ходитъ по цѣпи кругомъ» Пушкинъ, прологъ Руслана и Людмилы), *на (за, подѣ) печь, по степи, на (подѣ) лошадь*, иногда *отъ части*, всегда *на смерть, до смерти, при смерти* (но въ томъ-же мѣстномъ пад. *по смѣрти*, потому что это формула книжная), кромѣ того пѣсенное *до любви* (кого пожаловать) и т. п. Малороссы сохранили подвижность ударенія въ словахъ этого рода слабѣе, чѣмъ Великороссы, однако въ мѣстномъ пад. ед. ч. отъ *нич, тинь, бров, кров, двірь, нич, вісь* (род. *бси*) и др. еще слышится мѣстами удареніе на концѣ, также во мн. ч. *ночій, ноцям* и т. д. Не слѣдуетъ забывать, что многія изъ относящихся сюда словъ замѣняются въ малорусскомъ языкѣ другими словами или, по крайней мѣрѣ, образованиями, какъ *частіна, жердка, степ* и *нич* м. р., *грудю* (мѣстн. п. *на грудюх*) только во мн. ч. Что касается сербскаго, то о двухсложныхъ словахъ было уже сказано, а доселѣ употребительныя односложныя еще не утратили подвижности ударенія: *кост*, род. *кости* — род. мн. *костим* и *костіуу*, *нобѣ* род. *ноби* — мѣстн. *ноби*, *чааст* род. *части* — мѣстн. *часті*, *рїјеч* (*рїици*, рѣеч) род. *рїјечи* (*рїици, чѣечи*) — мѣстн. *рїјечи* род. мн. *рїјечим*; но *зелеен* и другія производныя отъ корней прилагательныхъ ударенія не перемѣщаютъ. Если при всемъ этомъ мы примемъ въ расчетъ тотъ несомнѣнный фактъ, что — за рѣдкими исключеніями въ родѣ нашего новаго мн. ч. м. р. на *-а* (*-я*) — удареніе все болѣе теряетъ свою подвижность, а никакъ не наоборотъ, слѣдуетъ предполагать, что чуть не всѣ существительныя ж. р. на *-ь* разнообразили мѣсто своего ударенія

послужить мнѣ извиненіемъ то обстоятельство, что, пустившись въ эти частности, не стоящія иногда въ непосредственной связи съ предметомъ изслѣдованія, я имѣлъ въ виду двоякую цѣль: 1) приготовить разомъ почву для дальнѣйшихъ своихъ разысканій въ области русскихъ удареній, чтобы впредь не повторять одного и того-же, и 2) обратить вниманіе специалистовъ на исторію русскаго ударенія, для которой до сихъ поръ сдѣлано довольно мало.

Ө. Коршъ.

2007110870